БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Сент. Окт. 1907 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. №№ 6-7.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Затишье продолжается...

„Три года тянулась борьба, тяжелая, кровавая борьба; три года страна мучительно напрягала всѣ свои силы, чтобы въ проклятой стѣнѣ, предъ которой она стоитъ уже столько столѣтій, пробить хоть маленькое, хоть крохотное оконце къ свѣту и солнцу; цѣлыхъ три года, грозныхъ и мрачныхъ три года, строились висѣлицы, воздвигались эшафоты, рылись могилы самымъ лучшимъ, самымъ отважнымъ борцамъ за свободу... И все напрасно: стѣна оказалась сильнѣе!... На одинъ только мигъ пошатнули ее мощные удары восставшаго народа. Казалось, вотъ сейчасъ упадетъ она, и въ безпросвѣтную, могильную тьму русской дѣйствительности ворвется свѣжій потокъ яркихъ и жгучихъ лучей; казалось, уже рѣдѣютъ тѣни прошлаго, уже рвутся цѣпи позорнаго, вѣкового рабства, уже заря занимается, заря новой, полной свѣта и радости жизни; казалось, пробилъ, наконецъ, часъ свободы... Увы! Это только казалось. Ни Земли ни Воли не добился народъ. Уже буря утихла, гроза миновала, и все тѣ же зловѣщія тучи висятъ надъ истерзанной, кровью залитой страной...

Да, затишье продолжается. Почему и какъ произошло оно? Почему оно такъ долго и томительно длится? Кто свелъ къ нулю широкій размахъ революціи, остановилъ на полдорогѣ уже могуче размахнувшуюся руку народныхъ массъ? — На всѣ эти вопросы мы попытались уже дать отвѣтъ *). Мы указали на роковую роль могильщиковъ революціи, которую, сознательно или нѣтъ, сыграли наши политическія партіи. Онѣ, и только онѣ, виноваты въ томъ, что революція не дошла до конца. Желая во что бы то ни стало провести ее по руслу своей „теоріи", недопускающей историческихъ „скачковъ", онѣ всѣми силами старались вытравить изъ нея всю ея *соціальную* сущность, дисциплинировать ее, уничтожить ея народно-экономическій характеръ, т. е. именно то, что составляло всю ея силу, словомъ, обратить ее въ революцію *буржуазную*. Отъ этого, конечно, страдала сама борьба: она мельчала, суживалась, количественно и качественно понижалась; но что за важность! — За то выигрывала и въ „научности" и въ силѣ, и въ славѣ „теорія"... Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ, чтобы *соціальный* переворотъ произошелъ *до* полнаго расцвѣта капитализма, до *предварительно необходимой* побѣды буржуазіи, иначе что стало бы съ марксизмомъ?! И партія работала для спасенія марксизма и, надобно сознаться, труды ея увѣнчались успѣхомъ: революція дѣйствительно потеряла свой соціальный характеръ и грозный, боевой лозунгъ „Земля и Воля!" народныя массы размѣняли на мелкія и жалкія демократическія „свободы"...

Но хмѣль октябрьскихъ дней уже начинаетъ проходить; массы какъ будто опомнились; онѣ начинаютъ понимать, что конституція и „свободы", даже безъ придачи казацкихъ нагаекъ и висѣлицъ, земли и воли имъ замѣнить не могутъ; онѣ начинаютъ понимать, что не пустыми хвастливыми угрозами и еще менѣе податливостью и смиреніемъ удастся побѣдить крѣпостническое самодержавіе и добиться, не „свободъ", а настоящей, великой свободы. И въ самомъ дѣлѣ: какими страшными для самодержавія угрозами дышали рѣчи всей лѣвой первой Думы? Какихъ „ужасовъ" не предвѣщала она, какихъ бѣдъ не сулила нежелавшему сдаться правительству?... Но угрозы эти были пустыми, безсодержательными. Возставшія было народныя массы притихли, ожидая своего спасенія отъ Думы, и этимъ самымъ совершенно обезсилили угрозы, лишили ихъ всякаго значенія. Правительство поняло это, правда послѣ нѣкотораго колебанія, а потому, ничуть не испугавшись, разогнало Думу. Еще въ болѣе трагичномъ или комичномъ, положеніи очутилась вторая Дума. Наученная горькимъ опытомъ своей предшественницы, она къ угрозамъ уже не прибѣгала; наоборотъ: рѣдкой податливостью, поразительной мягкостью и уступчивостью, она пыталась уговорить, убѣдить Столыпина въ необходимости той или иной изъ предлагаемыхъ ею реформъ. Но, невзирая на смиренность и относительную чинность „красныхъ", невзирая на всю умѣренность и „законность" кадетовъ, Столыпинъ не далъ убѣдить себя и, во второй разъ, Дума получила отставку. Позорная уступчивость оказалась такой же безплодной, какъ и *жалкая* угроза; и народъ пойметъ это — если уже не понялъ!...

Но это не единственная истина, которую думская авантюра должна была уяснить народнымъ массамъ; она должна была раскрыть имъ глаза и на другую, еще пожалуй гораздо болѣе важную и великую: она должна была доказать имъ, что дерзость и смѣлость господъ, а потому и сила ихъ, растутъ пропорціонально трусости и мелочности, а потому и слабости, рабовъ. И въ самомъ дѣлѣ: что представляла собою Дума, если не жалкую, ничтожную демократическую выдумку, которая, какъ и всякій парламентъ, могла лишь стать игрушкой въ рукахъ правящихъ классовъ для забавы и надувательства всегда наивныхъ и довѣрчивыхъ народныхъ массъ? И тѣмъ не менѣе, когда хотя бы эта Дума держала себя хоть сколько нибудь достойно, хоть сколько нибудь гордо и вызывающе — правительство пасовало, со скрежетомъ зубовнымъ, съ еле удерживаемой внутренней злобой, но все же пасовало. Никогда, напримѣръ, Столыпинъ не осмѣлился бы предложить первой Думѣ выдать ему стѣснявшихъ его депутатовъ. Ничего революціоннаго она, конечно, не дѣлала, да и дѣлать не могла, но по крайней мѣрѣ она прилично и достойно держалась; она не трусила, она не дрожала все время за свое существованіе, она громко и смѣло говорила, и даже одного этого было достаточно, чтобы хоть на время внушить правительству нѣкоторыя опасенія, нѣкоторое сомнѣніе въ собственныхъ силахъ. Иначе, совсѣмъ иначе обстояло дѣло со второй Думой: съ перваго до послѣдняго момента своего существованія она жила въ страхѣ, въ вѣчномъ страхѣ за себя, за свою жизнь; результатомъ же этого было — постоянное заискиваніе, пошлая уступчивость, кокетливое и жалкое заигрываніе съ властью. И само собою разумѣется, чѣмъ больше унижалась и опускалась Дума, тѣмъ больше росла и крѣпла увѣренность въ своихъ силахъ у правительства. Изъ двухъ враждующихъ сторонъ — сила одной всегда пропорціональна слабости другой: это великая и вѣчная истина, которую думская авантюра только подтвердила и которую, надобно надѣяться, народныя массы поймутъ, если уже не поняли!...

Но что же дальше? Какъ быть *теперь?* Какъ прекратить мертвящее затишье? Какъ расшевелить, встряхнуть застывшія народныя массы? Какъ раздуть въ мощное, стихійное пламя еще тлѣющія искры революціи? Какъ уничтожить то удрученное состояніе, ту растерянность революціонныхъ силъ, которая, быть можетъ, является самой характерной чертой переживаемаго нами момента?...

Что личность играетъ нѣкоторую роль въ исторіи — это одна изъ тѣхъ общепризнанныхъ истинъ, которыя въ доказательствахъ больше не нуждаются. Но если роль эта болѣе или менѣе значительна даже въ мирное время, то въ революціонную эпоху она, само собою разумѣется, несравненно ярче и важнѣе. Что такое революціонное время? — Это историческій моментъ, когда одинъ прожитый народомъ день даетъ его сознанію гораздо больше, чѣмъ цѣлые годы мирнаго прозябанія; это моментъ крайне увеличенной воспріимчивости, чрезмѣрнаго подъема всѣхъ умственныхъ и духовныхъ силъ. Революціонное время — это моментъ, когда, вырвавшись наконецъ изъ объятій засасывающей и одряхляющей обыденности, личность и даже цѣлые народы совершенно перестаютъ чувствовать, что воля можетъ иногда быть безсильной, что желанія могутъ имѣть когда либо какіе либо предѣлы; это моментъ чудесъ, моментъ, когда всѣ, всѣ самыя завѣтныя мечтанія, самыя безумныя надежды и стремленія — на одинъ

*) См. „Буревѣстникъ". № 5 Затишье.

только шагъ, на полъ шага отъ осуществленія. Революціонное время — это, наконецъ, моментъ, когда между воздѣйствіемъ на массы и реагированіемъ этихъ массъ нѣтъ больше пропорціональности, когда каждое слово, каждый жестъ, малѣйшій толчокъ можетъ вызвать невѣроятныя сотрясенія, когда малѣйшій шорохъ можетъ сопровождаться гулкимъ, чудовищнымъ эхомъ...

А если это такъ, и если дѣйствительно мы теперь переживаемъ только моментъ затишья, а не процессъ умиранія революціи; если дѣйствительно Россія представляетъ собою въ настоящую минуту не потухшій пожаръ, а затихшій вулканъ, гигантскій пороховой погребъ, готовый взорваться отъ всякой искры; если все это дѣйствительно вѣрно — то отвѣтъ на вопросъ: „что же дальше? что намъ дѣлать"? чрезвычайно простъ и ясенъ. Мы должны использовать революціонное состояніе народной души; каждый изъ насъ долженъ быть той силой, которая приведетъ снова въ дѣйствіе умолкшій, но все же грозящій изверженіемъ вулканъ, той искрой, отъ которой снова и съ новой мощью вспыхнетъ тлѣющій, но все же не потухшій пожаръ!...

Да, горючій матеріалъ уже готовъ. Цѣлыми вѣками накоплялся онъ; изъ невѣжества и нищеты, изъ позорнаго рабства и неописуемыхъ страданій, изъ безумной тоски и дикаго отчаянія народныхъ массъ слагался онъ. Матеріалъ готовъ; нужна только сила, которая отважно и безъ страха воспламенила бы его!... Будемъ же мы этой силой, но будемъ ею сейчасъ же, пока революціонный моментъ не утратилъ еще своего бодрящаго, возбуждающаго вліянія, пока въ массахъ не совсѣмъ еще умерло напряженное состояніе, вызванное трехлѣтней борьбой, пока духъ возмущенія еще грѣетъ и заставляетъ быстрѣе биться сердца восставшихъ рабовъ, пока не разсѣялась еще вся ненавистью и страстью пропитанная революціонная атмосфера. Да, будемъ силой сейчасъ же! И пусть не смущаетъ насъ тотъ фактъ, что насъ пока еще мало. Мы переживаемъ теперь одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ историческихъ моментовъ, когда не только въ области философіи и мысли, но и въ области общественной жизни качество важнѣе количества. Конечно, значеніе всякой идеи, всякой индивидуальности опредѣляется главнымъ образомъ *внутреннимъ* содержаніемъ этой идеи, *внутренней* духовной силой этой индивидуальности; но не только этимъ: оно опредѣляется еще и тѣмъ вліяніемъ, которое идея или индивидуальность способны пріобрѣсти на массу, ея соціальнымъ вліяніемъ. Вотъ почему оцѣнка значенія всякой идеи или личности обыкновенно заставляетъ себя такъ долго ждать. Но если въ обыденное, мирное время масса, благодаря своей косности, долго противится всему новому, долго тормозитъ всякую новую идею, долго порицаетъ и даже караетъ всякій поступокъ, который нарушаетъ равновѣсіе ея ежедневной, тусклой жизни, то теперь она такъ чутка и воспріимчива, въ ней бьетъ и клокочетъ такой огромный запасъ страстей, въ ней столько затаенной, но рвущейся на волю энергіи, что нѣтъ такой новой идеи, такого даже необычайнаго факта, которыхъ она бы не поняла быстро и не оцѣнила. Теперь одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда всякая духовно сильная личность въ состояніи увлечь за собою всю массу, и такимъ образомъ, превратиться въ силу „физическую," способную разрушить міръ... Вотъ почему, повторяю, наша малочисленность не должна насъ тревожить. Пусть каждый изъ насъ будетъ силой! И словомъ, и дѣломъ пусть каждый изъ насъ будетъ примѣромъ народу„ призывомъ къ великой, къ конечной борьбѣ!...

Да, безпощадная, неумолимая *борьба* со всѣмъ отживающимъ строемъ; *борьба* ни на минуту не прекращающаяся со всѣми представителями современнаго режима; *борьба*, благодаря которой все господствующее и угнетающее не знало бы ни одного дня, ни одного часа покоя; *борьба* доведенная до степени гражданской войны — вотъ единственно возможный отвѣтъ на вопросъ: „что намъ дѣлать"? Но *борьба* не во имя многочисленныхъ „свободъ", не во имя конституціи и республики, которая для трудящихся классовъ будетъ такой же мачехой, какъ и самодержавіе, а во имя одной только настоящей свободы, во имя анархіи и коммунизма.

Вотъ отвѣтъ на вопросъ: „что же дальше"?

Отъ редакціи.

По вопросу о синдикализмѣ „Буревѣстникъ" занимаетъ слѣдующую позицію:

Всѣ члены редакціи согласны, что въ современный моментъ въ Россіи анархисты должны организовать рабочихъ въ нелегальные союзы по профессіямъ.

О принципіальномъ же отношеніи къ синдикализму въ редакціи существуетъ два направленія которыя и выскажутся на страницахъ Буревѣстника.

Ред.

Анархизмъ и революціонный синдикализмъ.

Синдикализмъ! Революціонный синдикализмъ! — вотъ новые лозунги, которые раздаются въ нашей падкой на „послѣднія слова" прессѣ. Литература о революціонномъ синдикализмѣ все растетъ и еле удовлетворяетъ спросу на нее. Какъ о всякомъ модномъ теченіи, о синдикализмѣ много спорятъ, толкуютъ. Несмотря на весь этотъ шумъ, мы сомнѣваемся въ успѣхѣ проповѣдниковъ нейтральнаго рабочаго движенія въ Россіи. Революціонный синдикализмъ — специфическій продуктъ специфическихъ французскихъ условій, онъ является равнодѣйствующей цѣлаго ряда разнообразныхъ силъ, борющихся въ этой странѣ. И надо обладать всѣмъ запасомъ трусливо-сѣраго преклоненія предъ дѣйствительностью, преклоненія, столь свойственнаго реаль-политикамъ всѣхъ степеней и формацій, надо обладать всей убогостью творческой фантазіи рев. синдикалистовъ, чтобъ выдавать рев. синдикализмъ за цѣльное міровоззрѣніе, чтобъ предсказать ему роль въ международной жизни рабочихъ.

Обойти, однако, молчаніемъ это движеніе мы не можемъ. И не только литературная пропаганда синдикализма вынуждаетъ насъ выступить въ печати противъ него. Имѣются и болѣе глубокія причины, заставляющія насъ открыть полемику по этому вопросу.

Въ послѣдніе годы французскіе анархисты принимали дѣятельное участіе въ синдикатахъ, видные теоретики анархизма поддерживали своимъ авторитетомъ это движеніе. При отсутствіи чисто анархической, революціонной работы, широкіе круги рабочихъ стали отождествлять анархизмъ и синдикализмъ. Даже больше, видные анархисты, вошедшіе въ синдикаты, постепенно приспособлялись къ окружавшей ихъ средѣ, все рѣже стали вспоминать про свое прежнее міровоззрѣніе, пока окончательно не забыли его. Подъ вліяніемъ французскихъ идей синдикализмъ перешелъ въ программу группы русскихъ анархистовъ, литературнымъ выразителемъ которой является „Хлѣбъ и Воля". Эта форма синдикализма, синдикализмъ, проповѣдуемый анархистами, по нашему мнѣнію, является опаснымъ, можетъ стать роковымъ для анархизма, такъ какъ отвлекаетъ часть нашихъ, еще столь малочисленныхъ, силъ на дѣло, не только чуждое, но и вредное для анархизма. Поэтому, мы въ нашей попыткѣ критики синдикализма не ограничимся разборомъ основоположеній одного только синдикализма, но попутно будемъ разбирать доводы, приводимые нашими товарищами въ пользу безпартійнаго рабочаго движенія. —

Велико одурманивающее значеніе фразеологіи въ дѣятельности всѣхъ политическихъ партій, мастерски прикрываютъ онѣ пышнымъ языкомъ цвѣтистыхъ фразъ внутреннюю убогость идей и безсодержательность своихъ программъ. Звучныя слова, прекрасныя обѣщанія — и въ теоріи рев. синдикализма удачно маскируютъ отъ неопытнаго глаза дѣйствительную сущность этой теоріи, дѣйствительное ея значеніе — принципіальное и тактическое. Установить настоящее значеніе рев. синдикализма, оцѣнить его по достоинству, намъ удастся лишь тогда, когда мы проанализируемъ каждое изъ основоположеній его, отбросимъ мишуру его революціонныхъ фразъ, обнажимъ подоплеку его.

Самый существенный принципъ, который кладется въ основаніе рев. синдикализма — внѣпартійная организація рабочихъ, организація по сходству интересовъ. „Корпоративная группа дѣйствительно является единственнымъ центромъ, который по своему устройству отвѣчаетъ стремленіямъ, вдохновляющимъ пролетарія. Она единственное собраніе человѣческихъ существъ, исходящихъ изъ сознаго сходства интересовъ, — такъ какъ смыслъ ея существованія въ самой формѣ производства, съ которой она беретъ образецъ и которой она является продолженіемъ".*)

... „Синдикатъ долженъ занимать первое мѣсто среди общественныхъ союзовъ; ему должно подчиниться, такъ какъ онъ самый полезный, единственный и необходимый".**)

Рев. синдикализмъ на разные лады варьируетъ эту основную мысль. Нѣкоторые выдаютъ ее за новое откровеніе, а другіе, заднимъ числомъ, вычитываютъ ее въ произведеніяхъ Маркса. Анархисты-синдикалисты упрекаютъ тѣхъ и другихъ въ литературной кражѣ и укоризненно указываютъ на программу интернаціонала.

---

*) Э. Пужэ. „Синдикатъ". Сборникъ „Черное Знамя", стр. 228.

**) Тамъ же, стр. 229.

Споръ совершенно напрасный. Ибо на самомъ дѣлѣ, политическая нейтральность союзовъ и организація по сходству интересовъ входитъ, какъ основные элементы, во всякое профессіональное рабочее движеніе.

И это совпаденіе основного положенія революціоннаго синдикализма и просто синдикализма, синдикализма безъ прилагательныхъ, не случайное. Революціонный синдикализмъ беретъ свои корни въ той же почвѣ, питается тѣми же соками, что и всякое профессіональное рабочее движеніе. Если въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи французскій синдикализмъ нѣсколько уклонился отъ обычнаго пути профессіональныхъ союзовъ, то сдѣлалъ онъ это подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ, вопреки присущимъ ему внутреннимъ тенденціямъ. И уклоненіе это совершилось преимущественно въ области фразеологіи, а не въ области дѣйствій. Революціонный синдикализмъ — непослѣдовательный синдикализмъ. *Послѣдовательно* развивая мысль о необходимости организаціи на почвѣ интересовъ, *послѣдовательно* выдѣляя изъ компетенцій союзовъ все то, что различаетъ рабочихъ различныхъ политическихъ партій, различныхъ соціальныхъ идеаловъ, приспособляя тактику свою къ самымъ противуположнымъ боевымъ темпераментамъ, синдикализмъ *фактически* выдвигаетъ политическую программу буржуазныхъ реформаторовъ; фактически проводитъ тактику, рекомендуемую рабочимъ ихъ „друзьями" изъ буржуазнаго лагеря. Нейтральная область, область, въ которой можетъ ужиться непокорный врагъ всякаго подчиненія съ послушнымъ приверженцемъ государственнаго капитализма; въ которой находитъ себѣ пріютъ мирно-ползущій „выжидатель" и сжигаемый огнемъ революціоннаго нетерпѣнія бунтарь, — если она вообще только возможна,—будетъ областью частичныхъ завоеваній и мелкихъ уступокъ.

Сила синдикализма — въ жалкомъ практицизмѣ и лакейской приспособляемости его.

Сфера его вліянія — область торгашески-мѣщанскихъ чувствъ и инстинктовъ, которыми фатально заражаются рабочіе въ строѣ, форма котораго — конкурренція, содержаніе — барышъ, а символъ — биржа и притонъ разврата.

Синдикализмъ — это орудіе, выработанное въ процессѣ взаимнаго приспособленія пролетарскаго и буржуазнаго міровъ.

Синдикатъ — органъ взаимнаго страхованія рабочихъ и капиталистовъ.

Тактика синдикалистовъ — тактика „регулированія" стихійнаго рабочаго движенія, — вытравленіе изъ груди рабочихъ стихійной жажды уничтоженія лицъ и орудій ихъ эксплуатаціи и угнетенія, стремленіе убить въ рабочихъ страсть къ борьбѣ, радостное чувство революціонной активности, и подмѣна этихъ единственныхъ богатствъ пролетарія недоброкачественными цѣнностями трусливой проповѣди благоразумія, умѣренности, скромности въ требованіяхъ, „спокойствія" въ борьбѣ, осторожности въ нападеніи и быстроты въ отступленіи.

Сила же анархизма въ его полномъ и радикальномъ отрицаніи всѣхъ основъ современнаго строя, въ его священной ненависти ко всѣмъ цѣнностямъ, поддерживающимъ строй жаднаго обмана и непрерывнаго насилія.

Обаяніе анархизма — въ его ученіи о свободной, мощной и красивой личности, въ его общественныхъ идеалахъ, которые одни только и дѣлаютъ возможнымъ правильное развитіе, существованіе этой личности.

Мощь анархизма — въ необъятной широтѣ его горизонтовъ, еле улавливаемыхъ слабымъ глазомъ узника современнаго міра — тюрьмы.

Сфера вліянія анархизма — все, что есть здороваго, сильнаго, гордаго и красиваго въ рабочихъ, и только по этимъ лучшимъ струнамъ ихъ души должна и можетъ ударить анархистская проповѣдь, только зачатки этихъ лучшихъ чувствъ онъ культивируетъ и развиваетъ.

Тактика анархизма — постоянный бунтъ, непрерывное возстаніе противъ всего существующаго, непрекращающееся колебаніе и разрушеніе основъ современнаго міра, неумолкающій призывъ къ неповиновенію, мятежу.

Если программа и тактика синдикализма всей своей грузной тяжестью мирно покоятся въ современномъ строѣ, то анархизмъ въ своей програмѣ и тактикѣ черпаетъ живой источникъ силъ въ имѣющихся уже въ насъ зачаткахъ грядущаго. И только соціальные алхимики, соединяющіе въ своихъ діалектическихъ лабораторіяхъ несоединимое, примиряющіе въ своихъ крылатыхъ софизмахъ непримиримое, могутъ найти точки соприкосновенія между этими на смерть враждебными другъ другу мірами, могутъ пытаться заполнить непроходимую пропасть, раздѣляющую ихъ. Вѣдь даже самымъ ловкимъ факирамъ соц.-демократической магіи со всѣмъ ихъ запасомъ научныхъ фикцій, со всѣмъ ихъ арсеналомъ жалкихъ, изо дня въ день повторяемыхъ о словъ, пролетаризаціи и объективно-стихійно совершающейся экспропріаціи, со всей ихъ экономической миѳологіей, не удалось до сихъ поръ вывести гуманитарныхъ элементовъ соціализма — равноправіе женщинъ, интернаціонализмъ, уваженіе къ „низшимъ", некультурнымъ расамъ, — изъ ближайшихъ интересовъ рабочихъ. Анархизмъ содержитъ въ себѣ непосредственно болѣе идейныхъ элементовъ, чаще апеллируетъ къ высшимъ чувствамъ рабочаго, требуетъ отъ него большаго размаха и самоотверженности въ борьбѣ. Тѣмъ ярче должна быть проведена разграничительная линія между анархизмомъ и синдикализмомъ. Людямъ же, которые видятъ сущность анархизма въ федераціи автономныхъ синдикатовъ, на весь же идейный багажъ и революціонныя традиціи смотрятъ, въ лучшемъ случаѣ, какъ на допустимую роскошь, или даже, какъ на праздныя измышленія лукаво-мудрствующихъ интеллигентовъ, этимъ людямъ, какъ бы они ни клялись именами нашихъ учителей, какъ бы часто ни повторяли „анархизмъ, анархизмъ", — не войти въ царство анархическихъ мыслей, не воспринять всего богатства анархическихъ чувствъ и порывовъ.

Развитіе и современное положеніе профессіональныхъ союзовъ во всѣхъ почти странахъ съ сильнымъ рабочимъ движеніемъ подтверждаетъ справедливость нашей принципіальной оцѣнки синдикализма. Постепенное выдѣленіе синдикальной бюрократіи, порывающей съ рабочей средой, стоящей внѣ сферы непосредственной классовой борьбы; появленіе чиновниковъ, для которыхъ интересы рабочаго класса отожествляются съ солидностью ихъ профессіональнаго союза, съ богатствомъ фондовъ и количествомъ капиталовъ; все возрастающее вліяніе этой вредной корпораціи маклеровъ пролетаріата; все усиливающееся стремленіе къ централизаціи союзовъ; все растущая тенденція къ сокращенію числа стачекъ, къ увеличенію взноса; отягченіе дѣятельности синдиката филантропическими задачами — таковы характерныя черты, свойственныя профессіональному рабочему движенію Англіи, Австраліи, Америки и преобладающія въ рабочемъ движеніи континентальной Европы. Рабочее движеніе Германіи нѣкоторое время отличалось большей широтой кругозора, благопріятно выдѣлялось среди синдикализма другихъ странъ крупнаго капитализма своей большей идейностью. Въ послѣднее время и въ этой странѣ профессіональное движеніе быстро катится внизъ по наклонной плоскости подновленнаго, подправленнаго, въ частностяхъ улучшеннаго тредъ-юніонизма. Потокъ организованныхъ рабочихъ направляется и здѣсь, главнымъ образомъ, въ строго централизованные союзы, число членовъ которыхъ возросло съ 733,200 въ 1902 году, до 1,689,000 въ 1906 г.*) Взносы все повышаются. Средній годовой взносъ съ члена составлялъ въ 1891 г. 6 марокъ 68 пф., а въ 1906 г. поднялся до 24 марокъ 62 пф. Боевое значеніе синдиката уменьшается: изъ 36 милліоновъ, израсходованныхъ въ 1906 году только 13 мил. затрачены на стачки. За то постоянный капиталъ увеличился за послѣдній только годъ на 5 милліоновъ и составляетъ солидную цифру въ 25 милліоновъ марокъ... Благосостояніе, благоденствіе, а главное — спокойствіе...

Одиноко стоятъ среди своихъ солидныхъ уравновѣшенныхъ собратьевъ синдикаты Испаніи и отчасти Франціи. Спеціальныя экономическія условія этихъ странъ, а въ особенности національный характеръ ихъ народовъ противодѣйствуютъ тенденціямъ синдикализма, не даютъ имъ вполнѣ проявиться. Глубокая страсть, героическое настроеніе, бьющая черезъ край смѣлость — качества, не уживающіяся долго съ обыденностью и смиреніемъ, и они то вырываютъ испанскаго рабочаго изъ удушливыхъ объятій спрута синдикализма. Легко возбуждающійся темпераментъ, острая впечатлительность, революціонная традиція, тѣни павшихъ героевъ, память яркихъ дней великой борьбы; будятъ и тревожатъ французскаго рабочаго, не даютъ ему застыть, успокоиться, поддерживаютъ въ странѣ напряженное настроеніе, революціонное броженіе.

Уроки исторіи, факты жизни, не прошли безслѣдно и для рев. синдикалистовъ. Неумолимые — эти факты поколебали и въ ихъ сердцахъ наивную вѣру въ стихійный соціализмъ профессіональнаго рабочаго движенія. Старый синдикализмъ и для нихъ идейно мертвъ, а потому да здравствуетъ революціонный синдикализмъ, да здравствуетъ синдикализмъ умытый, подкрашенный и задрапированный въ модный плащъ новыхъ „теорій и" новѣйшихъ ученій. Наскоро сдѣланная, поспѣшно склеенная, бѣлыми нитками сшитая теорія, показываетъ серьезныя прорѣхи: новая „революціонная" надстройка не держится на унаслѣдованномъ отъ стараго синдикализма фундаментѣ, основныя положенія „ученія" находятся въ непримиримомъ противорѣчіи, чисто механически соединены между собою. Къ старому положенію о безпартійности союзовъ на бумагѣ приписывается расплывчатое положеніе: „задача синдиката уничтоженіе наемнаго труда и капитала". Удержи-

*) Vorwaerts № 193, 1907 г.

вается принципъ о необходимости организаціи по сходству интересовъ, о необходимости открыть доступъ въ синдикатъ каждому рабочему данной отрасли труда, а на ряду съ этимъ гордо заявляютъ, что рев. синдикатъ организуетъ только передовую часть рабочихъ, образуетъ авангардъ рабочаго класса, сплачиваетъ вокругъ себя революціонное меньшинство „застрѣльщиковъ рабочаго движенія“.

Вдумчивое сопоставленіе этихъ въ горнилѣ фразеологіи спаянныхъ принциповъ укажетъ намъ всю уродливую неестественность ихъ сожительства, безплодность ихъ сочетанія. На самомъ дѣлѣ, двери синдиката открыты для всякаго аккуратнаго плательщика синдикальныхъ взносовъ — налоговъ; приманка синдиката, его притягательная сила, обѣщаніе немедленной помощи въ ближайшей борьбѣ, за ближайшіе интересы. Составъ синдиката въ значительной степени опредѣляется указанными моментами. Контингентъ синдикатовъ главнымъ образомъ рекрутируется изъ числа лучше оплачиваемыхъ рабочихъ, рабочихъ спеціалистовъ; въ синдикатѣ много пролетаріевъ съ хозяйственной жилкой, помыслы и стремленія которыхъ не простираются дальше требованія восьмичасового рабочаго дня, за отцомъ государствомъ и другомъ — синдикатомъ обезпеченной минимальной заработной платы.

Жизненное-же, способное къ дѣйствію революціонное меньшинство возможно только, какъ соединеніе лицъ съ однороднымъ боевымъ настроеніемъ, съ *ярко выраженнымъ революціоннымъ темпераментомъ*. Солидарное проявленіе активности революціонеровъ будетъ обезпечено лишь солидарностью преслѣдуемыхъ ими цѣлей, одинаковостью ихъ симпатій, тождественностью исповѣдуемыхъ ими идей.

Наибольшей гармоніи и силы достигнутъ дѣйствія революціонеровъ при наивысшей свободѣ и полномъ отсутствіи препятствій для носителей ихъ.

Сила, неотразимость ихъ примѣра, увлекательность ихъ поступковъ будетъ тѣмъ ярче, чѣмъ непосредственнѣе ихъ настроеніе превратится въ желаніе, желаніе выльется въ дѣйствіе.

Смѣшанный, пестрый составъ синдикатовъ не можетъ создать насыщенной боевой энергіей атмосферы, необходимой для непрерывныхъ революціонныхъ выступленій.

Объединеніе на почвѣ ближайшихъ интересовъ и расплывчатой, сердцу многихъ ничего не говорящей, отодвинутой въ туманную даль программы будущаго, не можетъ дать сплоченнаго ядра рѣшительно, смѣло, солидарно дѣйствующихъ людей.

Сущность значенія, центръ вліянія революціоннаго меньшинства, революціонный его смыслъ, въ его поступкахъ, его дѣйствіяхъ. Демократическая-же организація синдиката съ его безсмысленнымъ и вздорнымъ принципомъ большинства — не даетъ революціонному меньшинству простора и свободы въ его проявленіяхъ, направляетъ потокъ боевой энергіи въ русло безполезныхъ дебатовъ и ненужныхъ препирательствъ.

Движеніе, которое положило въ свое основаніе другъ друга уничтожающіе принципы, не могло оказаться яркимъ и жизненнымъ. Дѣйствительно, революціонный синдикализмъ, какъ фактъ, а не какъ фраза, какъ жизненное явленіе, а не какъ газетно-брошюрная литература, не существуетъ.

Революціонный пафосъ въ словахъ, обыденность, тревожная мелочность въ поступкахъ — вотъ синтезъ, соединеніе, въ которомъ находитъ себѣ разрѣшеніе основныя противорѣчія революціоннаго синдикализма. Грозно сжимаются кулаки по адресу угнетателей и эксплуататоровъ .... и обидно безсильно опускаются угрожающія руки.

Гордые вызовы бросаются отъ имени угнетенныхъ и обездоленныхъ, и безслѣдно теряются звуки шумливыхъ словъ. „Уничтоженіе наемнаго труда и капитала“ пишется въ программѣ конфедераціи труда, и на основаніи этой программы принимаются синдикаты, ставящіе своей задачей недопущеніе на работу женщинъ, проповѣдующіе участіе въ прибыляхъ хозяевъ предпринимателей *). Не въ кассахъ сила рабочихъ, а въ ихъ революціонномъ жарѣ, въ готовности къ борьбѣ, пишется въ программно-офиціальныхъ брошюрахъ. А одновременно съ этимъ засѣдавшій на дняхъ конгрессъ механиковъ — одинъ изъ сильнѣйшихъ синдикатовъ, входящихъ въ составъ конфедераціи труда, — повышаетъ взносы своихъ членовъ, обѣщаетъ къ слѣдующему конгрессу еще больше увеличить ихъ „такъ какъ всѣмъ организаціямъ съ высокимъ членскимъ взносомъ удалось уменьшить рабочій день и повысить плату **).

*) „Neue Zeit“ 1906 года № 9 стр. 306, статья П. Луи Die Berufs- und Industrieverbände in Frankreich.

**) Humanité 10 Августа 1907 г.

Затѣваются грандіозныя манифестаціи, которыя должны внести страхъ и смятеніе въ ряды защитниковъ власти и капитала. А на этихъ демонстраціяхъ подлые наемники республиканскаго правительства безнаказанно свирѣпствуютъ, не встрѣчая сопротивленія, избиваютъ, калѣчатъ „революціонный авангардъ“ французскаго пролетаріата. Звѣрски истязаютъ въ участкахъ арестованныхъ манифестантовъ, методически издѣваются надъ ихъ человѣческимъ достоинствомъ, и безъ должнаго отвѣта остаются надругательства республиканскихъ опричниковъ. Спокойно, безтрепетно гуляетъ среди „бунтующихся“ рабочихъ опытный организаторъ рабочихъ избіеній, французскій Алихановъ, префектъ Парижа Лепинъ.

Золотушное революціонерство конфедераціи труда съ наибольшей ясностью высказалось въ моментъ наивысшаго напряженія ея дѣятельности — въ маѣ 1906 г. И безсиліе ея проявилось не въ томъ, что ей неудалось побѣдить врага, а въ отсутствіи настроенія, готовности и смѣлости къ дѣйствительной революціонной борьбѣ. Май 1906 г. — поворотный пунктъ въ исторіи французскаго синдикализма. Присущія ему противорѣчія проявились съ наибольшей силой. Дальше такъ итти нельзя. Борющіяся въ синдикатахъ тенденціи должны обособиться. Часть изъ нихъ, возможно, пойдетъ по старому пути, но оставитъ революціонную словесную декорацію; другая-же часть, если наши французскіе товарищи проявятъ только достаточно энергіи и революціонности, пойдетъ по тернистому и въ то-же время радостному пути революціоннаго анархизма.

* * *

Товарищи анархисты синдикалисты, вѣроятно, согласятся съ нѣкоторыми пунктами нашей критики революціоннаго синдикализма.

Вмѣстѣ съ нами они не считаютъ революціонный синдикализмъ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, сознаютъ недостаточную революціонность его. Революціонный синдикализмъ имъ импонируетъ, какъ проявленіе непосредственной борьбы рабочихъ, — какъ форма рабочей самодѣятельности, какъ средство вырвать рабочее движеніе изъ сферы вліянія политиканствующихъ соціалистовъ.

Непосредственная борьба! Самодѣятельность! Пріятно звучатъ эти слова для слуха анархиста. Но съ тѣхъ поръ, какъ Мефистофель раскрылъ намъ тайную власть фразы, слова, мы не принимаемъ безъ дальнѣйшаго анализа и такъ много говорящія нашему сердцу слова, какъ самодѣятельность, непосредственная борьба.

Жизнь-же, въ лицѣ англійскихъ рабочихъ — арьергарда международнаго пролетаріата — насъ учитъ, что наивысшая самодѣятельность, упорная непосредственная борьба съ хозяевами совмѣстима съ самымъ доброжелательно-благодушнымъ настроеніемъ къ принципамъ частной собственности и государства. Поэтому мы раньше всего спрашиваемъ упрямыхъ пѣвцовъ синдикальной самодѣятельности, каковы-же мотивы этой самодѣятельности? Укладываются они или выходятъ изъ рамокъ строя рабства и неволи? Каковъ характеръ непосредственной борьбы? Вытравляетъ ли она изъ груди рабочихъ остатки рабства и неволи? Закаляетъ-ли эта борьба волю рабочихъ для активной борьбы со всѣми ихъ притѣснителями, вырываетъ-ли она непроходимую пропасть между рабочимъ и угнетателями его?

Ни мотивы — не празднично-оффиціальные, а реальные мотивы — ни характеръ борьбы не удовлетворяютъ нашимъ требованіямъ. Мотивы уживаются и приспособляются къ современному строю. Пассивный-же характеръ aktion directe (непосредственной, прямой борьбы) — это бунтъ возставшихъ рабовъ, не освободившихся отъ своихъ рабскихъ инстинктовъ.

Если однобокіе фанатики „сознательности“ не видятъ пропасти, отдѣляющей сознаніе отъ дѣйствія, мысль отъ поступка, то проповѣдники action directe не видятъ дистанціи, отдѣляющей пассивный образъ дѣйствія, бунтъ на колѣняхъ, отъ активно-революціонной открытой борьбы. И поэтому, какъ-бы ни расходились и ни враждовали между собою парламентаризмъ и синдикализмъ, въ одномъ они сходятся: *факторомъ революціоннаго воспитанія, школой активной революціонной воли, синдикатъ такъ-же мало служитъ, какъ и парламентъ.*

Не менѣе иллюзорно и утвержденіе о внѣпартійности синдиката, о роли синдикализма, какъ предохранительной прививки отъ бациллы парламентаризма. Фактически, всякое окрѣпшее профессіональное рабочее движеніе въ области своей дѣятельности дѣйствуетъ самостоятельно, не подчиняется вліянію политическихъ партій. „Соціалдемократическіе“ профессіональные союзы Германіи нерѣдко высказываютъ мнѣнія, принимаютъ рѣшенія, идущія въ разрѣзъ съ оффиціально выраженнымъ мнѣніемъ партіи. Различно было и отношеніе союзовъ и партіи въ вопросѣ о массовой политической забастовкѣ. Но независимый въ синдикатѣ, рабочій не избѣгаетъ вліянія партіи въ вопросахъ, выходящихъ изъ сферы дѣятельности его союза. Поскольку революціонный синдикализмъ ограждаетъ только *синдикатъ* отъ вліянія политики,

онъ недалеко уходитъ отъ реформистскаго синдикализма. Только освобожденіе *рабочихъ-членовъ синдиката* отъ разслабляющаго вліянія праздно-болтающихъ политикановъ, могло-бы быть поставлено въ особую заслугу революціонному синдикализму.

Но этой заслуги за нимъ нѣтъ. Революціонный синдикализмъ порождаетъ въ рабочемъ вредную, хочется сказать, развращающую двойственность: въ синдикатѣ твердятъ рабочему о необходимости самодѣятельности, прямой борьбы, и тутъ-же прибавляется, что внѣ синдиката этому самому рабочему предоставляется голосовать за навязываемыхъ ему кандидатовъ „объединенныхъ" „независимыхъ" и просто буржуазныхъ соціалистовъ, радикаловъ. Весь комизмъ этой двойственности, этого сидѣнія на двухъ стульяхъ проявился во время январьской демонстраціи въ пользу воскреснаго отдыха, когда рабочіе синдикалисты прерывали стройное пѣніе интернаціонала радостными для сердца буржуа возгласами „vive la loi!" „да здравствуетъ законъ!"

Правда, „ядъ" парламентскаго скептицизма до извѣстной степени привитъ французскому рабочему, червякъ недовѣрія къ депутатамъ гложетъ французскаго пролетарія сильнѣе, чѣмъ его братьевъ за предѣлами Франціи: нигдѣ въ Европѣ язвы парламентаризма такъ не обнажались, нигдѣ „отцы народа" такъ открыто не выставлялись къ позорному столбу, какъ во Франціи. Панамскіе шантажисты противъ своей воли явились самыми ярыми критиками буржуазно-представительнаго правленія.

Распущенность, безпринципность, развратъ, нравственное разложеніе третьей республики находили свое яркое изображеніе въ произведеніяхъ популярнѣйшихъ французскихъ писателей, въ трудахъ такихъ мастеровъ пера, какъ Додэ и Золя. Анархисты въ своей литературѣ, въ своихъ рѣчахъ, указывали рабочимъ, что ядовитые всходы повальной продажности имѣютъ свои глубокіе корни въ основахъ современнаго общественнаго устройства, питаются отравленными соками частной собственности и власти. Наконецъ, многолѣтнее пребываніе у власти крайнерадикальныхъ министерствъ, правленіе лѣвыхъ радикаловъ, правленіе, которое свинцовой тяжестью душитъ и давитъ наиболѣе революціонно-настроенную часть рабочихъ, должно было въ корнѣ поколебать вѣру рабочихъ въ спасительность избирательныхъ побѣдъ и парламентскихъ голосованій. Въ этой-то атмосферѣ разочарованія и недовѣрія къ парламенту и зародилось движеніе революціоннаго синдикализма. Но оно не сумѣло скептическое *настроеніе* рабочихъ углубить въ *принципіальную вражду* къ палатамъ обмана и надувательства. Еще менѣе призванъ революціонный синдикализмъ сыграть роль опаснаго соперника политическихъ партій въ странахъ, гдѣ демократическія идеи еще недостаточно дискредитированы, гдѣ хмѣль конституціонныхъ иллюзій не испарился изъ одурманенныхъ головъ рабочихъ и крестьянъ. Тамъ всякая нейтральность, всякая безпартійность пойдетъ на пользу группамъ и партіямъ, потворствующимъ предразсудкамъ и суевѣріямъ массъ: ихъ страху кнута-власти, ихъ жаждѣ цѣпей законовъ. Тамъ безпартійное рабочее движеніе послужитъ на пользу лишь проповѣдникамъ государственнаго насилія, поклонникамъ законнаго разбоя.

Аргументы въ пользу синдикализма еще не исчерпаны. Синдикалисты увѣряютъ, что въ рукахъ синдикатовъ, и только въ ихъ рукахъ, грозный и страшный молотъ, который вдребезги разобьетъ строй грабежа и хищничества; только синдикаты смогутъ подготовить и организовать всеобщую стачку, необходимую прелюдію революціи.

Всеобщей стачкѣ посчастливилось въ литературѣ, о ней гораздо чаще и больше говорятъ, чѣмъ о соціальной революціи. „Всеобщая стачка, новое орудіе, выкованное самимъ пролетаріатомъ въ его непосредственной борьбѣ со своими эксплуататорами". Ей кадятъ, ей гимны поютъ. Безграничное славословіе всеобщей стачки вполнѣ понятно и умѣстно въ устахъ людей, питающихъ наивную и вредную вѣру въ силу мирной забастовки. Маниловы въ соціализмѣ надѣются перехитрить буржуазію, взять ее изморомъ. Подобно китайцамъ, они думаютъ напугать непріятеля поддѣльными пушками. Вредная иллюзія, невозвышающій насъ обманъ! Въ рѣшительную минуту классовый инстинктъ заставитъ буржуазію хоть *временно* практиковать проповѣдуемую ею рабочимъ *постоянно* бережливость, подскажетъ ей о необходимости временно сократить свои потребности. При количественной незначительности ея, при постоянной готовности извѣстной части рабочихъ сыграть роль добровольныхъ плотовъ своихъ поработителей, буржуазія всегда сможетъ во время стачки обезпечить себѣ добываніе предметовъ первой необходимости.

Вся тяжесть отказа отъ работы ляжетъ на рабочихъ, надъ ними нависнетъ дамокловъ мечъ нищеты, страданій и голода. Отказъ отъ работы необходимъ лишь постольку, поскольку онъ дезорганизуетъ буржуазію, лишаетъ ее боевой способности. Отказъ, напримѣръ, отъ полевыхъ работъ въ страдную пору былъ бы преступленіемъ предъ революціей. Не отказъ отъ работы, а распредѣленіе продуктовъ труда между трудящимися и борцами—вотъ лозунгъ революціи. Сущность революціи не стачка, а массовая экспропріація. Центръ тяжести революціи—не пассивный отказъ отъ работы, а активное непрерывное нападеніе на защитниковъ капитала и власти, безпрестанная дезорганизація врага, активная защита благъ, вырванныхъ изъ цѣпкихъ рукъ его. Бунтарское настроеніе, необходимая предпосылка успѣшной всеобщей стачки, *неминуемо вызоветъ ее*. При революціонномъ настроеніи, при готовности рабочихъ самоотверженно ринуться въ послѣдній бой со своими эксплуататорами — отказъ отъ работы, отказъ отъ помощи своимъ заклятымъ врагамъ явится самъ собою, совершится помимо приказаній и рѣшеній синдикатовъ. Мы не раздѣляемъ распространеннаго предразсудка, будто всеобщая забастовка необходимая прелюдія соціальной революціи. Крупные террористическіе акты, военный бунтъ, а тѣмъ болѣе аграрныя волненія, временная коммуна — всякое яркое и сильное проявленіе революціонной энергіи можетъ послужить роковымъ для современнаго строя толчкомъ, который выведетъ изъ состоянія покоя всѣ этому строю враждебныя, но малодѣятельныя силы. Даже для прекращенія работы въ какой нибудь отрасли труда не всегда нужно согласіе синдиката. Если бы правительству удалось подачками, обѣщаніями, привлечь и одурманить большинство синдикатовъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, то группа смѣлыхъ, рѣшительныхъ рабочихъ можетъ остановить движеніе: взорвать мосты, снять рельсы, сдѣлать негодными паровозы. Да сами попытки всеобщей стачки будутъ дѣлаться меньшинствомъ, *будутъ* противъ воли большинства синдикатовъ. Массы будутъ вовлечены въ стачку самимъ процессомъ борьбы. Поэтому, если-бъ всеобщая стачка и была необходимымъ условіемъ революціи, она всетаки могла-бы быть вызвана революціоннымъ меньшинствомъ, помимо воли тяжелыхъ на подъемъ, малоподвижныхъ синдикатовъ. Но болѣе тщательная критика „грознаго" „новаго" орудія борьбы намъ показала, что, поскольку всеобщая стачка означаетъ только отказъ отъ работы, это орудіе не особенно грозно, поскольку она означаетъ революцію, орудіе не ново. Надежды, возлагаемыя на всеобщую стачку, служатъ показателемъ упадка революціоннаго настроенія, притупленія революціоннаго инстинкта. Вѣдь самые крайніе революціонные синдикалисты *говорятъ* о всеобщей забастовкѣ, вмѣсто того, чтобъ *готовиться* къ соціальной революціи; подчеркиваютъ необходимость, неизбѣжность *насильственной* стачки, а всей своей тактикой пріучаютъ рабочихъ лишь къ *мирному* бунту. И наша задача, задача анархистовъ, снять съ революціонныхъ ходулей проповѣдниковъ всеобщей забастовки, подчеркнуть и здѣсь двойственность и непослѣдовательность революціоннаго синдикализма; словомъ и дѣломъ призывать къ соціальной революціи, однимъ изъ элементовъ которой является всеобщая стачка.

Синдикализмъ имѣетъ не только свою теорію, у него есть своя поэзія, у него сложились свои легенды; лучшій цвѣтокъ въ прекрасномъ букетѣ его легендъ — это пророчество о роли синдикатовъ въ будущемъ, о плодотворной творческой дѣятельности, которая имъ предстоитъ въ качествѣ руководителей и организаторовъ производства. Передъ взоромъ синдикалиста открывается такая блестящая перспектива, что болѣе увлекающіеся изъ нихъ впадаютъ въ экстазъ. Даже у тов. Оргеіани, который критически относится къ синдикализму, вырываются слѣдующія характерныя слова: „Въ нашей схемѣ дѣятельности синдикатъ играетъ *такую-же первенствующую роль* (курсивъ повсюду нашъ А — ъ), какую играетъ въ схемѣ соціальдемократической дѣятельности парламентаризмъ. Для насъ составъ, состояніе духа, направленіе и настроеніе синдикатовъ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ для соціальдемократіи составъ, состояніе духа, направленіе и настроеніе грядущаго соціальдемократическаго правительства" *).

Къ сожалѣнію, намъ предстоитъ неблагодарный трудъ лишить эту легенду ея поэтическаго обаянія, мы вынуждены растворить ея прекрасныя формы въ прозаическій рядъ логическихъ понятій.

Какой стороной своей дѣятельности синдикатъ проявляетъ себя, какъ ячейка будущаго?

Какіе элементы организаціи онъ уже теперь вырабатываетъ?

Ясно, что синдикатъ не можетъ подготовить людей, обладающихъ талантомъ, опытомъ въ организаціи производства, владѣющихъ необходимыми для этого спеціальными техническими знаніями. Синдикатъ не можетъ организовать въ настоящемъ, заставить служить вѣрой и правдой пролетаріату въ будущемъ — фабрикантовъ, директоровъ, управляющихъ, инженеровъ, химиковъ и мастеровъ. Такъ-же мало можетъ хоть немного революціонно настроенный синдикатъ заняться въ царствѣ капитала устройствомъ фабрикъ, заводовъ и другихъ предпріятій дѣлового торгашескаго характера. Да и количество этихъ пролетарски-хозяйскихъ

*) „О рабочихъ союзахъ" стр. 19 К. Оргеіани.

предпріятій всегда будетъ крайне ограничено. Организаторовъ будущаго производства синдикатъ поэтому не дастъ и дать не можетъ.

Безсиленъ также синдикатъ и въ роли статистика производства, обладателя цифрового матеріала производства и распредѣленія продуктовъ. Вѣдь эта статистика не анатомія здороваго общественнаго организма, а патологія по всѣмъ швамъ расползающагося, въ корнѣ своемъ подгнившаго строя. Вѣдь цифры потребленія — вопіютъ о голодѣ милліоновъ, цифры распредѣленія — говорятъ о многомилліонной рати обездоленныхъ. Число рабочихъ часовъ указываетъ на каторжную работу народныхъ массъ для удовлетворенія праздныхъ прихотей кучки, возсѣдающей на вершинѣ соціальной пирамиды. И первая насущная задача соціальной революціи до тла уничтожить эти преступные порядки, на новыхъ началахъ организовать производство и потребленіе. Для новаго созиданія данныя нелѣпаго строя также безсмысленны и ненужны, какъ горячечный бредъ больного мозга — для законовъ логики.

Синдикатъ не только не можетъ, но и не долженъ играть роли организатора производства. Синдикатъ не абстракція; синдикатъ это группа людей, болѣе другихъ занимающихся теперь дѣлами синдиката. Какъ и депутаты, синдикальные дѣятели люди средніе, безъ широкаго размаха, безъ оригинальнаго творчества, они лучше другихъ приспособлены къ обыденно-скучной работѣ синдиката.

Какъ старые практики, они люди извѣстной рутины. Для окончательнаго же истребленія остатковъ капитализма, для закладки фундамента для храма будущаго нужны другіе люди, нужны воины, строители, безпощадно-сильные въ разрушеніи, необузданно смѣлые въ созиданіи, люди неискалѣченные долгими годами приспособленія, втискиванія себя въ прокрустово ложе міра слезъ и стоновъ. Эти борцы созидатели сформируются не въ синдикатахъ, въ снахъ своихъ мечтающихъ о революціи, а въ раскаленной атмосферѣ дѣйствительной революціонной борьбы; они будутъ выдвинуты изъ среды самостоятельно-дѣйствующаго народа. Ибо народъ дѣйствуетъ самостоятельно только въ моменты революціи. Самодѣятельность народныхъ массъ въ мирное время фикція, самообманъ.

Воспитанные въ рабствѣ порываютъ окончательно со своимъ рабскимъ прошлымъ только въ моменты наивысшаго напряженія своей душевной дѣятельности.

И если въ этотъ важный моментъ возрожденія и перерожденія народной души, радѣтели синдикализма захотятъ навязать возставшему народу свою опеку, набросить на него узду, мы со всей силой нашего негодованія крикнемъ имъ: руки прочь! Со всей страстью нашей убѣжденности крикнемъ народу: дѣйствуйте сами! Разрушайте безпощадно! Созидайте смѣло! Будьте сами кузнецами своего собственнаго счастья! Не уступайте никому чарующей дѣятельности созиданія, не довѣряйтесь никому: ни депутату, ни попу ни . . . революціонному синдикалисту!

* *

Увлеченіе синдикализмомъ среди анархистовъ постепенно проходитъ, замѣняется болѣе критическимъ отношеніемъ къ нему. Отуманенный взглядъ проясняется и предъ нимъ все рельефнѣе выступаютъ слабыя стороны синдикализма, все ярче вырисовывается черта, отдѣляющая анархистское міровоззрѣніе отъ синдикализма. Въ архи-синдикальномъ анархическомъ органѣ «Temps Nouveaux» поклонники синдикализма Гравъ *) и Пьеро **) критикуютъ синдикализмъ. Поворотъ въ отношеніи къ синдикализму ярко выразился въ резолюціи, принятой на Амстердамскомъ конгрессѣ, гдѣ подчеркивается пассивный характеръ синдикализма, подчеркивается необходимость чисто анархическихъ группъ и федерацій для веденія активной, революціонной борьбы. Но разслабляющее вліяніе рутины и консерватизма, къ сожалѣнію, оказало свое дѣйствіе и на анархистовъ. Они не рѣшили окончательно порвать съ синдикализмомъ, совѣтуютъ рабочимъ анархистамъ входить въ синдикаты, поддерживать ихъ. Они продолжаютъ видѣть въ синдикатахъ элементы анархизма... Элементы! Новое крылатое слово, новое убѣжище недомыслія и безпринципности. Нѣтъ тѣхъ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній, въ которыхъ нельзя было бы найти родственныхъ элементовъ. Элементы антимилитаризма можно найти и многіе находятъ,... въ гаагской конференціи; элементы соціализма — въ полицейско-провокаторской дѣятельности Бисмарковъ и Зубатовыхъ. Въ данномъ случаѣ исканіе элементовъ вещь довольно невинная. Куда серьезнѣе и опаснѣе ученіе объ „элементахъ", когда міровоззрѣнія не такъ ужъ на ощупь грубо расходятся между собою, когда различія ихъ не видимы ясно и для опытнаго глаза. Нѣтъ болѣе опаснаго врага для міровоззрѣнія, какъ ученіе, справа граничащее съ нимъ: оно опасный соперникъ, ревниво слѣдящій за каждымъ промахомъ, ошибкой своего лѣваго сосѣда; всегда возможный наслѣдникъ его, оно всегда можетъ стать удобнымъ отдыхомъ подороги, на которомъ такъ охотно успокаивается все рыхлое, трусливое, половинчатое. Соціалъ-демократія погубила соціализмъ, тяжелыя цѣпи анархо-синдикальныхъ предразсудковъ мѣшаютъ возрожденію анархизма въ Европѣ.

*) «Temps Nouveaux» 20 іюля 1907 года.

**) тамъ же 11-го мая 1907 года.

Вообще для каждаго убѣжденнаго человѣка должно было стать уже элементарной истиной, что есть принципы, но нѣтъ подпринциповъ, нѣтъ вице-принциповъ, нѣтъ ничего, что смогло бы замѣнить ихъ, стать на мѣсто ихъ. Принципъ признается или отрицается, середины нѣтъ.

Революціонный синдикализмъ тѣмъ и опасенъ, что не будучи анархизмомъ, не признавая его принциповъ, игнорируя ихъ въ своей ежедневной дѣятельности, онъ въ своихъ парадныхъ выступленіяхъ драпируется въ мантію анархизма, приспособляетъ для своей фразеологіи лозунги его. Чтобъ бороться съ этой подѣлкой подъ анархизмъ, мы должны еще шире развернуть наше знамя, еще ревнивѣе беречь чистоту принциповъ, начертанныхъ на немъ.

Чтобъ освободить массы отъ усыпляющаго вліянія ковыляющихъ революціонеровъ, мы должны создать сплоченное ядро истыхъ борцовъ, которые огнемъ своей страсти, мощью своего чувства, силой своей воли, глубиной своей вѣры, заразятъ, увлекутъ за собою всѣхъ сомнѣвающихся и колеблющихся; они создадутъ атмосферу, въ которой растаетъ сковывающій насъ ледъ пережитковъ рабства и неволи, испарится все мелочное, будничное, все, что пригибаетъ насъ къ землѣ, не дастъ развернуться нашимъ лучшимъ чувствамъ и порывамъ.

И только въ гармоніи принципа и дѣйствія, въ единствѣ девиза и тактики европейскій пролетаріатъ найдетъ свое возрожденіе, получитъ возможность развернуть свои крылья, станетъ непобѣдимымъ въ своемъ могучемъ порывѣ къ солнцу свободы — анархіи.

А — ъ.

Всероссійскій рабочій съѣздъ и соціальдемократія.

Вопросъ о всероссійскомъ внѣпартійномъ рабочемъ съѣздѣ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ важныхъ и жизненныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ на очередь русскимъ рабочимъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ. Недаромъ русская соціальдемократическая литература въ короткое время обогатилась цѣлымъ рядомъ статей, брошюръ и даже спеціальнымъ сборникомъ, посвященнымъ всестороннему разбору идеи рабочаго съѣзда. Соціальдемократія, до сихъ поръ отождествлявшая, по крайней мѣрѣ въ Россіи, сознательное рабочее движеніе со своей партіей, какъ будто вдругъ прозрѣла и поняла, что соц.-дем. партія и сфера ея вліянія не покрываютъ собой всей массы втянутаго въ движеніе пролетаріата. Болѣе того, многіе изъ русскихъ соц.-дем. опасаются уже теперь, что пролетаріатъ, сорганизовавшись на профессіональныхъ началахъ, можетъ образовать самостоятельную партію труда, отрицающую идеалы и тактику с.-демократіи и вырабатывающую, въ процессѣ борьбы, собственные идеалы и тактику.

Результаты долголѣтней работы въ Россіи убѣдили, правда только часть с.-демократовъ, въ томъ, что мысль о построеніи пролетарской партіи, которая дѣйствительно могла бы руководить движеніемъ широкихъ массъ, вокругъ интеллигентскаго ядра комитетчиковъ, — не болѣе, какъ утопическая мечта. Съ другой стороны, не могло не оказать вліянія на россійскихъ соц.-дем. и современное западное рабочее движеніе. Дѣятельность французской Конфедераціи Труда, оставившей далеко позади себя соціалистическія партіи въ смыслѣ вліянія на соціальную жизнь Франціи; доминирующее положеніе революціоннаго синдикализма въ испанскомъ и голландскомъ рабочемъ движеніи, а въ послѣднее время отчасти и въ Италіи — этотъ фактъ сильнаго роста внѣпартійнаго пролетарскаго движенія — слишкомъ бьетъ въ глаза. Даже Германія, эта классическая страна соц.-демократіи, не избѣгла общей участи и заразилась революціонно-синдикалистскимъ повѣтріемъ.

Но больше всего прозрѣнію нашихъ соц.-дем. несомнѣнно способствовало революціонное движеніе въ Россіи за послѣдніе два года. Кратковременная, но знаменательная исторія Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ показала, что россійскій пролетаріатъ въ современной стадіи своего развитія неудержимо стремится сложиться для борьбы въ безпартійную классовую организацію и, что ни одна партія, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ, не можетъ исключительно своими силами взяться за организацію широкихъ

рабочихъ массъ, выступившихъ въ Россіи на арену революціонной соціальной борьбы. Широкое развитіе профессіональнаго движенія и все болѣе проникающія въ среду его организаторовъ революціонно-синдикалистскія идеи также не могли не способствовать крушенію соц.-демократическихъ иллюзій. Наконецъ, далеко не послѣднюю роль въ этомъ направленіи сыграло распространеніе въ массахъ анархистскихъ идей, и притомъ не только среди безработныхъ, но и въ рядахъ организованныхъ, имѣющихъ постоянный заработокъ, рабочихъ, — этихъ якобы природныхъ носителей соц.-демократическихъ идей.

По мѣрѣ роста своего сознанія, пролетаріатъ все болѣе и болѣе стремится освободиться отъ партійно-интеллигентской опеки, раскалывающей ряды его сознательныхъ застрѣльщиковъ и въ сильнѣйшей степени тормозящей его борьбу съ капиталистическимъ строемъ. Разлагающей работѣ соціалистическихъ партій онъ инстинктивно, а гдѣ и сознательно, противопоставляетъ стремленіе построить единую классовую организацію труда, не только въ цѣляхъ повседневной борьбы съ хозяиномъ, но и для окончательнаго освобожденія отъ ига капитала и власти. Но, несмотря на яркость этого явленія, далеко не всѣ соц.-дем. поняли и оцѣнили его; многіе изъ нихъ совершенно не подмѣтили колоссальнаго значенія, какое имѣетъ это теченіе въ современной соціальной жизни. Въ Россіи по отношенію къ нему двѣ борющіяся въ с.-д. партіи фракціи заняли совершенно различныя позиціи. Мы всѣ еще помнимъ „Искру" „единой и нераздѣльной", мы помнимъ, какъ мало было основаній для раскола, происшедшаго на II съѣздѣ: даже въ средѣ самихъ с.-д. говорили о борьбѣ за генеральскія мѣста, какъ о главной причинѣ раскола. Но съ теченіемъ времени, когда жизнь выдвигала новые, чрезвычайной практической важности вопросы и, когда въ меньшевистскую фракцію вошли изъ „Рабочаго Дѣла" и русскихъ рабочихъ организацій люди, относившіеся къ рабочему движенію принципіально иначе, чѣмъ старая „Искра", разногласія углубились и получили теоретическое обоснованіе. Въ результатѣ оказалось, что, какъ во многихъ вопросахъ тактики, такъ и въ теоретическомъ ея обоснованіи, обѣ фракціи очутились очень далеко другъ отъ друга.

И особенно рѣзко разошлись онѣ по вопросу объ отношеніи партіи къ безпартійному рабочему движенію. Большевики весьма скептически относятся къ самодѣятельности пролетаріата; послѣдній, предоставленный самому себѣ, безъ руководства соціалистической интеллигенціи можетъ прійти, по ихъ мнѣнію, въ лучшемъ случаѣ къ трэдъ-юніонизму; соціалистическая идеологія привносится въ ряды пролетаріата извнѣ, изъ рядовъ интеллигенціи, и организаціонная гегемонія интеллигентской по преимуществу партіи является необходимымъ условіемъ для успѣшной борьбы пролетаріата съ буржуазнымъ строемъ. Отсюда вытекаетъ рѣзко-отрицательное отношеніе къ профессіональному движенію, поскольку послѣднее обнаруживаетъ стремленіе выступить изъ рамокъ повседневной борьбы. Логическимъ выводомъ изъ этой предпосылки явилось также отрицательное отношеніе большевиковъ къ участію соц.-демократовъ въ Сов. Раб. Деп. и, если большевики впослѣдствіи примирились съ фактомъ участія, а на лондонскомъ съѣздѣ подписались подъ резолюціей, рекомендующей въ революціонные моменты вхожденіе въ Сов. Раб. Деп., Сов. Раб. Уполном. и т. п., то это безусловно является компромиссомъ съ точки зрѣнія ихъ принципіальнаго отношенія къ вопросу. Къ идеѣ безпартійнаго рабочаго съѣзда они относились отрицательно съ самаго начала ея зарожденія и въ Лондонѣ провели резолюцію, порицающую агитацію за созывъ съѣзда.

Въ этомъ вопросѣ выступила наружу истинная подоплека этихъ „революціонныхъ соціалистовъ". Этимъ яркимъ представителямъ разночинной интеллигенціи, какъ воздухъ необходима республика; вся ихъ борьба направлена къ достиженію этой цѣли. Но одинъ только пролетаріатъ могъ стать авангардомъ въ борьбѣ за демократическую республику, временное революціонное правительство и прочіе политическіе идеалы радикально мыслящаго мѣщанства, и поэтому все дѣлается во имя якобы пролетарскихъ интересовъ. Для того, чтобы убѣдить пролетаріатъ, что дѣло соц.-демократіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственное дѣло, изобрѣтаются термины: „демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства", соціалистическая диктатура пролетаріата" и проч. Но при всемъ своемъ внѣшнемъ преклоненіи предъ пролетаріатомъ, они считаютъ его „enfant terrible", опаснымъ ребенкомъ, котораго необходимо держать въ ежовыхъ рукавицахъ, инстинктамъ котораго не слѣдуетъ давать воли, такъ какъ они могутъ увлечь его на путь трэдъ-юніонизма, а въ революціонные моменты, что съ соц.-дем. точки зрѣнія еще хуже, на путь разрушенія, къ „антисоціальной" тактикѣ „босяцкаго" анархизма. Въ этомъ флангѣ русскихъ соц.-дем. недовѣріе къ пролетаріату заходитъ такъ далеко, что они не удовлетворяются перспективой идейнаго руководства въ рабочемъ движеніи. Большевикамъ — этимъ современнымъ россійскимъ якобинцамъ — нужна власть, имъ необходима *своя* централистически организованная партія, въ которой они были бы полновластными хозяевами. И, какъ бы ничтожна ни была по своимъ силамъ эта партія, она имъ гораздо дороже, они въ нее гораздо больше вѣрятъ, чѣмъ въ идейное воздѣйствіе на рабочее движеніе въ цѣломъ. Власть физическая, власть партіи, диктатуры демократическія и „соціалистическія", сводящіяся въ конечномъ счетѣ къ диктатурѣ партіи — вотъ краеугольный камень ихъ программы.

Съ нашей точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эта фракція соц.-демократіи осуждена на скорую гибель. Существованіе такой партіи возможно лишь при той первоначальной стадіи развитія пролетаріата, когда передовая, наиболѣе „просвѣщенная" часть его, впервые услышавшая о соціалистическомъ идеалѣ изъ устъ пропагандистовъ-интеллигентовъ, переживаетъ эпоху довѣрія къ интеллигентской партіи и отдаетъ себя въ полное ея распоряженіе. Но, по мѣрѣ того, какъ жизнь втягиваетъ въ движеніе широкія, рабочія массы; по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе вытѣсняетъ пропаганду, и пролетарское сознаніе воспитывается и растетъ въ борьбѣ — пролетаріатъ постепенно эмансипируется и сбрасываетъ съ себя власть партій. И, повторяемъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ этой борьбѣ соц.-демократической интеллигенціи съ стремленіемъ рабочихъ массъ къ самоорганизаціи, побѣда безусловно останется на сторонѣ новыхъ теченій. Жизнь ужъ слишкомъ ярко показала безсиліе всякаго рода партійныхъ комитетскихъ организацій, какъ въ періодъ русской революціи, такъ и въ повседневной борьбѣ западно-европейскихъ рабочихъ массъ.

Совершенно иное приходится сказать о другой фракціи Р. С.-Д. Р. П. — о меньшевикахъ. Руководители этой фракціи въ своемъ отношеніи къ массовому движенію исходятъ изъ теоретическихъ предпосылокъ, совершенно противоположныхъ предпосылкамъ большевиковъ. Соціалистическія идеи въ ихъ глазахъ не продуктъ интеллигентскихъ измышленій, а результатъ взаимодѣйствія между идейнымъ творчествомъ массъ и интеллигентской идеологіей. Для того, чтобы охарактеризовать меньшевизмъ, намъ надо присмотрѣться къ эволюціи россійской соц.-дем. въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Мы тогда увидимъ, что, если въ борьбѣ „Искры" съ „Рабочимъ Дѣломъ" побѣдилъ большевизмъ, то теперь положеніе дѣла рѣзко измѣнилось, и въ новѣйшемъ меньшевизмѣ воскресаютъ идеи „Раб. Дѣла", примѣнившіяся, разумѣется, къ новымъ формамъ русской жизни. Лишь одинъ изъ вдохновителей „Раб. Дѣла" — Кричевскій, ушелъ изъ партіи и всецѣло примкнулъ къ теоріи французскаго революціоннаго синдикализма. Другіе же, какъ напр., Акимовъ, хотя и пришли къ тѣмъ же почти выводамъ, предпочли остаться въ рядахъ партіи, переждали повальное увлеченіе ленинскими идеями и тамъ, въ нѣдрахъ партіи, дѣлаютъ свое дѣло.

Въ 6-й книжкѣ „Образованія" за нынѣшній годъ, въ статьѣ: „Строители будущаго" Акимовъ со свойственной этому писателю откровенностью говоритъ: „мы наиболѣе приблизились и, можетъ быть, даже совершенно приблизились къ революціонному синдикализму Франціи". Акимовъ безспорно является однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ и смѣлыхъ изъ соц.-демократовъ, борющихся съ большевизмомъ. Идеи, которыя онъ защищаетъ, еще недавно казались въ глазахъ русскихъ соц.-дем., въ особенности интеллигентовъ, въ высшей степени странными и совершенно несовмѣстимыми съ ученіемъ Маркса и Энгельса. Теперь же приверженцы этихъ идей съ каждымъ днемъ растутъ въ числѣ и, можетъ быть, недалекъ день, когда эти воззрѣнія станутъ господствующими въ Р. С.-Д. Р. П. Изъ его статьи, которую мы уже цитировали выше, мы можемъ узнать, какъ Акимовъ отвѣчаетъ на интересующій насъ вопросъ объ отношеніяхъ между партіей и безпартійнымъ рабочимъ движеніемъ. На стр. 88, изложивши свои мысли о необходимости этого растворенія, онъ говоритъ: „Но, можетъ быть, тогда рабочая партія, лишившись руководительства соц.-демократовъ, уклонится въ сторону трэдъ-юніонизма, анархизма или еще куда-нибудь? Нѣтъ, этого мы не должны опасаться. Согласно нашимъ убѣжденіямъ рабочій классъ не можетъ успокоиться въ условіяхъ, созданныхъ для него капиталистическимъ обществомъ, онъ будетъ стремиться къ соціалистическому строю, пока не достигнетъ его, и, если мы не ошибаемся, что путь, указываемый нашимъ ученіемъ, научнымъ соціализмомъ, есть лучшій — легчайшій и кратчайшій путь, то рабочій классъ, въ своемъ инстинктивномъ исканіи „наименьшаго сопротивленія" непремѣнно вступитъ на этотъ путь".

Насколько сильно уже въ настоящій моментъ вліяніе акимовскихъ идей среди меньшевиковъ, мы можемъ увидѣть изъ статей въ московскомъ меньшевистскомъ сборникѣ „О Всероссійскомъ Рабочемъ Съѣздѣ", или изъ статей въ періодическомъ сборникѣ „Отклики", посвященныхъ тому же вопросу. Вотъ, напр., что говоритъ московскій меньшевикъ А. Архангельскій въ своей статьѣ: „Значеніе безпартійныхъ рабочихъ съѣздовъ" („О Всероссійскомъ Рабочемъ Съѣздѣ", стр. 45 Москва 1907.)

Выводъ тотъ, что Р. С.-Д. Р. П. должна реорганизоваться и превратиться въ массовую рабочую партію, стремящуюся включить въ свой составъ весь рабочій классъ.

Для этого соц.-демократія должна развивать самодѣятельность всего рабочаго класса: она должна созывать безпартійные рабочіе съѣзды, а также агитировать за всероссійскій рабочій съѣздъ.

Этотъ лозунгъ не есть праздная выдумка: онъ диктуется непригодностью существующей организаціи партіи для политическаго руководства пролетаріатомъ; онъ диктуется необходимостью классовой политической дѣятельности рабочаго класса.

Къ этому съѣзду мы приближаемся съ необходимостью естественнаго процесса: хотимъ мы или не хотимъ — съѣздъ соберется! Чѣмъ рѣшительнѣе соц.-демократія будетъ подготовляться къ нему, чѣмъ шире она будетъ агитировать за него, — тѣмъ большую роль она будетъ играть на съѣздѣ, и тѣмъ съ большей увѣренностью можно сказать, что безпартійный рабочій съѣздъ объявитъ себя соц.-дем. рабочимъ съѣздомъ или, по крайней мѣрѣ, положитъ въ основу своей дѣятельности программу Р. С.-Д. Р. П."

Это, разумѣется, еще не совсѣмъ то, что говоритъ Акимовъ. Тутъ нѣтъ и слова о растворенія соц.-дем. партіи въ рабочемъ движеніи. Но тенденція къ акимовскому рѣшенію вопроса замѣчается уже и теперь. Изъ статьи А. Архангельскаго и его товарищей по сборнику мы видимъ, что вліяніе соц.-демократіи въ безпартійной классовой организаціи всего россійскаго пролетаріата цѣнится ими безконечно выше роста самой партіи.

Каково же наше отношеніе къ безпартійному рабочему движенію? Заранѣе предупреждаемъ, что мы не будемъ говорить о томъ, должны или не должны анархисты-коммунисты участвовать въ профессіональномъ рабочемъ движеніи, имѣющемъ характеръ французскаго революціоннаго синдикализма. Мы не намѣрены высказываться въ этой статьѣ по вопросу „о синдикализмѣ", вызывающему въ настоящій моментъ столько горячихъ споровъ въ средѣ русскихъ анархистовъ. Жизнь пока еще не выдвинула на очередь въ Россіи и не требуетъ постановки его у насъ въ такой формѣ, въ какой онъ уже поставленъ новыми теченіями въ рабочемъ движеніи Запада. Дебаты по этому вопросу въ товарищескихъ кружкахъ, поскольку они касаются Россіи, страдаютъ, на нашъ взглядъ, отъ мысленнаго искусственнаго перенесенія западныхъ условій на русскую почву. Реакція послѣдняго времени вызвала къ жизни легальные профессіональные союзы столь мирнаго и консервативнаго типа, что не только мысль о построеніи нашего движенія на базѣ этихъ союзовъ, но даже всякія надежды на утилизированіе ихъ въ цѣляхъ пропаганды и агитаціи приходится самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть. Современное пролетарское революціонное движеніе въ Россіи, поскольку оно принимаетъ организованныя формы, выливается въ безпартійныя боевыя организаціи въ родѣ сов. раб. деп., сов. раб. уполн., сов. безработныхъ и т. д. Для выясненія нашей тактики во всей ея полнотѣ въ теченіе ближайшаго періода борьбы намъ кажется необходимымъ ясное опредѣленіе нашего отношенія къ этимъ безпартійнымъ организаціямъ. Въ связи съ тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ вопроса, мы разрѣшимъ также и вопросъ объ отношеніяхъ къ безпартійному рабочему съѣзду, задача котораго заключается въ объединеніи всѣхъ безпартійныхъ рабочихъ организацій въ Россіи. Ниже мы постараемся отвѣтить на поставленный нами вопросъ; пока мы только отмѣчаемъ серьезное значеніе, которое будетъ имѣть рѣшеніе въ ту его или иную сторону. Тотъ или иной характеръ, который приметъ безпартійно-революціонное движеніе россійскихъ трудящихся массъ, въ вопросѣ о развитіи анархизма въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о дальнѣйшемъ ходѣ россійской революціи безспорно долженъ быть учитанъ, какъ фактъ огромной важности. Анархизмъ, какъ мы и надѣялись, приступая къ работѣ въ Россіи, находитъ богатую и восприимчивую почву въ массахъ неорганизованныхъ рабочихъ и люмпенпролетаріата; но все же мы не можемъ не сознавать, что очень многое въ нынѣшней революціи зависитъ отъ наиболѣе сознательныхъ массъ, упорно стремящихся къ организаціи и по возможности осуществляющихъ свое стремленіе къ ней. Вопросъ о томъ, подпадетъ-ли въ Россіи рабочее движеніе, руководимое безпартійной классовой организаціей пролетаріата, подъ вліяніе парламентскихъ соціалистовъ, или оно пойдетъ собственнымъ путемъ и въ той или иной степени будетъ подвержено нашему вліянію, пріобрѣтаетъ поэтому огромное значеніе. Вотъ почему мы сочли нужнымъ подробно остановиться въ данной статьѣ на отношеніи соц.-дем. фракцій къ безпартійному рабочему съѣзду.

Безпартійное рабочее движеніе въ Россіи складывается при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ Западной Европы. При современномъ политическомъ и экономическомъ состояніи страны нѣтъ основаній думать, какъ это предполагаютъ многіе, что пролетарское движеніе въ Россіи, въ ближайшемъ будущемъ, *само собой* войдетъ въ русло революціоннаго синдикализма. Ближайшій періодъ россійскаго рабочаго движенія несомнѣнно будетъ періодомъ кровавой борьбы съ Государствомъ и Капиталомъ. Предчувствуя неизбѣжность этой борьбы, пролетаріатъ стремится къ созданію классовой организаціи, которая могла бы включить въ свои ряды широкія рабочія массы. Но предсказать ближайшую тактику безпартійной ребочей организаціи въ какой-либо странѣ при извѣстныхъ конкретныхъ условіяхъ въ высшей степени трудно: слишкомъ много разнообразныхъ факторовъ пришлось бы учесть при этомъ. Мы можемъ поэтому высказать наше мнѣніе лишь условно.

Мы думаемъ, что рабочій классъ, сорганизовавшійся противъ гнета, голода и неволи, поскольку естественную эволюцію его тактики не тормозятъ парламентскія соціалистическія партіи, и поскольку временныя, исключительно благопріятныя экономическія условія не толкаютъ его на путь самодовольно мѣщанскаго успокоенія, неизбѣжно придетъ къ сознанію необходимости немедленной и рѣшительной борьбы противъ обѣихъ реакціонныхъ силъ современнаго строя — противъ капитала и государства.

И, если даже эмансипировавшееся отъ власти партій, но безпартійное рабочее движеніе, какъ напримѣръ во Франціи, вылившись въ форму легальныхъ профессіональныхъ союзовъ, тѣмъ самымъ связываетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ и, при отсутствіи активныхъ революціонныхъ элементовъ въ странѣ, втягивается въ мирную будничную „борьбу", лишь изрѣдка прерываемую революціонными вспышками, то, складывающееся при условіяхъ современной россійской дѣйствительности, безпартійное движеніе пролетаріата, должно принять другія гораздо болѣе революціонныя формы. Въ Россіи, гдѣ сознаніе пролетаріата и его готовность къ самопожертвованію такъ сильно выросли въ боевой атмосферѣ революціи, и гдѣ откровенная голая реакція правительства и капитала, лишенная реформистскихъ покрововъ радикалъ-соціалистическихъ министерствъ, давитъ съ новой силой и обнаруживаетъ стремленіе взять назадъ все то, что было завоевано посредствомъ такихъ громадныхъ жертвъ — здѣсь объединенный рабочій классъ возстанетъ вновь, какъ грозная разрушительная сила. Будетъ ли эта сила урѣзана въ своемъ размахѣ, какъ это было въ 1905 году въ періодъ дѣятельности сов. раб. деп., подпавшихъ подъ вліяніе соц.-дем. и соц.-рев. или, отбросившіи въ сторону партійныя программы-минимумъ, рабочее движеніе рѣшительно пойдетъ по пути немедленнаго и всесторонняго освобожденія — это будетъ зависѣть отъ того, насколько оно успѣетъ освободиться къ рѣшительному моменту борьбы отъ вліянія парламентскихъ соціалистическихъ партій и отъ степени распространенія анархистскихъ идей въ трудовыхъ массахъ.

Можно ли при нынѣшнемъ соотношеніи силъ надѣяться, что Всероссійскій Рабочій Съѣздъ не подпадетъ подъ вліяніе соціальной демократіи? Въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ итти лишь о вліяніи меньшевистскаго крыла партіи, стоящаго за рабочій съѣздъ. Но именно эта фракція Р. С.-Д. Р. П. обладаетъ извѣстной жизненностью, которую ей придаетъ ея приспособляемость; ея тактика, по нашему мнѣнію, сдѣлается въ партіи господствующей. На лондонскомъ съѣздѣ восторжествовала, правда, пока еще большевистская точка зрѣнія, болѣе соотвѣтствующая по своему духу моменту застоя, и отсутствія массоваго движенія; и тутъ, впрочемъ, она уже далеко не была выдержана до конца. Но уже въ настоящій моментъ, черезъ короткій промежутокъ времени, протекшій съ лондонскаго съѣзда, мы наблюдаемъ въ партіи поворотъ въ сторону меньшевиковъ. Такъ, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, на послѣдней конференціи партіи по вопросу о томъ, должны ли соціальдемократическіе комитеты стараться приводить профессіональные союзы въ организаціонную связь съ партіей, большинство делегатовъ высказалось за сохраненіе строгой безпартійности профессіональныхъ союзовъ. Въ связи съ отмѣченнымъ нами выше возрожденіемъ въ средѣ россійской соціальдемократіей забытаго ужъ было рабочедѣльчества интересно отмѣтить, что, по словамъ газетъ, докладъ объ отношеніи партіи къ профессіональнымъ союзамъ прочитанъ былъ бывшимъ рабочедѣльцемъ.

Какъ мы уже говорили, безпартійному рабочему движенію угрожаетъ сильная опасность, именно со стороны приспособляющихся соціальдемократовъ. Меньшевики въ большей или меньшей степени эволюціонируютъ въ сторону революціоннаго синдикализма, не оставляя однако базиса марксистской соціологіи, и намъ, быть можетъ, придется увидѣть въ Россіи, нарожденіе особаго вида революціоннаго синдикализма, насквозь пропитаннаго ученіемъ Маркса и Энгельса. Кастрирующее вліяніе соціалистическихъ партій можетъ оказать свое дѣйствіе, вопреки объективнымъ условіямъ россійской дѣйствительности, толкающимъ пролетаріатъ къ немедленной соціальной революціи. Въ этомъ сдерживающемъ вліяніи партіи мы видимъ грозную опасность для молодого россійскаго безпартійнаго рабочаго движенія. Правда, сильнымъ препятствіемъ для соціальдемократовъ,— въ ихъ стремленіи завладѣть безпартійнымъ рабочимъ движеніемъ, является недовѣріе, даже враждебное отношеніе къ партійной интеллигенціи, вкоренившееся въ Россіи въ средѣ сознательныхъ рабочихъ. Правда, анархистскія идеи уже пробили себѣ дорогу въ рабочія массы, и соц.-дем. и

соц.-рев. окажется невозможнымъ вдвинуть россійскій пролетаріатъ въ рамки своихъ централистическихъ организацій, своихъ программъ и своей тактики. Имъ придется продолжать дальше начавшееся уже приспособленіе, и они несомнѣнно пойдутъ на это. Выхода нѣтъ! Старые пути уже безнадежно скомпрометтированы.

Но, какъ ни будутъ парламентскіе соціалисты приспособляться къ безпартійному рабочему движенію, они все таки не откажутся отъ главнаго символа своей вѣры, отъ тактики постепеновщины, оправдываемой тѣми или иными теоретическими построеніями. Подъ давленіемъ могучихъ объединенныхъ пролетарскихъ силъ, они, быть можетъ, разумѣется въ теоріи, подчинятъ „борьбу" въ парламентѣ прямому воздѣйствію рабочихъ массъ; скрѣпя сердце, они признаютъ даже „крайнее революціонное средство" — саботажъ, но дальше они не пойдутъ. Съ тѣмъ большей силой они будутъ открещиваться отъ болѣе активныхъ проявленій экономическаго террора, съ тѣмъ большей ненавистью они будутъ обливать потоками ругательныхъ словъ: „мародеры", „провокаторы" всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые въ моментъ всеобщей стачки, въ моменты повальнаго голоданія рабочихъ массъ будутъ звать къ экспропріаціи предметовъ потребленія. Вмѣстѣ со старой, спасительной для буржуазіи теоріей о концентраціи и пролетаризаціи они постараются подъ флагомъ „идеализма" привить сознанію передовыхъ рабочихъ возмутительную плантаторскую мысль о несовмѣстимости сытости съ идеалистическимъ настроеніемъ массъ.

Здѣсь въ проповѣди методовъ борьбы широкихъ массъ съ ихъ угнетателями парламентскіе соціалисты встрѣтятъ въ насъ, анархистахъ, самыхъ рѣшительныхъ противниковъ. Мы словомъ и дѣйствіемъ будемъ указывать трудящимся массамъ, что насилію капитала, объединеннаго съ государствомъ, онѣ должны противопоставить безпощадный терроръ, направленный противъ представителей всѣхъ реакціонныхъ силъ. На примѣрѣ всѣхъ прошлыхъ революцій мы покажемъ пролетаріату, что именно голодъ былъ всегда главной причиной пораженія народныхъ возстаній, близившихся уже къ полной побѣдѣ. Мы скажемъ трудовымъ массамъ, что, если онѣ не хотятъ быть загнанными обратно въ свои жалкія хижины, въ душныя фабрики и мастерскія современнаго капиталистическаго строя, если онѣ не хотятъ, чтобы каждое ихъ крупное столкновеніе съ капиталомъ и государствомъ заканчивалось торжествомъ реакціи, — онѣ должны при первой возможности брать предметы потребленія и, въ своемъ стремленіи къ торжеству новыхъ идей, нарушать покорный принципъ частной собственности.

И, если всероссійская безпартійная классовая организація пролетаріата, благодаря арміи пропагандистовъ и агитаторовъ, находящихся въ распоряженіи соціалистическихъ партій, а также благодаря приспособляемости послѣднихъ, подпадетъ подъ ихъ руководство, то мы твердо надѣемся, что этотъ новый колоссальный обманъ не будетъ долго длиться. Въ революціонный періодъ массы переживаютъ очень быстро стадіи развитія, для прохожденія которыхъ въ мирное время понадобились бы десятки лѣтъ. Разочаровавшись и въ соціалистахъ новаго приспособляющагося типа, рабочее движеніе пойдетъ по единственному естественному для него пути, по пути анархистской тактики.

Значитъ ли это однако, что пока мы должны игнорировать стремленіе массъ къ самоорганизаціи на безпартійныхъ началахъ и предоставить пролетаріатъ самому себѣ, полагаясь на то, что естественная эволюція приведетъ его въ концѣ концовъ къ намъ? Ни одинъ анархистъ не отвѣтитъ, конечно, такимъ образомъ.

Необходимо съ самаго начала предостеречь пролетаріатъ отъ новыхъ цѣпей, которыя выковываются въ настоящій моментъ соціальдемократическими кузнецами, но для этого мы должны стоять возможно ближе къ безпартійному рабочему движенію, мы должны быть вездѣ, гдѣ въ пролетаріатѣ обнаруживается стремленіе сложиться въ безпартійную классовую организацію. На фабричныхъ и заводскихъ собраніяхъ, гдѣ идетъ агитація въ пользу объединенія пролетаріата на безпартійныхъ началахъ, на выборахъ въ безпартійныя боевыя учрежденія, на территоріальныхъ рабочихъ съѣздахъ, и, наконецъ, на всероссійскомъ рабочемъ съѣздѣ мы должны выступить съ предостереженіемъ противъ сдерживающаго и деморализующаго вліянія соціалистическихъ партій и всякаго рода централистически-законодательныхъ учрежденій. Наши товарищи, слѣдовательно, не должны, по нашему мнѣнію, отказываться отъ делегированія ихъ рабочими во всѣ эти учрежденія, но они должны использовать эту роль делегатовъ лишь для того, чтобы высказать тамъ свои взгляды на тактику безпартійнаго рабочаго движенія, чтобы предостеречь пролетаріатъ отъ увлеченія демократическими платформами; наконецъ, чтобы указать, что собраніе рабочихъ делегатовъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ связующимъ звеномъ для пролетаріата даннаго города, области или всей страны.

Какъ только собраніе делегатовъ подъ вліяніемъ соц.-дем. и соц.-рев. конструируется, какъ законодательный органъ съ демократической платформой, наши товарищи выступятъ и уведутъ за собой тѣхъ рабочихъ делегатовъ, въ которыхъ пролетарское сознаніе устояло предъ напѣвами соціалистическихъ сиренъ и предъ соблазномъ диктаторскихъ преспективъ.

Но намъ, быть можетъ, скажутъ нѣкоторые товарищи: „зачѣмъ же итти въ эти учрежденія, на съѣзды и проч., когда мы можемъ тѣ же мысли высказать на фабричныхъ и заводскихъ собраніяхъ и на массовкахъ и т. д. Не должно однако забывать, что въ данный моментъ, когда рабочія массы охвачены стремленіемъ къ самоорганизаціи, ихъ вниманіе прежде всего направляется именно въ сторону этихъ учрежденій, которыя онѣ считаетъ *своими*. Рабочіе прежде всего и больше всего прислушиваются къ тому, что дѣлается и говорится въ „совѣтахъ" ихъ делегатовъ. И всякое новое слово, сказанное здѣсь, получитъ гораздо болѣе широкое распространеніе, къ нему отнесутся съ несравненно большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ рѣчамъ, произнесеннымъ на обыкновенномъ рабочемъ собраніи.

Еще болѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что если, какъ мы уже говорили, нельзя въ данный моментъ разсчитывать, чтобы зарождающаяся безпартійная классовая организація пролетаріата въ цѣломъ пошла за нами, то съ другой стороны мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что въ отдѣльныхъ городахъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже на территоріальныхъ съѣздахъ собранія рабочихъ делегатовъ — анархистовъ, *) могутъ принять нашу программу, тактику и наши организаціонные принципы. Въ этомъ случаѣ собраніе рабочихъ делегатовъ будетъ, разумѣется, считать себя не законодательнымъ учрежденіемъ, а лишь объединительнымъ органомъ организованной боевой энергіи пролетаріата. Рѣшенія по всѣмъ вопросамъ пролетарской революціи будутъ приниматься на рабочихъ собраніяхъ по фабрикамъ и заводамъ.

И тогда, когда объединительный органъ пролетаріата даннаго города или мѣстности проникнется духомъ анархическаго коммунизма, призывъ къ анархической коммунѣ — вѣнецъ боевой анархической тактики — будетъ опираться на реальную силу, дѣйствительно выражающую надежды и стремленія массъ.

М. Равскій.

КОЛЛЕКТИВИЗМЪ.

Введеніе.

Всякая общественная форма, данная на практикѣ или мыслимая, какъ имѣющая осуществиться въ будущемъ, можетъ быть подвергнута разбору съ двухъ законныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія борющейся личности, которая судитъ объ общественной формѣ и оцѣниваетъ ее сообразно своимъ представленіямъ объ идеальномъ общественномъ строѣ, и съ точки зрѣнія тѣхъ совокупныхъ тенденцій, которыя ее вызываютъ, ее сопровождаютъ и ею въ свою очередь вызываются. Первая точка зрѣнія, которая до сихъ поръ преобладала въ анархической литературѣ, можетъ быть названа субъективно-идеалистической, вторая объективно-реалистической. Обыкновенно, коллективизмъ и коммунизмъ разбирались, какъ два плана будущаго строительства: первый, какъ основанный на принципѣ вознагражденія по труду, второй на принципѣ удовлетворенья по потребностямъ. Эти два принципа сравнивались между собой по своей внутренней цѣнности, по своему нравственному содержанію, и первый отвергался, какъ слишкомъ близко напоминающій буржуазный правопорядокъ, второй же принимался, какъ выраженье наибольшей справедливости. Наше одобреніе или неодобреніе должны были служить достаточнымъ ручательствомъ того, что коммунизмъ восторжествуетъ, а коллективизмъ потерпитъ пораженье. Не отрицая значенія за субъективной оцѣнкой; признавая, что въ направленіи ея движется одна изъ главныхъ силъ, стремящихся къ своему осуществленію; отдавая ей полную дань въ области практическаго дѣйствованія; настаивая даже на томъ, что, какъ мотивъ, она единственно и должна руководить нашими дѣйствіями, мы все таки считаемъ обязательнымъ и другой взглядъ

*) Считаемъ нужнымъ указать на важное въ принципіальномъ отношеніи заявленіе, которое несомнѣнно будетъ сдѣлано делегатами-анархистами на первомъ же делегатскомъ собраніи. Наши товарищи заявятъ, что они считаютъ себя уполномоченными говорить лишь отъ имени тѣхъ рабочихъ, которымъ они предварительно изложили свои взгляды, и которые дѣйствительно видятъ въ анархистахъ выразителей ихъ мнѣнія; они считаютъ справедливымъ, чтобы и меньшинство, голосовавшее на ихъ фабрикахъ за людей другого образа мыслей, имѣло на данномъ собраніи представителей своего направленія.

на вещи — объективно-реалистическій. Не взирая на свое субъективное предпочтеніе, мы должны хладнокровно посмотрѣть въ лицо дѣйствительности и постараться предугадать, какая общественная форма имѣетъ больше шансовъ на свое осуществленіе. Такой анализъ можетъ оказать обратное воздѣйствіе на субъективную оцѣнку и значительно видоизмѣнить ее самое.

Въ настоящей статьѣ мы не рѣшаемъ вопроса во всей его полнотѣ, а беремъ только одну сторону его, а именно, насколько вознагражденье по труду является существеннымъ моментомъ коллективизма. Мы попытаемся рѣшить, какія именно черты будутъ преобладающими въ немъ на основаніи того плана дѣйствія, который партія, его выдвигающая, вынуждена будетъ проводить во время революціи, сообразно своей классовой позиціи и избранной ею тактикѣ. Результатомъ такого анализа будетъ указаніе на тѣ условія, которыя сдѣлали бы почти-что неизбѣжнымъ наступленіе коллективизма и также указаніе, въ какой формѣ онъ тогда бы реализовался. Предвосхищая наши выводы, мы скажемъ, что предусловіемъ наступленья и существенной стороной коллективизма является сохраненіе и усиленіе государственнаго режима, и что слѣдовательно условіемъ его отрицанія является разрушенье государства. Тему же второй статьи составитъ освѣщеніе съ реалистической точки зрѣнія коммунизма, которое приведетъ насъ къ тому результату, что коммунизмъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разрушенія государства, что анархизмъ есть предварительное и постоянное условіе коммунизма.

Такимъ образомъ весь конфликтъ между соціальдемократами и анархистами-коммунистами сосредоточивается около вопроса о государствѣ: сохраненіе или уничтоженіе его — вотъ истинная линія расхожденія между ними. Задачей второй статьи будетъ также показать, что силы, подтачивающія нынѣшній режимъ, ведутъ къ уничтоженію государства и, слѣдовательно, къ торжеству коммунизма надъ коллективизмомъ.

I.

Отличительная черта тактики соц.-дем. это — стремленье использовать государственную власть съ цѣлью завоеванья этой самой власти. И, сообразно съ этимъ, конечный этапъ революціи имъ рисуется въ такой формѣ: пролетаріатъ овладѣваетъ государственной машиной и обращаетъ средство производства въ государственную собственность. Государство своими громадными военными и техническими средствами давало и еще долго будетъ давать возможность буржуазіи грабить и угнетать, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дастъ также пролетаріату (очевидно, своими громадными военными и техническими средствами!) силу для совершенія необходимыхъ реформъ.

Хотя государство и фигурируетъ въ теоріи, какъ надстройка надъ буржуазнымъ хозяйствомъ, или, какъ говорятъ, употребляя терминъ изъ купеческаго міра, какъ „приказчикъ" буржуазіи, но, какъ всякая абстракція, — какъ абстракція политическая, противопоставляемая абстракціи экономической, — государство въ теоріи обладаетъ извѣстнаго рода самостоятельностью, и потому и сможетъ быть отдѣльно захвачено, и тогда, буржуазію, оставшуюся безъ защитника, можно будетъ взять голыми руками.

Предполагается, какъ будто надъ „приказчикомъ" буржуазіи можно совершить операцію разсѣченія пополамъ: на приказчика вообще, и на приказчика буржуазіи; если второй долженъ подвергнуться уничтоженію, то первый долженъ остаться цѣлъ и невредимъ и стать на сторону пролетаріата. Государство вообще, независимо отъ временныхъ его свойствъ, является чистымъ насиліемъ; насиліе, какъ форма безъ содержанія, такимъ-то образомъ извлекается изъ реальнаго буржуазнаго государства и, переработанное въ котлѣ соц.-демократической метафизики, дѣлается годнымъ для употребленія демократическимъ диктаторомъ пролетаріата.

Но та метафизика, которая силилась повсюду отыскивать форму и содержаніе и на этомъ различіи строила цѣлыя системы, заключая, что форма должна предшествовать всякому содержанію, что она независима отъ него, что она „будетъ пребывать" и тогда, когда отъ содержанія останется только одно названіе, — эта метафизика уже давно отжила свой вѣкъ, давно потеряла всякую цѣнность. Теперь слова „форма" и „содержаніе" — могутъ употребляться только въ ихъ общеупотребительномъ смыслѣ, т. е. какъ слова. И это очень неподходящее и даже двусмысленное примѣненіе метафизическаго пріема, когда отстаиваютъ „форму" — государство обрушиваясь на его „содержаніе" — буржуазію; когда уговариваютъ себя и другихъ, что, сохраняя государственную оболочку въ цѣлости, можно вытравить изъ нея ея нынѣшнее содержимое — буржуазію и наполнить ее новымъ содержимымъ — пролетаріатомъ.

Практически, если эту метафизику перевести на языкъ прозы, если извлечь изъ нея ея реальный смыслъ, — а послѣдній, есть ничто иное, какъ борьба съ капитализмомъ въ рамкахъ государства и черезъ государство, — то эта борьба съ содержаніемъ при сохраненіи формы, сведется къ совершенно обратному, къ тому, что содержаніе будетъ спасено при весьма ничтожной перемѣнѣ въ формѣ; практически она будетъ означать, что надо завоевать государство, не затрагивая вообще буржуазіи, или же, поражая послѣднюю, стараться, чтобы удары, не разрушая ее, черезъ нее достигли бы государства; она будетъ означать, что пролетаріатъ ставитъ себѣ цѣлью якобы совсѣмъ прикончить съ буржуазіей и, отмѣривая удары, стремится къ полному своему освобожденію; но замахнувшись, сейчасъ же спохватывается, чтобы дать возможность представляющей его политической партіи использовать смуту для того, чтобы свести кое-какіе счеты съ господствующей въ данную минуту партіей. Новое правительство станетъ во главѣ, но буржуазія не будетъ добита, ибо такъ добивать буржуазію невозможно: при наличности государства она обладаетъ страшной живучестью; она бы только видоизмѣнилась и впослѣдствіи, быть можетъ, засѣдала-бы въ соц.-демократическихъ коллективистическихъ комитетахъ... Владычество надъ массами, какъ экономическое, такъ и политическое, можетъ прекратиться только одновременно; нельзя уничтожать перваго, не поражая одновременно второго, и успѣшны только тѣ удары, которые направляются противъ обоихъ сразу. Единственнымъ результатомъ этой борьбы съ „содержаніемъ" при тщательномъ обереганіи „формы" можетъ быть только сохраненіе государства и капитализма. Эту то мысль намъ и прійдется развить и доказать, но прежде, чѣмъ приступить къ этому, мы снимаемъ съ себя обвиненіе въ недобросовѣстности, которое не преминутъ выставить соц.-дем.

Они будутъ возмущены: они ли не искренне настаиваютъ на томъ, что освобожденіе пролетаріата принесетъ съ собой полное освобожденье всего человѣчества; они ли не утверждаютъ, что то государство, которое они проектируютъ, будетъ покоиться на самыхъ демократическихъ основаніяхъ, будетъ до того отличаться отъ нынѣшняго, что оно даже совсѣмъ не будетъ государствомъ!..

Признаемся, что на обѣщанья они довольно щедры. Бебель, напримѣръ, пророчествуетъ, что учрежденья, которыя окажутся излишними, сами упразднятъ себя; или по крайней мѣрѣ, тѣ самыя массы, которыя избрали ихъ безъ всякихъ споровъ, порѣшатъ, что они не нужны, и тогда, конечно, легко будетъ упразднить ихъ, не нарушая ничьихъ интересовъ (это само собой разумѣется, ибо подъ крылышкомъ заботливаго государства частный интересъ каждаго обязательно долженъ совпадать съ интересомъ всѣхъ!).

Вандервельдъ вслѣдъ за Бебелемъ утверждаетъ, что надо отличать государство-*правительство* отъ государства-*правленія*, или государства-*промышленника*. Это будетъ просто демократическая администрація, гдѣ самый низшій директоръ будетъ обладать правомъ иниціативы, какъ примѣрно сейчасъ на швейцарскихъ желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ администрація самостоятельна и ни отъ какого тамъ политическаго правительства, стоящаго наверху, не зависитъ. И многіе вслѣдъ за ними увѣряютъ, что правительство будетъ не болѣе, какъ хозяйственнымъ комитетомъ или статистической коммисіей.

Энгельсъ „научно" обосновываетъ свой взглядъ на коллективистическое государство, какъ на естественно и постепенно отмирающій придатокъ, къ коллективистическому производству; онъ доказываетъ, что, разъ государство будетъ представлять все общество, оно перестанетъ быть государствомъ. Оно угнетало, пока оно защищало интересы одного какого-либо класса, но разъ классы уничтожены, то некого будетъ угнетать и подавлять: вѣдь общество не станетъ само себя подавлять, оно вѣдь согласно съ самимъ собой! Такъ въ туманномъ понятіи общества, согласнаго съ самимъ собою, исчезаетъ конкретный насильственный характеръ государства!..

Энгельсъ идетъ еще дальше, доказывая, что свободное народное государство — не научное понятіе, ибо государство, по природѣ своей, не можетъ быть ни свободнымъ, ни народнымъ. Вотъ почему, когда государство, высшимъ напряженьемъ своихъ силъ, употребитъ себя на захватъ власти пролетаріатомъ, оно этимъ самымъ само себя уничтожитъ; его первый актъ въ пользу народа будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его послѣднимъ актомъ. Энгельсъ — антигосударственникъ! Разница только та, что анархисты, молъ, хотятъ уничтожить государство въ 24 часа, а по Энгельсу, операція само-уничтоженія государства, ставшаго напослѣдокъ столь великодушнымъ и самоотверженнымъ, будетъ длиться немножко дольше. Немножко дольше! — вотъ въ этомъ то и вся бѣда!

Охотно вѣримъ искренности соціаль-демократіи, когда они утверждаютъ, что въ коллективизмѣ государство мало по малу будетъ терять почву подъ ногами и въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ сойдетъ на нѣтъ; повѣримъ также, что и самъ коллективизмъ преобразится въ коммунизмъ, въ чемъ насъ стараются увѣрить и Марксъ, и Вандервельдъ, и Плехановъ.

Но какъ ни мягки, какъ ни уступчивы они насчетъ далекаго будущаго, они не откажутся отъ того, что ихъ ближайшая задача — это отнятіе государства у буржуазіи и использованіе его пролетаріатомъ, какъ орудія переворота; не откажутся они и отъ того, что общество, представленное именно правительствомъ, объявляетъ себя собственникомъ орудій производства и требуетъ своимъ именемъ отъ всѣхъ трудовой повинности; что извѣстное управленіе, обнимающее собой всѣ сферы общественнаго труда, необходимо будетъ и тогда; и никогда не преминутъ они объявить во всеуслышаніе, что, такъ какъ коллективизмъ выростетъ изъ политическаго и правительственнаго господства класса трудящихся, то для того, чтобы реализовать свое господство, онъ долженъ выдѣлить партію изъ болѣе активныхъ своихъ членовъ и преданныхъ ему людей изъ другихъ классовъ; что классъ именно черезъ свою партію завладѣетъ политической властью, станетъ правительствомъ, факторомъ закона, и что только такимъ путемъ классъ трудящихся будетъ удерживать трудящихся же у труда. Этого признанья съ насъ достаточно, и на немъ именно мы и будемъ строить свои выводы.

Итакъ, участіе государства въ революціи должно выразиться въ томъ, что возставшія массы, свергнувъ старое правительство, даютъ возможность собраться новому правительству, выбранному что ни на есть демократическимъ способомъ (что не исключаетъ, конечно, сильнѣйшаго давленія на выборы со стороны господствующей революціонной партіи) или же, сама революціонная партія захватитъ власть и объявитъ свою диктатуру. Если до сихъ поръ волновался и дѣйствовалъ народъ, то съ того момента, какъ начнетъ функціонировать новое правительство, онъ долженъ успокоиться, и обязательно успокоиться, такъ какъ онъ уже не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ уже чувствуетъ надъ собою чью-то желѣзную руку. Болѣе или менѣе радикальная, болѣе или менѣе боевая группа станетъ у власти, начнетъ декретировать приказы, распоряжаться, принимать мѣры противъ несогласныхъ, осмѣливающихся что-либо сдѣлать помимо новаго правительства, и особенно тѣхъ, которые попробуютъ вырваться изъ подъ опеки всякаго правительства. Отнынѣ народу прійдется соблюдать умѣренность, въ самомъ революціонномъ пылу ему прійдется бить, но не добивать. Но что важнѣе всего, искусство слушаться и повиноваться орудующимъ сверху *не должно быть имъ забыто!* законъ долженъ оставаться въ силѣ, ибо, еще разъ напомнимъ, государство должно быть сохранено, оно должно остаться нетронутымъ, самый принципъ повиновенія не долженъ пострадать, когда пойдетъ ликвидація стараго строя, когда массы направятъ на него свои удары. Дать расходиться страстямъ, предаваться „незаконному“ разрушенью, „самовольно“ уничтожать, „самовольно“ созидать, когда уже есть новый хозяинъ, новое правительство, которому все принадлежитъ, которому переданы всѣ полномочія, которое одно и имѣетъ право распоряжаться, которое единственно и призвано что либо сдѣлать и, главное, которому мѣшать не надо, чтобы не испортить придумываемыхъ имъ наилучшихъ плановъ реорганизаціи общества, — все это въ высшей степени предосудительно для „сознательнаго“ революціонера. „Сознательный революціонеръ долженъ умѣть владѣть собой, чтобы во время остановиться. Когда старые воробьи спугнуты, и уже раздается ультрадемократическое чириканье, тогда революціи больше нѣтъ, тогда все по старому, чинно, крыто и совсѣмъ таки прилично. Ничего не измѣнилось: возвращайтесь на свои старыя мѣста, кто на свою фабрику, кто въ свою лачугу!

У правительства, каково бы оно ни было, диктаторское или выбранное, всегда будетъ имѣться въ запасѣ свой планъ преобразованія общества, подсказанный ему выдвинувшей его партіей, и первымъ его декретомъ и будетъ, само собой разумѣется, чтобы никто не смѣлъ ни къ чему дотронуться — тѣмъ паче къ собственности, такъ какъ преобразованіе ея и составитъ, вѣрно, гвоздь его программы — чтобы дать ему возможность собраться съ силами и начать благополучно преобразованіе сверху внизъ. Всякое самовольное дѣйствіе можетъ нарушить цѣльность его плановъ; слѣдовательно, спокойствіе и порядокъ найдутъ въ немъ своего горячаго ревнителя.

Но еще болѣе успокаивающе подѣйствуетъ тотъ психологическій фактъ, что право иниціативы передано будетъ правительству или диктатурѣ. И пусть не подумаютъ, что это только одно голословное утвержденіе. Только *въ дѣйствіи* народъ обладаетъ творческимъ духомъ; его самостоятельная иниціатива увлекаетъ его куда дальше, нежели рисовалось ему въ его смутныхъ мечтаніяхъ о будущемъ; тогда онъ превосходитъ смѣлостью и дерзновеньемъ самаго радикальнаго революціонера. *Выбирая* же дѣйствующихъ за него, онъ пассивенъ и руководится самыми обыденными своими представленіями и самыми трезвыми мотивами; выборы—это операція самообезглавливанія; выбирающій народъ превращается въ выбирающее стадо. Вотъ почему въ правительство могутъ пройти лишь посредственности, которыя только то и умѣютъ, что вести длиннѣйшіе разговоры о наилучшемъ планѣ устройства общества, а тѣмъ временемъ декретировать спокойствіе и порядокъ.

Мистическая формула диктатуры класса какъ будто разрѣшаетъ всѣ недоумѣванія, но, переведенная на конкретную почву, она теряетъ весь свой мистицизмъ и принимаетъ весьма неудобочувствуемую форму самаго обыкновеннаго демократическаго диктаторства. Да, именно „диктаторства“, даже въ томъ случаѣ, если правительство составится изъ посредственностей.

Народъ будутъ запугивать опасностью реакціи, грозящей со стороны буржуазіи. И именно въ борьбѣ съ этой опасностью революціонное правительство, будь оно выбрано всеобщимъ примомъ и т. д., окрѣпнетъ, какъ диктатура. Гипнозъ опасности реакціи, такъ много вреда уже причинившій революціямъ, и здѣсь сыграетъ на руку революціонному правительству; его агенты будутъ весьма дѣятельно распространять всякіе слухи и легенды, они будутъ обрабатывать настроеніе массъ, чтобъ зажечь въ нихъ страстное желаніе опеки и защиты.

И эту опасность реакціи, поскольку она будетъ въ наличности, создастъ само правительство своими дѣйствіями и методами борьбы. Оно само остановитъ на полдорогѣ уже замахивающуюся на буржуазію руку голоднаго люда; оно само извратитъ смыслъ борьбы, извлекая изъ нея какой то политическій экстрактъ, оно само водворитъ спокойствіе и тишину во имя нарождающагося новаго режима. Если иниціативѣ возставшаго народа предоставлено будетъ справиться съ буржуазіей и ея основой - собственностью, какъ онъ найдетъ это нужнымъ; если его не будутъ обуздывать, призывать къ порядку во имя предвзятаго теоретическаго плана, онъ сразу покончитъ, какъ съ капиталомъ, такъ и съ властью; безъ капитала же и безъ власти буржуазія—ничто. Сразу уничтожено будетъ то, чего никакъ, никакими реформами не удастся упразднить правительству т. е. классы.

Но можетъ быть правительство, состоящее изъ людей, такъ долго возившихся съ новѣйшими теоріями о наилучшемъ способѣ управленія людьми и такъ страстно мечтавшихъ объ идеальномъ общественномъ строѣ, настолько преобразится, что въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не будетъ напоминать стараго правительства? Выйдя изъ нѣдръ теорій и мечтаній, оно, можетъ быть, начнетъ собою совершенно новую эру? Люди почувствуютъ, что перевалили по ту сторону соціальной революціи, вступили въ „будущій строй“.

Ничуть не бывало! Каутскій постарался разбить и эту иллюзію, онъ окончательно утвердилъ насъ въ мысли, что будущее правительство явится прямымъ историческимъ продолженіемъ нынѣшняго. Онъ говоритъ, что, допуская для партіи возможность *сразу и нераздѣльно* завладѣть властью, онъ дѣлаетъ только абстрактное предположеніе, очень удобное для построенія программы и извлеченія изъ нея выводовъ; что схема, по которой за захватомъ власти слѣдуетъ обобществленіе, есть не болѣе, какъ научный пріемъ изслѣдованія вопроса; что въ дѣйствительности само „недобиваніе“ буржуазіи, такъ называемая соціальдемократами соціальная революція, будетъ тянуться годы и десятки лѣтъ. Ясно, что во время этого долгаго процесса борьбы за власть, партійные люди не только сумѣютъ выдвинуться и пріучить всѣхъ смотрѣть на себя, какъ на кандидатовъ въ члены будущаго правительства, но успѣютъ уже побывать членами теперешняго правительства и напрактикуются въ парламентской дипломатіи.

Счастье, въ видѣ частичныхъ и временныхъ побѣдъ надъ буржуазіей, то склонится на сторону партіи, то покидаетъ ее, партія то становится у власти, то играетъ въ оппозицію; она чередуется въ правительствѣ съ буржуазными партіями. Революція перестаетъ быть революціей, не означаетъ уже того страшнаго событія, которое должно потрясти самыя основы буржуазнаго міра; она превращается въ одно изъ тѣхъ „красныхъ“ словечекъ, которыми пугаютъ мирныхъ буржуа. И, когда долгожданный захватъ власти осуществится на дѣлѣ, передъ нами будетъ наше старое знакомое заправское правительство, которое повелѣваетъ, и обманываетъ, и караетъ и милуетъ.

Это то правительство, не созданное теоріей, а выросшее изъ наличнаго нынѣшняго правительства, какъ естественное его продолженіе, и не подумаетъ исчезнуть въ угоду пророчествамъ, а напротивъ, очень энергично будетъ отыскивать себѣ призваніе, оно будетъ горѣть желаніемъ потрудиться на „благо народа“. И это то правительство вынуждено будетъ выступить въ исторической роли обобществителя средствъ производства.

Итакъ одной изъ важнѣйшихъ функцій новаго правительства, какъ только оно очутится у власти, будетъ обобществленіе средствъ производства, экспропріація буржуазіи. Сможетъ ли, захочетъ ли оно это сдѣлать? Допустимъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ утвердительный и что актъ экспропріаціи пройдетъ совершенно благополучно: непосредственнымъ результатомъ этого акта будетъ то, что совершенная по декрету правительства и его силами,

экспропріація передастъ всѣ богатства въ фактическую собственность правительству. Вмѣсто многихъ конкретныхъ владѣльцевъ—собственниковъ, мы будемъ имѣть одного конкретнаго собственника, который въ защитѣ своихъ правъ врядъ ли будетъ болѣе уступчивъ, чѣмъ буржуазія. Правительство тѣмъ самымъ получитъ въ свои руки самое могучее средство господства надъ народомъ. Хотя номинально все считается коллективной собственностью, но этотъ коллективъ сейчасъ представленъ революціоннымъ правительствомъ и, слѣдовательно, распоряжаться всѣмъ будетъ оно. Такимъ образомъ разрѣшается этотъ такъ красиво звучащій лозунгъ: общество въ цѣломъ является хозяиномъ всего производства; производители получаютъ и орудія и сырье изъ рукъ самого общества на извѣстныхъ условіяхъ. Оказывается, что общество въ цѣломъ есть только фикція, оно, какъ цѣлое, ничѣмъ не владѣетъ, а владѣетъ представляющее его учрежденіе, — революціонное правительство.

Но врядъ ли даже правительство будетъ торопиться проведеніемъ этой революціонной мѣры (экспропріаціи). Отстаивая себя, какъ правительство, толкаемое логикой своего самосохраненія, оно будетъ избѣгать всего того, что могло бы поставить его передъ задачей наивысшаго напряженія силъ, что могло бы поставить на карту его собственное существованіе. Нормальное теченіе производства очень скоро станетъ догматомъ новаго правительства; все, что нарушаетъ его, будетъ считаться противо-государственнымъ явленіемъ. Вѣдь и сейчас-это тотъ фетишъ, предъ которымъ соц.-дем. преклоняются безусловно; вѣдь они исходятъ изъ исторически даннаго производства, изъ тѣхъ реальныхъ тенденцій, которыя и сейчасъ намѣчаются въ немъ. Правительство будетъ очень склонно къ тому, чтобы дать буржуазіи еще поцарствовать, дабы присмотрѣться и къ дальнѣйшимъ тенденціямъ производства.

Экономическій строй долженъ „созрѣть“. И такъ какъ заранѣе рѣшено, что подъ „зрѣлостью“ надо понимать извѣстныя экономическія условія, которыя соотвѣтствовали бы заранѣе составленному плану,—коллективизму, то именемъ этой „недозрѣлости“ экономическаго строя, именемъ необходимости подчиненія живой дѣйствительности мертвой абстракціи, заставятъ пролетаріатъ пятиться назадъ, когда онъ рискнетъ что-либо сдѣлать сверхъ теоріи.

Одной изъ главныхъ заботъ новаго правительства будетъ сохраненіе равновѣсія на рынкѣ въ обращеніи товаровъ. Вѣдь поспѣшность можетъ только вредить и вызывать страшный экономическій крахъ! Вѣдь буржуазія, чего-добраго, спрячетъ свои капиталы въ карманы и тутъ, уже самое сильное правительство ничего не подѣлаетъ: не станетъ же оно насильно таскать буржуя на биржу! Каутскій предвидитъ новую опасность, которая грозитъ правительству, если оно пожелаетъ слишкомъ энергично подиктаторствовать надъ буржуазіей: буржуазія со своими капиталами уйдетъ заграницу. „заграница“ останется, какъ останется и государство и правительство, нуждающееся въ капиталистахъ, чтобы вынудить ихъ пойти на сдѣлки, очутится въ безвыходномъ положеніи.

Итакъ, съ обобществленіемъ еще можно подождать; сначала правительство займется тѣми подготовительными мѣрами, паліативами, къ которымъ всегда прибѣгаютъ тѣ, кто боится крайнихъ мѣръ. Отсрочка коренной ломки дѣлаетъ неизбѣжными починки. Это стремленіе чинить, исправлять недочеты буржуазнаго строя будетъ сознаваться новымъ правительствомъ, какъ демократическій долгъ. На языкѣ Каутскаго это называется: надо раньше совершить то, чего не додѣлала въ свое время буржуазія, что собственно составляло ея задачу — полное осуществленіе демократической программы. Прежде всего ввести подоходный налогъ, не въ такомъ объемѣ, конечно, чтобы эта мѣра была равносильна преждевременной экспропріаціи прибавочной стоимости. Дальше на очереди, согласно Каутскому, улучшеніе матеріальнаго положенія учителей, правильная постановка школьнаго дѣла. Это дѣло обойдется куда дороже, нежели нынѣшній милитаризмъ, и надо будетъ раздобыть денегъ и много денегъ... Вотъ еще одинъ лишній доводъ въ пользу того, чтобы всякій „цѣнящій просвѣщеніе“ человѣкъ сталъ на сторону правительства такъ великодушно берущаго на себя всѣ хлопоты, всю финансовую обузу...“

Но, какъ бы радикально ни было правительство, оно не сможетъ уничтожить сразу классовыхъ различій; будутъ, какъ и теперь, занятые рабочіе, будутъ и безработные, и правительство должно будетъ облегчать судьбу послѣднихъ, обезпечивая ихъ какимъ либо изъ средствъ, которыя демократія давно придумала для этой надобности.

На первыхъ порахъ революціонное правительство будетъ кормить голодныхъ, оно, пожалуй, даже рискнетъ на такой „революціонный шагъ,“ какъ заставить крестьянъ возить хлѣбъ въ городъ. Но этотъ революціонный пылъ скоро остынетъ и тогда оно обратится къ болѣе мирнымъ средствамъ. — Вандервельдъ считаетъ возможнымъ введеніе въ сельскихъ мѣстностяхъ національныхъ хозяйствъ, куда, для успѣха предпріятій и во имя интересовъ казны, будутъ принимать безработныхъ съ извѣстнымъ разборомъ, — правительство должно быть мудрымъ прежде всего! Самъ Каутскій находитъ очень разумной слѣдующую мѣру: нанимать безработныхъ и люмпенпролетаріевъ на военную службу, и такимъ образомъ сразу избавиться отъ всей этой безпокойной ватаги! На фабрикахъ, въ свою очередь, рабочіе, при содѣйствіи расположеннаго къ нимъ правительства, добьются господствующаго положенія: капиталисты будутъ низведены до роли простыхъ управляющихъ; подъ конецъ они сами начнутъ покидать фабрики и наперерывъ предлагать выкупать у нихъ ихъ собственность. Правительство, конечно, воспользуется такимъ прекраснымъ случаемъ, а тутъ-то начнетъ оно свое настоящее дѣло — обобществленіе! Какъ осуществитъ оно это дѣло? какой изберетъ путь? путь выкупа безусловно, какъ самый желательный для правительства, всегда пекущагося о финансовыхъ интересахъ народа и уже успѣвшаго миролюбиво настроиться. Вознагражденіе, увѣряютъ соц.-дем., самый дешевый способъ экспропріаціи, такъ какъ, поясняемъ мы ихъ доводъ, содержаніе арміи и бюрократіи, необходимыхъ для совершенія насильственной экспропріаціи, обойдется еще дороже. Будучи правительствомъ и желая сохранить себя какъ таковое, будущая соц.-дем. „администрація“ и не можетъ иначе поступить: изъ всѣхъ возможныхъ мѣропріятій она всегда предпочтетъ тѣ, которыя потребуютъ постояннаго вмѣшательства правительственной власти; въ *быстромъ* натискѣ на буржуазію она сама рискуетъ раствориться до нуля. Каждый предпринимаемый ею актъ будетъ взвѣшиваться ею съ точки зрѣнія ея собственной устойчивости.

Финансовый интересъ государства — это самый благовидный предлогъ для оправданія своего собственнаго существованія. Предполагая это существованіе неоспоримо нужнымъ, нов. правительство сумѣетъ представить очень невыгоднымъ, съ финансовой точки зрѣнія, *насильственное* проведеніе экспропріаціи. Насильственной экспропріаціи оно предпочтетъ громоздкую финансовую операцію: прогрессивное повышеніе подоходнаго налога.

Налогъ на нетрудовые доходы, главнымъ образомъ на суммы, которыя бывшіе капиталисты будутъ получать отъ государства въ видѣ выкупа, дастъ возможность сконцентрировать весь капиталъ въ рукахъ правительства и конфисковать его приблизительно черезъ одно поколѣніе. Такого рода конфискація именно тѣмъ и хороша, что она будетъ длиться много лѣтъ и утратитъ свой рѣзкій характеръ.

И все таки для конфискаціи потребуется „нѣкоторая“ власть, какъ осторожно выражается Каутскій. Это напоминаніе очень кстати, въ немъ вся суть дѣла, оно похоже на неожиданное разоблаченіе.

Вандервельдъ находитъ, что, для того, чтобы экспропріація не встрѣтила непреодолимыхъ препятствій, необходимо, чтобы до экспропріаціи концентрація достигла уже крайнихъ предѣловъ; значитъ правительству придется поддерживать капиталистовъ до тѣхъ поръ, пока этотъ крайній предѣлъ концентраціи не будетъ достигнутъ. Онъ пытается утѣшить насъ тѣмъ, что правительство, молъ, сумѣетъ ускорить этотъ процессъ извѣстными способами, и самъ даже рекомендуетъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, правительство будетъ получать наслѣдство отъ капиталистовъ, не оставившихъ прямыхъ наслѣдниковъ, будетъ участвовать во всѣхъ акціонерныхъ компаніяхъ, дающихъ наиболѣе крупные доходы и само найдетъ тысячу разныхъ ускоряющихъ способовъ, используетъ всѣ пути, ведущіе къ концентраціи. Впослѣдствіи оно можетъ рискнуть и на экспропріацію безъ вознагражденія. *) Такимъ образомъ члены революціоннаго правительства доведутъ дѣло до благополучнаго конца: экспропріаціонная операція совершится постепенно и окончательно усилитъ государство.

Итакъ, невзирая на всѣ старанія Энгельса и Ко убѣдить насъ въ томъ, что *первый* актъ новаго соціалистическаго правительства будетъ и *послѣднимъ* его актомъ, оно, насколько намъ удалось проникнуть въ этотъ таинственный процессъ „самоуничтоженія“, и не думаетъ исчезать. Наоборотъ, будущее революціонное правительство какъ будто собирается очень дѣятельно отстаивать свое существованіе, оно собирается очень долго жить и здравствовать, быть можетъ къ утѣшенію и радости его мнимыхъ отрицателей, но ужъ во всякомъ случаѣ не къ счастью порабощеннаго человѣка.

(Продолженіе слѣдуетъ). Бор. Сп.

---

*) Вандервельдъ находитъ нужнымъ защищать правительство даже съ точки зрѣнія современнаго права; оно вѣдь и сейчасъ совершаетъ отчужденіе частныхъ имуществъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ потому, что государство, представляя интересы всѣхъ, является верховнымъ собственникомъ всего того, что находится въ частномъ владѣніи. И интересъ государства соблюденъ, и принципъ частной собственности не нарушенъ.

НАШИ ЗАДАЧИ.

Краткое изложеніе коммунизма позволило намъ, въ прошлый разъ, сдѣлать тотъ выводъ, что формула „отъ каждаго — по способностямъ, каждому — по потребностямъ" вполнѣ примѣнима и возможна, какъ съ точки зрѣнія производительныхъ силъ, такъ и съ точки зрѣнія экономическихъ отношеній общества. Новыя условія жизни сдѣлаютъ трудъ настолько пріятнымъ и привлекательнымъ, что окажется совершенно излишнимъ установленіе какой бы то ни было общей, для всѣхъ обязательной *производительной* нормы, о чемъ такъ мечтаетъ коллективизмъ. Съ другой стороны, благодаря непрерывному и неизбѣжному росту нашихъ богатствъ, окажется также ненужной и всякая *потребительная* норма: всѣ потребности личности, какъ широки бы онѣ ни были, смогутъ быть и будутъ удовлетворены анархистской коммуной, независимо отъ того равняются ли получаемые личностью продукты „заработку" ея или нѣтъ. Отрицая принципъ цѣнности, коммунизмъ тѣмъ самымъ отказывается и отъ пошлаго торгашества.

Но признаніемъ этихъ выводовъ, признаніемъ коммунистической формулы, интересующая насъ проблема далеко еще не исчерпывается. Возникаетъ цѣлый рядъ другихъ, крайне важныхъ вопросовъ, требующихъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта. Какъ осуществится въ жизни эта безусловно правильная, но все же пока только *теоретически* построенная формула? какъ организуется и урегулируется производство въ будущемъ строѣ? каково будетъ внутреннее строеніе анархистской коммуны? каковы будутъ отношенія коммунъ между собою?

Раньше, чѣмъ приступить къ отвѣту на всѣ эти вопросы, мы находимъ нужнымъ сдѣлать маленькую оговорку. Мы считаемъ прямо невозможнымъ предугадать детали и даже болѣе или менѣе крупныя черты будущей общественной организаціи. Всякая эпоха, всякое поколѣніе, всякая данная форма соціальнаго строя имѣютъ *свою* психику, *свою* степень развитія, *свою* способность понимать и оцѣнивать жизненныя явленія, *свои*, наконецъ, идеалы; всякая эпоха имѣетъ *свой* умственный и духовный горизонтъ, дальше котораго ея глазъ ничего не различаетъ, *свой* максимумъ желаній и стремленій, съ достиженіемъ которыхъ, кажется ей, ничего больше не остается желать, *свое* представленіе о будущемъ, которое рисуется ей наиболѣе правдоподобнымъ, наиболѣе приближающимся къ объективной истинѣ. Для насъ, людей современной эпохи, такимъ идеальнымъ представленіемъ о будущей экономической жизни общества является коммунизмъ, какъ мы его понимаемъ. Живя при *современныхъ*, исторически сложившихся условіяхъ, находясь на *современной* ступени культурнаго развитія, владѣя *современной* техникой, мы думаемъ, что дальше этого коммунизма ужъ итти некуда, что коммунизмъ этотъ — самая высшая, самая яркая, самая идеальная форма экономической жизни, какъ въ смыслѣ производства, такъ и въ смыслѣ распредѣленія общественныхъ богатствъ. Но все это кажется *намъ*, людямъ двадцатаго вѣка; быть можетъ поколѣніямъ, которымъ придется не разсуждать теоретически о коммунизмѣ, а осуществлять его на дѣлѣ, онъ, въ томъ видѣ, въ которомъ мы рисуемъ его, покажется недостаточнымъ, неудовлетворительнымъ; быть можетъ *ихъ* коммунизмъ будетъ совершенно другимъ потому, что ихъ мысль будетъ глубже, ихъ техника богаче, ихъ фантазія ярче, ихъ горизонты несоизмѣримо шире... Быть можетъ, наконецъ, онѣ перешагнутъ черезъ коммунизмъ и уйдутъ гораздо дальше... Вотъ почему мы считаемъ научно невозможнымъ предугадать, начертить заранѣе хоть сколько нибудь точный планъ будущаго строя. Можно дѣлать только *предположенія*, болѣе или менѣе правдоподобныя *гипотезы*, опирающіяся на наличныя условія жизни и развитія человѣка, на наличныя, духовныя и матеріальныя богатства современнаго общества. И только какъ гипотезы такого рода должны разсматриваться всѣ соображенія о будущемъ строѣ, къ которымъ мы теперь и приступаемъ.

Одной изъ самыхъ характерныхъ и опредѣляющихъ чертъ всякаго государственнаго строя является централизація; она лежитъ въ самой основѣ всей государственной машины; государство тѣмъ сильнѣе, чѣмъ строже, чѣмъ всестороннѣе централизація, проникающая во всѣ закоулки индивидуальной и общественной жизни. Результаты же ея до того наглядно плачевны, что долго распространяться о нихъ не приходится. Она обезличиваетъ, убиваетъ личность, превращая ее изъ цѣлой единицы въ какую то общественную дробь, изъ человѣка въ подданнаго или гражданина; она отнимаетъ у личности право быть самой собой, быть самой центромъ всѣхъ своихъ поступковъ и стремленій, вмѣняя ей въ обязанность заботиться всегда и раньше всего о „благѣ общества" и государства; она тормозитъ всякую иниціативу, всякое личное начинаніе; она въ личности гнетъ къ землѣ все то, что пытается подняться выше средняго, все то, что носитъ хоть малѣйшій отпечатокъ свободнаго творчества, способнаго нарушить планомѣрность и равновѣсіе общественной жизни. Централизаціи не нуженъ человѣкъ, а нужно безличное и безразличное существо, на которое можно было бы наклеить то одинъ, то другой ярлычокъ: солдатъ, чиновникъ, судья, жандармъ, оффиціальный ученый и т. д. и т. д. Ей не нуженъ человѣкъ, т. е. цѣльная индивидуальность, имѣющая свое „я", свои инстинкты и страсти, свои волевыя побужденія, свои потребности и желанія, свой внутренній и духовный міръ; ей не нуженъ человѣкъ, этотъ самъ по себѣ законченный и крайне сложный механизмъ; ей нужны только составныя части, ничего не стоющія въ отдѣльности, но образующія вмѣстѣ могучій и грозный общественный механизмъ; ей не нуженъ человѣкъ, а автоматъ; вотъ почему, всегда и вездѣ, она всѣми силами стремится въ человѣкѣ убить человѣка.

Если теперь отъ личности мы перейдемъ къ обществу, то и здѣсь роль централизаціи оказывается до высшей степени гибельной. О ея зловредномъ вліяніи на внутреннюю политическую жизнь народовъ писали и говорили неоднократно даже многіе изъ патентованныхъ защитниковъ современнаго строя. Стягивая, концентрируя всѣ нити правленія въ одно какое нибудь мѣсто, обыкновенно въ столицу, она почти убиваетъ мѣстную жизнь во всей странѣ. Въ любомъ государствѣ, будь это монархія или республика чѣмъ сильнѣе централизація, тѣмъ значительнѣе роль столицы, а чѣмъ важнѣе роль столицы тѣмъ ничтожнѣе значеніе провинціи. Все даровитое, все мало мальски стоющее тянется обыкновенно въ столицу и, наоборотъ, всѣ отбросы столицы ищутъ убѣжища въ провинціи. Блескъ и красота одной окупаются тусклостью и убожествомъ другой!.. Столица задаетъ тонъ всей странѣ; въ своемъ стремленіи всегда и во всемъ подражать ей, провинція постепенно теряетъ свой самобытный, выработанный мѣстными условіями и традиціями характеръ, и становится прямо уродливой... Постепенно также она утрачиваетъ свою самостоятельность и настаетъ, наконецъ, моментъ когда, подчиняясь постановленіямъ, исходящимъ изъ высшихъ столичныхъ сферъ и идущихъ иногда прямо въ разрѣзъ съ ея интересами, она дѣлаетъ это уже не нехотя, не насилуемая, не въ силу горькой необходимости, а пассивно, добровольно, безъ малѣйшаго намека на протестъ. Централизація довела свое дѣло до конца: она поработила страну не только физически, но и нравственно. Правда, побѣда эта обошлась не дешево: она куплена цѣною умственнаго и духовнаго упадка почти всей страны, потерявшей всякую способность самостоятельной творческой работы, превратившейся въ какой то жалкій, безжизненный придатокъ блестящей столицы и ея „высшихъ сферъ;" но зато государственная машина не скрипитъ, не боится опасныхъ треній, зато все такъ плавно и планомѣрно идетъ!..

Не менѣе пагубна роль централизаціи и въ экономической жизни народовъ. Для своего функціонированія, для успѣшнаго хода своей дѣятельности, она нуждается въ огромномъ штатѣ силъ, въ могучей, широкой, всеобъемлющей бюрократіи; и эта вѣчно алчная и голодная, эта одаренная чисто волчьимъ апетитомъ чиновничья свора ложится страшно тяжелымъ бременемъ на страну, высасываетъ изъ нея всѣ соки, пожираетъ добрыхъ три четверти всѣхъ государственныхъ доходовъ. Но это еще ничего; несравненно хуже то, что эта многоголовая, вездѣсущая бюрократія представляетъ собою какую-то ужасную, чудовищную гидру, которая своими щупальцами охватываетъ, окутываетъ всю страну и убиваетъ въ ней всякую силу сопротивленія, всякое желаніе бороться; она систематически вытравливаетъ, она жестоко преслѣдуетъ и караетъ всякую попытку сбросить ея опеку и дѣйствовать самостоятельно; всѣми силами и способами она старается убѣдить народъ въ полезности своего существованія, въ необходимости и незамѣнимости своихъ функцій. Съ этой цѣлью она стремится захватить въ свои руки почти всѣ виды дѣятельности, имѣющіе сколько нибудь общественный характеръ; своими школами и дипломами она руководитъ воспитаніемъ и образованіемъ, своими все растущими количественно промышленными предпріятіями она начинаетъ руководить и производствомъ. Въ своей роли воспитательницы — она содѣйствуетъ только вырожденію личности, о которомъ мы говорили выше; какъ производитель же — она ниже всякой критики. Почти всѣ государственныя предпріятія обходятся народу чрезвычайно дорого и даютъ (и то не всегда) прямо ничтожные доходы. Мы говоримъ тутъ, конечно, не о *монопольныхъ* производствахъ какъ, напримѣръ, водка у насъ въ Россіи или табакъ во Франціи. Монополія касается обыкновенно предметовъ первой необходимости или, по крайней мѣрѣ, имѣющихъ очень широкій сбытъ; монополизируя въ своихъ рукахъ производство этихъ предметовъ, съ абсолютнымъ запретомъ для частныхъ предпринимателей заниматься имъ, государство ставитъ себя внѣ всякой конкуренціи. При такихъ условіяхъ, какъ плохи бы ни были продукты и какъ высоки бы ни были ихъ цѣны, они все таки расходятся и даютъ довольно солидные барыши. Мы имѣемъ тутъ

въ виду другія, не монополизированныя, производства какъ, напримѣръ, крупные государственные заводы, горные промыслы, судоходство, желѣзныя дороги и т. д., гдѣ государство выступаетъ какъ частный предприниматель, рядомъ съ другими конкурирующими частными предпринимателями. Здѣсь съ поразительной очевидностью обрисовываются и полная несостоятельность бюрократіи серьезно организовать какое либо промышленное предпріятіе, и вся невыгодность, вся разорительность централизованнаго производства. Затраты на постановку дѣла обыкновенно чрезмѣрно большія, производство не урегулировано, продукты отвратительные и качествомъ гораздо хуже тѣхъ же продуктовъ частныхъ производителей. Но тогда какъ, при такихъ обстоятельствахъ, частныя предпріятія обыкновенно прекращаются, государственныя, весьма часто и невзирая ни на что, продолжаютъ все таки свое существованіе, въ которомъ заинтересована та или иная „особа" чиновничьяго міра... Конечно, народъ бѣднѣетъ, его хозяйство идетъ ко дну; но что же дѣлать? Нужно же, чтобы онъ чувствовалъ и вѣрилъ, что централизація и органъ ея — бюрократія на что нибудь служатъ, что онѣ дѣло дѣлаютъ, что онѣ необходимы ему; иначе — что станетъ съ государствомъ? что будетъ съ обществомъ? что будетъ съ порядкомъ?!...

Такова характеристика всякой государственной централизаціи, таковы итоги ея дѣятельности во всѣхъ сферахъ индивидуальной и коллективной жизни. Ясно, поэтому, что первой задачей коммунизма должно быть полное и окончательное уничтоженіе всякой централизаціи. Дробленіе единаго государства на множество автономныхъ, независимыхъ, географически сформировавшихся территоріальныхъ областей; дробленіе единаго общества на множество автономныхъ, независимыхъ общественныхъ группъ, имѣющихъ каждая свои нравы, свое историческое прошлое, свои вѣками сложившіяся традиціи; удаленіе всѣхъ узъ, которыми эти области и общественныя группы были до сихъ поръ искусственно связаны между собою государственнымъ насиліемъ — вотъ первые шаги, предстоящіе коммунизму на пути къ преобразованію современнаго соціальнаго строя. Эти области и общественныя группы могутъ въ свою очередь, сообразно со своей величиной и численностью, продолжать дробленіе до тѣхъ предѣловъ, какіе окажутся пригодными и полезными каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Таковъ процессъ разложенія деспотическаго государства на многочисленныя вольныя, анархическія коммуны.

Итакъ, основнымъ ядромъ будущаго строя является коммуна. Такой коммуной можетъ быть каждый городъ, каждый кварталъ большого города, каждая деревня, каждое село. Но и сама коммуна представляетъ собою уже сложный, составной организмъ. Составными частями, органами, элементами ея служатъ *производительныя* группы, слагающіяся изъ лицъ одного ремесла и симпатизирующихъ другъ другу. Этотъ послѣдній фактъ, т. е. группировка не только по *профессіямъ* но и по *симпатіямъ*, не случайный, не придаточный элементъ коммунизма; онъ одинъ изъ фундаментовъ, одно изъ коренныхъ условій, безъ котораго сама анархистская коммуна немыслима. Союзъ между людьми въ силу одной только экономической необходимости носилъ бы всегда извѣстный отпечатокъ принужденія, нѣкоторую насильственную окраску, которая въ концѣ концовъ погубила бы коммуну. Наоборотъ, класть и симпатію, и взаимное влеченіе другъ къ другу, въ основу общежитія, это упрочить его, предотвратить въ немъ даже возможность какихъ бы то ни было треній, это обезпечить разъ навсегда нормальный ходъ его жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ государства, современное общество распадается на составные элементы: централизованная страна дѣлится на независимыя области, дробящіяся въ свою очередь на еще болѣе мелкія территоріальныя единицы, коммуны. Всякая такая коммуна образуется союзомъ производительныхъ группъ, складывающихся изъ лицъ одного ремесла и симпатизирующихъ другъ другу. Эти группы берутъ въ свои руки всѣ революціонно-экспропріированные орудія производства, землю, сырые матеріалы и приступаютъ къ производству *). Урегулированія производства, уравновѣшиванія его съ потребленіемъ группы добьются (послѣ нѣкоторыхъ колебаній, конечно, и не безъ недочетовъ на первое время), при помощи договоровъ и взаимныхъ соглашеній. Такія группы образуются для всѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности, какъ физической, такъ и умственной: для производства сапогъ или обработки земли, какъ и для астрономическихъ изслѣдованій или педагогическихъ цѣлей. Новыя условія труда и развитіе техники сдѣлаютъ возможнымъ участіе личности одновременно въ нѣсколькихъ такихъ группахъ, что будетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія: во первыхъ, благодаря своему разнообразію, трудъ перестанетъ быть утомительнымъ и отталкивающимъ; во вторыхъ, вмѣсто того, чтобы узко спеціализироваться, личность будетъ безпрестанно всестороние развиваться; въ третьихъ, принадлежность однихъ и тѣхъ же лицъ къ разнымъ производительнымъ группамъ сдѣлаетъ болѣе тѣснымъ союзъ между ними и, благодаря этому, упрочитъ существованіе самой коммуны.

Разнородность естественныхъ богатствъ различныхъ мѣстностей заставляетъ коммуны вступать въ союзъ между собой; такимъ образомъ создается федерація коммунъ. Эта федерація организуетъ въ своихъ предѣлахъ обмѣнъ продуктами, благодаря которому, каждая коммуна, взамѣнъ имѣющихся у нея въ избыткѣ продуктовъ, получаетъ тѣ, которыхъ у нея недостаточно или вовсе нѣтъ. Она, по договору и взаимному соглашенію, распредѣляетъ между коммунами „расходы" по содержанію между—коммунальныхъ, федеративныхъ предпріятій, какъ почта, телеграфъ, желѣзныя дороги и т. д., которыми завѣдуютъ взявшія на себя эти функціи группы. Для сношеній коммунъ между собой, федерація не нуждается въ какомъ либо постоянномъ органѣ, существованіе котораго могло бы со временемъ стать не безопаснымъ; по каждому болѣе или менѣе важному вопросу, лишь только онъ возникаетъ, избираются спеціалисты, которымъ поручаютъ всестороние разсмотрѣть его; но спеціалистамъ этимъ предоставляется лишь *совѣщательный* голосъ; никакой *исполнительной*, рѣшающей власти они не имѣютъ; рѣшаетъ коммуна, которой уполномоченный ею спеціалистъ излагаетъ результаты своего изученія даннаго вопроса. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ рѣшеніяхъ анархистской коммуны не можетъ быть и рѣчи о большинствѣ и меньшинствѣ. При отсутствіи личной заинтересованности рѣшающихъ и наличности неотложной необходимости рѣшить вопросъ сейчасъ-же, можно съ увѣренностью предугадать, что всѣ такъ или иначе столкуются и согласятся. Если же не согласятся, то это будетъ означать, что рѣшеніе можно отложить до другого, третьяго, сотаго раза когда, наконецъ, сама жизнь, сама необходимость заставитъ всѣхъ принять какое нибудь опредѣленное рѣшеніе. Соображенія эти относятся, какъ къ группамъ, такъ и къ коммунамъ и федераціямъ.

Въ силу все тѣхъ же причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ группы сложились въ коммуны и коммуны въ федераціи, эти послѣднія, въ свою очередь, свяжутся, сфедерируются, образуя цѣлые народы, изъ которыхъ тѣмъ же путемъ составится человѣчество. Но человѣчество порвавшее со своимъ позорнымъ прошлымъ, человѣчество обновленное, свободное и любящее свободу!... Въ своемъ строительствѣ этого новаго человѣчества анархизмъ примѣняетъ чисто научный методъ: онъ идетъ отъ простого къ сложному, отъ частнаго къ общему, отъ единицы къ коллективу. Отправнымъ пунктомъ своимъ онъ считаетъ не мертвыя производственныя отношенія, къ которымъ „научно" хотятъ приспособить живого человѣка, а любовь и стремленіе къ свободѣ, вѣчное стремленіе къ свободѣ, присущее не человѣку только, а всему живущему. Свобода — это возможность полной гармоніи между „я" личности и внѣшними условіями ея жизни; такую гармонію можетъ хоть отчасти осуществить лишь тотъ строй, гдѣ первенствующую роль играетъ личность а не общество, гдѣ общество существуетъ для удобства личности, а не наоборотъ. Намъ кажется, что такимъ именно строемъ является анархистскій коммунизмъ, который мы только что вкратцѣ изложили. Болѣе детально о мѣстѣ личности въ обществѣ вообще мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Максимъ Дубинскій.

*) Я лично думаю, что въ этотъ періодъ болѣзненнаго перехода отъ государственно-капиталистическаго хозяйства къ системѣ коммунизма, революціонные профессіональные союзы (синдикаты) сыграютъ очень важную роль. Это будетъ ядро первыхъ производительныхъ группъ, наличность которыхъ, въ моментъ завершенія соціальнаго переворота, значительно облегчитъ задачу реорганизаціи производства. Конечно, далеко еще отъ современныхъ синдикатовъ до „ячеекъ будущаго общества"; но самъ процессъ революціи подготовитъ ихъ постепенно къ этой роли. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

М. Д.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ФАКТЫ и МЫСЛИ.

Положеніе рабочихъ вездѣ одно и то же. Вездѣ, въ силу существованія собственности и власти, они являются порабощеннымъ классомъ; вездѣ и повсюду, производя все, что нужно для жизни, ихъ трудъ-производство служитъ лишь интересамъ правителей и хозяевъ — буржуазному классу. Формы правленія, формы эксплуатаціи нисколько не уменьшаютъ ихъ рабскаго положенія и, вездѣ и повсюду, въ республикахъ, конституціяхъ, демократіяхъ, монархіяхъ, въ Европѣ, Америкѣ, Австраліи, — рабочій былъ и остается рабомъ. Вездѣ правитъ тотъ, кто владѣетъ землею, домами, пищей, всѣми средствами производства, передвиженія, обмѣна. Вездѣ правитъ тотъ, кто владѣя вещами, управляя ими, ставитъ въ необходимость всѣмъ прочимъ подчиниться ему, работать, трудиться, жить для него. Жизнь безъ „вещей" невозможна, и вездѣ и повсюду собственникъ, „администраторъ" вещей, работодатель, хо-

зяинъ является полнымъ господиномъ людей, ихъ энергіи, дѣятельности, ихъ жизни и смерти. Организація собственниковъ — Государство, вездѣ и повсюду имѣетъ лишь цѣлью гарантировать каждому хозяину его власть надъ рабочими, и борьба рабочихъ съ эксплуататорами, господами, является въ то же время борьбою съ Государствомъ. Борьбой безсознательной часто — да; но сама же борьба учитъ рабочихъ, что ихъ врагъ, непримиримый и лютый, есть Государство: организованная система наемнаго труда и основы ея — собственность, власть. Сама-же борьба учитъ ихъ, что всѣ учрежденія: армія, полиція, правительство, судъ, направлены противъ рабочаго класса. И кто-бы ни правилъ, въ чьихъ-бы рукахъ ни находилась власть, вездѣ и повсюду всякая власть дѣйствуетъ въ интересахъ правителей, собственниковъ, хозяевъ, господъ, — въ интересахъ самого Государства.

Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года 300 фабричныхъ рабочихъ французскаго города Нантъ объявили забастовку съ цѣлью повысить заработную плату. Портовые рабочіе, изъ солидарности къ фабричнымъ, тоже забастовали и потребовали также лучшей платы и, кромѣ того, болѣе короткаго рабочаго дня. Эта стачка, подобно многимъ другимъ, была мирною. Рабочія требованія нисколько не угрожали буржуазному обществу. Дѣло не шло объ уничтоженіи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, дѣло не шло объ уничтоженіи классовыхъ раздѣленій и государственно-экономическаго рабства. Рабочіе не отказывались быть наемнымъ товаромъ и трудиться для сытыхъ и богатыхъ паразитовъ-господъ. Нѣтъ, они соглашались быть рабами и требовали лишь большаго числа мѣдныхъ монетъ взамѣнъ своей свободы, гордости, человѣческаго достоинства. Требованія были скромны и средства „легальны“. Тѣмъ не менѣе радикально-соціалистическое правительство наполнило портъ республиканскими шпіонами, демократическими полицейскими и жандармами и на случай чего держало на готовѣ своихъ гражданъ-солдатъ. Полицейскіе и жандармы вели себя, какъ вездѣ и всегда, самымъ вызывающимъ образомъ. Хорошо вооруженные, доведенные, благодаря дисциплинѣ и казарменной жизни, до полнаго состоянія свирѣпыхъ звѣрей, — эти профессіональные убійцы нисколько не стѣснились съ рабочими, осмѣлившимися покинуть свои фабрики-тюрьмы и пріостановить производство безъ позволенія господъ. 16-го марта, послѣ одного собранія въ Биржѣ Труда, рабочіе, направляясь въ свои кварталы, наткнулись на шайку полицейскихъ, которые пытались преградить имъ дорогу. Рабочіе протестуютъ и нѣкоторые изъ нихъ толкаютъ кое-кого изъ этихъ защитниковъ „порядка и тишины“. Полицейскіе затѣваютъ драку, рабочіе защищаются. На помощь полиціи налетаютъ конные жандармы и врѣзываются въ толпу рабочихъ, рубя направо и налѣво. Рабочіе даютъ отпоръ, защищищаясь камнями и тому подобными „оружіями“; но сабли восторжествовали надъ камнями, „побѣда осталась за закономъ“, и въ этой стычкѣ одинъ рабочій былъ убитъ, 25 ранено, и многіе арестованы за сопротивленіе „общественной силѣ“.

16-го марта одинъ рабочій былъ убитъ! — и этотъ рабочій былъ первою жертвою, принесенною буржуазному классу правительствомъ радикала-соціалиста Клемансо, соціалиста-революціонера Бріана и соціалдемократа Вивіани, министра труда и соціальной предусмотрительности. Этотъ рабочій палъ первою жертвой предусмотрительнаго правительства, но не единственной, и новыя жертвы слѣдуютъ скоро.

∴

Вся южная Франція живетъ почти исключительно культурой виноградниковъ и производствомъ вина. Съ нѣкотораго времени, благодаря болѣе интенсивной культурѣ съ одной стороны, съ другой, благодаря развитію виннаго производства въ странахъ, которыя раньше покупали вина во Франціи, — крестьяне, многіе изъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ, не могли сбыть своихъ винъ, мало по малу разорились и сильно обнищали. Вина и винограду у нихъ много, а покупателей нѣтъ. Еслибы производство совершалось не для продажи, а для удовлетворенія потребностей всѣхъ и каждаго, избытокъ продуктовъ не былъ бы бѣдой. Есть много продуктовъ, — тѣмъ лучше: бери каждый, сколько хочешь. Виноградниковъ много, — можно часть ихъ оставить безъ обработки или, уничтоживъ ихъ, заняться какою-либо другою культурой. Но въ капиталистическомъ строѣ дѣла такъ не обстоятъ и, когда много продуктовъ, рабочіе, производящіе ихъ, голодаютъ, а громадныя массы тѣхъ, у кого нѣтъ денегъ, продолжаютъ, какъ и раньше, обходиться безъ „перепроизведенныхъ“ вещей. Благодаря собственности и власти, каждый человѣкъ, чтобы жить, долженъ продавать что-либо; и все современное общество представляетъ собою какое-то чудовищно-нелѣпое торговое заведеніе, гдѣ ведется постоянная распродажа всѣхъ и всего. Крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ, овощи, мясо, ученый свое знаніе, адвокатъ краснорѣчіе, рабочій свою силу, умѣнье; политикъ свое вліяніе, журналистъ перо; женщина красоту; врачъ свои рецепты, священникъ химеру загробнаго счастья; банкиръ металлическіе образы всевозможныхъ тирановъ. Въ современномъ обществѣ человѣкъ не живетъ потому, что жизнь сама по себѣ есть средство и цѣль; человѣкъ не производитъ потому, что „производство“ есть лишь избытокъ жизненной энергіи, выливающейся въ творческую обработку вещей; человѣкъ не трудится потому, что трудъ есть потребность его мышцъ, нервовъ, мозга — онъ живетъ, производитъ и трудится для продажи, взаимнаго обмана, грабежа. Продавай или гибни, найди покупщика или смерть, таковъ военный кличъ современной цивилизаціи. И въ то время, какъ магазины полны пищи, одежды, когда матеріаловъ достаточно, чтобы построить для всѣхъ на мѣсто избъ и трущобъ дворцы и дома.; когда трудъ можетъ стать удовольствіемъ и забавой, — громадныя массы людей чахнутъ, вырождаются, страдаютъ и гибнутъ во имя барышей маленькой кучки администраторовъ производства и потребленія — буржуазнаго класса.

Благодаря такому „порядку“ вещей около 500,000 крестьянъ, не находя „рыночнаго“ сбыта своихъ продуктовъ, были поставлены въ безвыходное положеніе. И, такъ какъ впродолженіе долгихъ лѣтъ школьные учителя, журналисты, чиновники, депутаты, министры, либералы, реакціонеры, соціальдемократы, на разный ладъ, при всякомъ случаѣ съ дѣтства до старости имъ твердили, говорили, писали, проповѣдовали, пѣли, кричали, что безъ правительства жизнь невозможна, что все исходитъ изъ него и что только государственная власть можетъ водворить на землѣ царство разума и счастья, — крестьяне обратились къ правительству и потребовали отъ него помощи и мѣръ противъ обнищанія южныхъ провинцій.

Но, зная уже по опыту, что правительство вообще тяжело на подъемъ, крестьяне заявили, что, если къ 10-му іюня не будутъ изданы покровительствующіе имъ законы, они перестанутъ платить налоги и дезорганизуютъ всю мѣстную административную жизнь. И это заявленіе не было лишь простою угрозой. Уже раньше, когда радикально-соціалистическое правительство посылало своихъ чиновниковъ, чтобы продать съ торгу „имущество“ обнищавшихъ крестьянъ, не платившихъ податей, нѣкоторыя деревни выходили съ вилами навстрѣчу этимъ государственнымъ піявкамъ, а въ другихъ деревняхъ никто не являлся на распродажу неплательщика республиканскихъ даней-налоговъ.

Парламентъ принялся за „работу“. Что могъ онъ сдѣлать? Ничего другого, какъ издать какіе-либо законы. И парламентъ издалъ законы противъ безчисленныхъ фабрикантовъ искусственнаго вина... Законы противъ фальсификаціи продуктовъ существовали уже давно. Они, конечно, не примѣнялись, такъ какъ уничтожить фальсификацію, — это уничтожить все буржуазное общество, основанное на воровствѣ, обманѣ, мошенничествѣ и медленномъ отравленіи трудящихся массъ. Все, что живетъ эксплуатаціей рабочихъ, всѣ депутаты, законодатели, всѣ судьи, прокуроры, чиновники, въ силу своего привиллегированнаго положенія, не могли стремиться къ уничтоженію своего же класса, и законы о фальсификаціи оставались мертвою буквой.

Изданные новые законы не удовлетворили крестьянъ и, вѣрные своему обѣщанію, они объявили забастовку — отказъ отъ уплаты налоговъ — и заставили городскія и общинныя управленія (муниципалитеты) подать въ отставку. Административная жизнь была прекращена, но жизнь человѣческая, общественная жизнь, продолжала итти своимъ порядкомъ. Новыя семьи образовывались безъ предварительнаго заявленія административному чиновнику; женщины рожали и, хотя дѣти не были вписаны въ государственныя книги, имъ не было недостатка ни въ любви, ни въ заботахъ; давались и сдерживались различныя обѣщанія безъ вмѣшательства какихъ-либо бюрократовъ; люди дружились, выполняли совмѣстно поставленныя цѣли; ссорились, мирились, не прибѣгая къ „услугамъ“ государственныхъ чиновниковъ и т. д. Налоговъ не платили, никакихъ сношеній съ правительствомъ не хотѣли имѣть. Отсутствіе правительственной и административной опеки не повлекло за собой никакихъ ужасныхъ, невѣроятныхъ, невиданныхъ и неслыханныхъ катастрофъ. Такого рода „анархія“, продолжаясь, могла бы принять опасный для государства характеръ. Крестьяне, привыкая обходиться безъ правительственной администраціи, могли бы рѣшиться заняться сами своими собственными дѣлами, могли бы прійти къ сознанію необходимости автономной коммуны и, выступая, наконецъ, на революціонный путь, повлечь за собою рабочія массы другихъ городовъ и провинцій. Революціи всегда начинались крестьянскими волненіями, и радикально-соціалистическое правительство французской республики рѣшило положить конецъ этому опасному эксперименту.

Во главѣ крестьянскаго движенія стоялъ одинъ комитетъ и, хотя онъ, какъ и всѣ подобные комитеты, служилъ лишь тормазомъ для народнаго движенія, правительство отдало приказъ своимъ прокурорамъ арестовать комитетчиковъ. Этотъ приказъ вызвалъ сильное броженіе среди всего населенія, и въ г. Нарбоннѣ рабочіе и крестьяне приступили уже къ самостоятельной организаціи защиты, начали строить баррикады и укрѣплять городъ, и успѣли убѣдить часть войска перейти на сторону народа. Событія принимали

болѣе революціонный характеръ. Комитетъ вмѣшался и всю свою энергію употребилъ на то, чтобы заставить солдатъ возвратиться въ казармы и помѣшать крестьянамъ организовать вооруженное сопротивленіе.

Комитетъ былъ арестованъ, войска смѣщены, но движеніе продолжалось. 19-го іюня крестьяне окрестностей Нарбонны пришли въ городъ съ цѣлью потребовать у представителя республиканскаго правительства освобожденія арестованныхъ. Они являются къ дому, гдѣ онъ живетъ; звонятъ, стучатъ, — никто не отвѣчаетъ. Все тихо въ домѣ и вокругъ... Крестьяне пытаются выломать дверь, но вдругъ она широко раскрывается и стоящіе за ней жандармы открываютъ огонь по безоружной толпѣ. Въ то же время прискакавшіе гусары и конные жандармы... Крестьяне разбѣгаются... Гражданскіе солдаты преслѣдуютъ ихъ, стрѣляя, куда попало: въ людей, дома, лавки, кофейни. Одинъ рабочій былъ убитъ, масса раненыхъ.

На другой день, 20 іюня толпа избила нѣсколько шпіоновъ и одного бросила въ воду. Наконецъ „добрые“ люди, которые ... въ ратушу ... думу. Около 200 человѣкъ съ ... За нѣсколько десятковъ шаговъ до ратуши неожиданно раздается залпъ. Толпа останавливается. Спрятанные въ ратушѣ солдаты стрѣляютъ вновь. Четыре манифестанта падаютъ жертвами, 12 раненыхъ. Безоружные рабочіе и крестьяне разбѣгаются, жандармы преслѣдуютъ ихъ и ... Депутатъ Альдй говорилъ, напр., въ парламентѣ: „Одинъ рабочій съ разбитою пулями ногою лежитъ на землѣ. Къ нему подходитъ жандармъ: Вставай! — Не могу, у меня нога перебита. — Ну, вставай! — Да не могу же, эта нога съ вашей стороны обращается такъ. — А, это нога! — кричитъ жандармъ и, стрѣляя въ упоръ, всаживаетъ раненому рабочему пулю въ животъ.“

Въ Монпелье, Перпиньянѣ и другихъ городахъ демократическая полиція и армія свирѣпствовали тоже и тѣми же средствами поддерживали „правовой порядокъ“. Были ли тамъ убитые или нѣтъ, неизвѣстно, такъ какъ правительство, имѣя въ своихъ рукахъ почту и телеграфъ, перехватывало телеграммы и не давало газетамъ возможности опубликовать геройскіе подвиги своихъ жандармовъ и солдатъ.

Но такого рода рѣшеніе соціальнаго вопроса еще менѣе удовлетворило разоренныхъ крестьянъ, и, чтобы подавить всякую попытку революціоннаго возстанія, правительство наводнило войсками всѣ центры крестьянскаго движенія.

„Организованные“ рабочіе слѣдили „съ симпатіей“ за этимъ движеніемъ. Всеобщая Конфедерація Труда, занятая организаціей рабочихъ въ „массы“, не воспользовалась крестьянскимъ волненіемъ, не агитировала за идею немедленной всеобщей забастовки. Анархисты, занятые въ синдикатахъ, не употребили всѣхъ своихъ усилій, чтобы поднять рабочихъ большихъ городовъ. Моментъ дѣйствія былъ упущенъ и, когда анархисты и рабочіе поняли всю важность крестьянскаго движенія, было уже слишкомъ поздно. Правительство въ выполненіи своихъ замысловъ не встрѣтило никакихъ препятствій: движеніе войскъ не было затруднено, войска не были заняты, и въ Нарбоннѣ, напр., правительство могло выставить противъ каждаго взрослаго жителя двухъ вооруженныхъ солдатъ.

Крестьянское движеніе притихло, но не умерло. 19-го іюня правительство радикала-соціалиста Клемансо, соціалиста-революціонера Бріана и соціалъ-демократа Вивіани пролило вновь рабочую кровь. Пали новыя жертвы; но другія еще должны были пасть.

∴

Въ Раонъ-Лэтапѣ, городкѣ восточной Франціи, рабочіе одной фабрики сорганизовались въ синдикатъ. Подобно многимъ другимъ, онъ ставитъ своею отдаленною цѣлью уничтоженіе наемнаго труда, но, въ ожиданіи этого, старается приспособиться къ существующему порядку вещей. Уменьшеніе рабочаго дня, увеличеніе платы, регулированіе производства ... — таковы немедленныя „синдикальныя“ задачи, поглощающія всецѣло всю дѣятельность болѣе энергичныхъ рабочихъ. Эти задачи отодвигаютъ „отдаленную цѣль“ и въ погонѣ за улучшеніями года проходятъ за годами, пожилые рабочіе вымираютъ, молодые замѣняютъ ихъ, ведутъ ту же борьбу и, въ ожиданіи революціи, приспособляются къ капиталистическому строю. Синдикатъ, какъ организація профессіональныхъ рабочихъ, въ силу своей узко-корпоративной борьбы, не способенъ уничтожить классовыхъ раздѣленій. Англійскіе, американскіе, австралійскіе союзы, ведущіе борьбу противъ японскихъ, китайскихъ, „черномазыхъ“ рабочихъ; уже части французскихъ, ставшихъ консервативными подъ вліяніемъ завоеванныхъ улучшеній; многіе изъ швейцарскихъ, борющіеся совмѣстно съ хозяевами противъ другихъ же рабочихъ, подтверждаютъ эту идею.

Всякій синдикатъ, каковъ бы ни былъ его отдаленный идеалъ, является лишь организаціей профессіональныхъ рабочихъ для борьбы за немедленныя „конкретныя“ улучшенія. „И по мѣрѣ того, какъ рабочіе — каждый въ своей отрасли — добиваются улучшеній, они стремятся сохранить эти улучшенія, даже борясь противъ своихъ же менѣе привилегированныхъ товарищей, и мало по малу они преобразовываются въ своего рода рабочую мелкую буржуазію, въ особое сословіе, стоящее между настоящимъ пролетаріемъ и капиталистами“. (Корнелиссенъ. Reveil. 10 авг.) И тѣмъ не менѣе, синдикальная дѣятельность не пропадаетъ безплодно для рабочаго класса. Она на практикѣ, на опытахъ подтверждаетъ, что улучшенія въ положеніи однихъ рабочихъ оплачиваются рабствомъ массы другихъ; она показываетъ необходимость немедленнаго, постояннаго, сознательнаго разрушенія всего современнаго строя; она показываетъ необходимость объединенія рабочихъ не на почвѣ интересовъ и пожеланій, но на почвѣ революціонной немедленной борьбы. Такихъ синдикатовъ нѣтъ и, хотя синдикатъ г. Раонъ-Лэтапъ не угрожалъ привилегированному положенію хозяина, этотъ послѣдній рѣшилъ уничтожить его.

Расчетъ секретаря синдиката былъ первымъ къ этому шагомъ. Этотъ фактъ вызвалъ сильное неудовольствіе среди рабочихъ, и они прекратили работу, требуя возвращенія разсчитаннаго товарища, 10-тичасового дня и увеличенія платы. Ихъ требованія были отвергнуты. Представитель радик.-соціалистическаго правительства былъ, конечно, на сторонѣ хозяевъ и, не скрывая своихъ симпатій, заявилъ делегату Конференціи Труда: „Вы проповѣдуете соціальную войну, вы хотите разорить хозяина. Вамъ это не удастся, и законъ восторжествуетъ, даже если для этого необходимо будетъ прибѣгнуть къ насилію“. (Voix du Peuple, 4 авг.)

Несмотря на угрозу, стачка продолжалась. 15 дней послѣ ея начала, 28-го іюля, рабочіе, по окончаніи одного митинга, состоявшагося за городомъ, возвращались домой. Шли они рядами, пѣли „Интернаціоналъ“ и впереди одна работница несла красное знамя. Входятъ въ городъ. Едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ изъ одного переулка наскакиваютъ на нихъ приставъ и жандармскій офицеръ и хотятъ вырвать у работницы красное знамя. Она сопротивляется, ея товарищи защищаютъ ее. Жандармъ угрожаетъ револьверомъ. Въ это время прибѣгаютъ другіе жандармы, бросаются на рабочихъ, раздается выстрѣлъ и одинъ стачечникъ падаетъ жертвой. На выстрѣлъ налетаютъ вскачь со всѣхъ сторонъ солдаты съ обнаженными шашками. Чтобы не быть изрубленными, безоружные рабочіе, защищаясь чѣмъ попало, немедленно воздвигаютъ баррикаду. Въ продолженіе часа мужчины и женщины оказываютъ сопротивленіе и не отступаютъ ни на шагъ. Солдаты и жандармы стрѣляютъ. Подъ градомъ пуль рабочіе вырываютъ камни мостовой, защищаются ими и предпочитаютъ скорѣе умереть, чѣмъ уступить демократическимъ убійцамъ.

Побѣда осталась за рабочими; но когда солдаты ускакали назадъ, двое рабочихъ и одинъ ребенокъ четырехъ лѣтъ были убиты, 7 стачечниковъ были смертельно ранены и 27 ранены опасно.

Нѣсколько дней спустя, хозяинъ уступилъ по всѣмъ пунктамъ, но правительственная угроза была выполнена.

28-го іюля правительство радик.-соціалиста Клемансо, соц.-революціонера Бріана и соц.-демократа Вивіани, защищая интересы хозяевъ, пролило вновь рабочую кровь. Пали новыя жертвы. Правительство и армія выполнили свою естественную роль защитниковъ государственно-экономическаго рабства, но другія „учрежденія“ не оставались безъ „дѣла“.

∴

И въ то время, какъ полицейскіе, жандармы, солдаты избивали, ранили, убивали рабочихъ и крестьянъ, неудовлетворенныхъ прелестями „правового порядка“, судьи, прокуроры, тюремщики и шпіоны съ своей стороны поддерживали шатающіяся основы буржуазнаго строя. Республиканскія тюрьмы съ ихъ гордою надписью „Свобода, Равенство и Братство“ мало по малу наполнялись рабочими, синдикалистами, анархистами и даже безобидными соціалъ-демократами. Во время крестьянскаго движенія, когда часть солдатъ отказалась стрѣлять въ своихъ же братьевъ-крестьянъ, одна соц.-дем. газета («Le Semeur») писала: „Мы выражаемъ свою симпатію несчастнымъ жертвамъ гнуснаго капитализма. Проклятіе Клемансо и его помощникамъ! Привѣтъ возставшимъ солдатамъ! Мы говоримъ имъ: вы поняли насъ и, какъ говорилъ Бріанъ прежнихъ временъ, ваши ружья не будутъ стрѣлять въ ту сторону, въ которую указываютъ убійцы народа. Пусть этому примѣру слѣдуютъ всякій разъ, когда армія посылается противъ рабочихъ“. Судьи увидѣли въ этихъ словахъ призывъ къ „убійству и неповиновенію“, и редакторъ былъ осужденъ на три мѣсяца тюрьмы.

Высказывать одобреніе солдатамъ, понявшимъ всю подлость и гнусность своей роли, считается преступленіемъ и за эту „вину“ газеты «Guerre Sociale», «Tribune Socialiste», и «Droit du Peuple» были отданы подъ судъ. Пропаганда противъ государства, арміи, отечества, преслѣдуется безпощадно. Анархистъ Ивто,

секретарь одного синдиката, осужденъ за эту пропаганду на 4 года тюрьмы и его товарищъ Маркъ на одинъ годъ. И когда ліонская группа анархистовъ „Лига для защиты свободы мысли“ хотѣла устроить митинги протеста против осужденія Марка и Нито, ни одинъ хозяинъ не осмѣлился сдать имъ зала, ни одинъ типографъ напечатать ихъ афишъ. За выпускъ антимилитаристской прокламаціи Бешманъ осужденъ на два года тюрьмы. Кладіонъ и Фдавье за расклеиваніе антимилитаристской прокламаціи арестованы и отданы подъ судъ. Арестованы также Дюма и Дешюмо за призывы къ сопротивленію полиціи. Лорюло осужденъ на годъ тюрьмы и Купей на 4 мѣсяца за анарх. рефератъ.; Тортонъ на полтора года за пропаганду антигосударственныхъ идей. За продажу „легальныхъ“ анархистическихъ брошюръ Берте и его жена арестованы въ ожиданіи суда. Синдикалистъ, анархистъ-индивидуалистъ Жанвіонъ преслѣдуется судомъ за оскорбительныя выраженія по поводу членовъ рад.-соц. правительства. Леви и Бускэ, секретари синдикатовъ, осуждены по ложному доносу шпіоновъ на два года тюрьмы за пропаганду саботажа на частномъ собраніи. Ихъ „преступленіе“ не было доказано, но они были осуждены, какъ „какъ, — какъ говорилъ одинъ присяжный, — „намъ уже надоѣло то, что насъ бойкотируютъ, саботируютъ, угрожаютъ экспропріаціей и называютъ ворами и кровопійцами“. Въ Сенъ-Клодѣ рабочій Бодри осужденъ на семь лѣтъ тюрьмы и Клеркъ на пять лѣтъ по подозрѣнію въ томъ, что они бросили безвредную петарду въ погребъ одного буржуа, гдѣ нѣсколько бутылокъ вина были перебиты. Рабочій Лошъ, назвавшій одного полицейскаго шпіономъ, былъ арестованъ и „привлеченъ къ отвѣтственности“ за оскорбленія полиціи. Во время забастовки портовыхъ рабочихъ въ Нантѣ, рабочій Кюкъ поплатился годомъ тюрьмы за то, что далъ пощечину одному „желтому“, продолжавшему работать. За то же „преступленіе“ многихъ другихъ осудили отъ 6 до одного мѣсяца тюремнаго заключенія.

Послѣ избіенія рабочихъ въ Раонѣ судъ открылъ слѣдствіе, чтобы найти „подстрекателей“, „зачинщиковъ“ забастовки. Въ Нанси рабочіе Дюбуа и Антъ осуждены за недоброжелательную критику подвиговъ рад.-соц. правительства. Въ Ліонѣ, Парижѣ и всѣхъ большихъ городахъ антимилитаристы арестовываются десятками и отдаются подъ судъ. Чтобы протестовать противъ избіенія крестьянъ въ Нарбоннѣ, конфедерація труда устроила 13-го іюля митинги во всей Франціи. Несмотря на то, что полиція перехватывала на почтѣ синдикалистскую газету «Voix du Peuple», гдѣ была напечатана прокламація къ рабочимъ, митинги состоялись почти повсюду. Но въ Парижѣ и другихъ городахъ полицейскій чиновникъ сидѣлъ у бюро; въ Монпелье 10,000 солдатъ стояли подъ оружіемъ, готовые по первому приказу разогнать собравшихся рабочихъ. Въ Гаврѣ рабочимъ не хотѣли сдавать зала изъ боязни полицейскихъ репрессій. Въ Брестѣ городской голова, соціальдемократъ Обертъ, запретилъ собраніе и наполнилъ Биржу Труда вооруженными солдатами. Рабочіе собрались за городомъ, но были разогнаны соціалистической полиціей. Въ Ленсѣ, по распоряженію городского головы, соціальдемократа Басли, полиція срывала рабочія афиши. То же въ Ліонѣ, гдѣ митингъ былъ запрещенъ.

14-го іюля, въ день празднованія взятія Бастиліи, всѣ тѣ, кто кричалъ: „да здравствуетъ 17-й!“ (17-й полкъ, перешедшій на сторону крестьянъ), были арестованы, избиты и осуждены „за призывы къ убійству и неповиновенію“. За критику правительства въ прокламаціи „Правительство убійцъ“ весь комитетъ (77 человѣкъ) Конфедераціи Труда отданъ подъ судъ и нѣтъ того дня, чтобы не арестовывались рабочіе, осмѣливающіеся пользоваться „законными свободами“ и высказывать мнѣнія, противоположныя теперешнимъ мнѣніямъ рад.-соц. правительства.

Но платоническіе протесты не ведутъ ни къ чему и „группа пропаганды революціоннаго дѣйствія“ распространяетъ по рукамъ прокламацію, гдѣ говорится: „Въ отвѣтъ на эти преступленія должны-ли мы ограничиться порицаніями и протестами противъ правительства убійцъ? Это ни къ чему не поведетъ. Министры, когда они засаживаютъ въ республиканскія тюрьмы нашихъ друзей, выполняютъ лишь свою роль; полиція, когда она избиваетъ и убиваетъ, выполняетъ лишь свою функцію. Защищаться намъ нужно самимъ! Отвѣтимъ на насиліе насиліемъ; противъ силы нужна сила-же! Рабочій классъ не долженъ надѣяться на благодушіе правительствъ; онъ не долженъ надѣяться ни на кого, кромѣ самого себя. Рабочіе, никакой жалости къ полиціи! Этихъ собакъ недостаточно будетъ для защиты буржуазныхъ привилегій когда вы возстанете съ оружіемъ въ рукахъ“. Группа, выпустившихъ эту необходимую прокламацію, была немедленно арестована и посажена въ тюрьму *).

Но судъ, аресты, обыски, убійства и избіенія рабочихъ еще не удовлетворяютъ рад.-соц. правительства и, съ цѣлью загрязнить анархистовъ въ глазахъ „честной“ публики, съ цѣлью создать, пользуясь предразсудками многихъ рабочихъ, „моральныя препятствія“ для пропаганды революціонныхъ идей, полиція не останавливается ни передъ какими средствами. Въ редакцію анархистическаго журнала «Libertaire» является разъ съ сундучкомъ въ рукахъ одинъ молодой человѣкъ, одѣтый, какъ рабочій. Обращаясь къ Мата, редактору журнала, этотъ „рабочій“ говоритъ: „Товарищъ, не могу-ли я оставить у васъ мои инструменты до завтрашняго дня? Я ищу работы и мнѣ неудобно ходить съ ними.“ — „Съ удовольствіемъ“, — отвѣчаетъ Мата, и, взявши сундучокъ, онъ ставитъ его въ уголъ комнаты, гдѣ лежали кипы старыхъ журналовъ. „Рабочій“ ушелъ и съ тѣхъ поръ никто его не видѣлъ. Но, нѣсколько времени спустя, ни съ того, ни съ сего, явилась полиція съ обыскомъ и немедленно заинтересовалась сундучкомъ. Его открыли и нашли тамъ фальшивыя монеты. Мата былъ арестованъ и преданъ суду за фабрикацію и распространеніе фальшивыхъ монетъ. Такого же, приблизительно, рода исторія произошла съ Арманомъ, редакторомъ «Ere Nouvelle» и «Anarchie». Обвиненіе ложно, но оно позволяетъ правительству засадить „легально“, законнымъ, правовымъ порядкомъ, кое-кого изъ анархистовъ въ тюрьму и сослать ихъ на каторгу. Это обвиненіе ложно, но оно даетъ поводъ буржуазнымъ газетамъ грязнить анархическія идеи и клеветать на нихъ; оно зарождаетъ недовѣріе ко всѣмъ тѣмъ, кто, понявъ всю ложь политическихъ „свободъ“ и легальныхъ средствъ борьбы, старается разбудить въ рабочихъ революціонную энергію, вѣру въ самостоятельность, сознаніе человѣческаго достоинства и гордость возставшаго человѣка. Но сама жизнь заставляетъ рабочихъ принять анархистическія идеи, и буржуазія, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, продолжаетъ арестовывать, осуждать и наполнять рабочими республиканскія тюрьмы-бастиліи.

„Никогда еще мы не переносили такого безумнаго своевластія“ — пишетъ синдикальная газета «Voix du Peuple». „Пусть каждый наведетъ справки у стариковъ, переживщихъ тѣ режимы, гдѣ реакція, казалось, была доведена до крайности и они, сравнивая, увидятъ, что теперешняя реакція превосходитъ все, что было видано раньше“.

Реакція продолжается, и правительство рад.-соц. Клемансо, соц.-рев. Бріана соц.-дем. Вивіани продолжаетъ всѣми средствами искоренять „вольнодумство“ и „дисциплинировать рабочій классъ“, сообразно программѣ предусмотрительнаго министра труда.

∴

7-го мая этого года Альбертъ Пуленъ, объединенный соціалистъ и депутатъ, критикуя правительственную политику, говорилъ въ парламентѣ слѣдующее: „... Правительство не только не продолжаетъ политику соглашеній и реформъ, но, напротивъ, старается углубить пропасть между партіями, между правительствомъ и рабочимъ классомъ. Не нужно думать, г. президентъ, что, отдавая подъ судъ трехъ или четырехъ секретарей синдикатовъ и держа ихъ въ тюрьмѣ, вы пріостановите синдикальное движеніе. Напротивъ, вы этимъ увеличиваете еще болѣе нетерпѣніе рабочихъ и вы способствуете пропагандѣ теоретиковъ насилія. Да, вы сами даете имъ оружіе (аплодисменты на крайней лѣвой). Вся ваша политика направлена противъ партіи соціалистовъ. Я, конечно, не скажу, что вы стали сообщникомъ нѣкоторыхъ анархистовъ и пропагандистовъ саботажа; но, вѣдь, существуетъ здѣсь партія, которая доказала, что она ожидаетъ реформъ, прогресса, движенія впередъ, благодаря ежедневной борьбѣ идей. Эта партія, не занимаясь личностями, пропагандируетъ свои идеи. И что же? Противъ нея выступаютъ люди и говорятъ: вы, соціалисты-парламентаристы, вы — реакціонеры; посмотрите на Бріана, Вивіани, Клемансо! И на народныхъ собраніяхъ они цитируютъ не только отрывки статей, но даже цѣлыя статьи, написанныя названными личностями. И тогда тѣ, противъ кого вы боретесь, тѣ, кого вы называете агентами анархіи и саботажа, обращаются къ рабочимъ и говорятъ: посмотрите-ка на соціалистовъ-парламентаристовъ; вѣдь они реакціонеры, и доказательство этому то, что, какъ только одинъ изъ нихъ становится у власти, онъ мѣняется и дѣлаетъ противоположное тому, что онъ нѣкогда писалъ. О, въ аргументахъ у нихъ недостатка нѣтъ; и я васъ увѣряю, что положеніе затруднительно, когда приходится отвѣчать на подобныя теоріи. Мы прочіе, мы можемъ еще отвѣтить на это, беря одинъ фактъ за другимъ и въ крайнемъ случаѣ показывая, что, если одинъ человѣкъ слабѣетъ, изъ этого не слѣдуетъ, что вся партія испорчена. Но рабочіе, слушая эти теоріи, подтвержденныя аргументами такого рода, уставъ ожидать напрасно такъ давно обѣщанныхъ реформъ, рабочіе говорятъ: эти-то, быть можетъ, правы.“ (Journal officiel de la R. F. 8 мая 07.)

Итакъ, опытъ парламентаризма, опытъ соціалистическихъ правительствъ заставляетъ рабочихъ признать всю несостоятельность легальныхъ средствъ, „политическихъ свободъ“, избирательнаго права — даже тогда, когда дѣло идетъ о частичныхъ улучшеніяхъ

*) Въ числѣ товарищей, подписавшихъ эту прокламацію имѣются трое молодыхъ рабочихъ 16-ти лѣтъ. По послѣднимъ газетнымъ сообщеніямъ судъ уже состоялся. Присяжные засѣдатели оправдали всѣхъ трехъ, принявъ во вниманія ихъ несовершеннолѣтіе, но... ихъ помѣстили въ исправительное заведеніе!..

въ положенія рабочаго класса. Избіенія въ Нантѣ, Нарбоннѣ, Раонѣ, безпрерывные аресты и осужденія подтверждаютъ еще разъ справедливость анархическихъ идей и указываютъ на всю утопичность безумной погони за „хорошимъ“ правительствомъ, на всю наивность вѣры въ возможную благотворную дѣятельность власти. Хорошаго правительства — нѣтъ; власть не можетъ служить интересамъ крестьянъ и рабочихъ; законныхъ гарантій, легальныхъ свободъ не существуетъ для трудящихся массъ! Правительство Клемансо, Бріана, Вивіани „даетъ оружіе анархистамъ“ — говоритъ с.-д. Пуленъ. Да, но это оружіе давали всѣ правительства съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ собственность, наемный трудъ и связанная съ ними необходимость правительствъ. Долгій историческій опытъ всевозможныхъ правительственныхъ формъ, длинныя тысячныя вереницы разновидныхъ правителей достаточно доказали, что причина рабства, эксплуатаціи, грабежа рабочихъ и крестьянъ не заключается въ томъ, что существуетъ монархія на мѣсто республики, что одна партія господствуетъ на мѣсто другой, что такое-то лицо управляетъ на мѣсто другого, — но въ томъ, что существуютъ монархіи, республики, политическія партіи, стремящіяся всѣ играть первенствующую роль въ государствѣ, что существуетъ государство, это могучее политико-экономическое орудіе порабощенія трудящихся массъ, что существуетъ, словомъ, власть. И по мѣрѣ того, какъ „захватъ власти“ соц.-демократами доказываетъ лишь растлѣвающее вліяніе власти на „захватившихъ“ ее, французскіе рабочіе, слушая анархистовъ, говорятъ: да, эти-то правы; необходима революція и насильственное разрушеніе всего государственнаго строя.

*

Уже въ 67—70 годахъ многіе изъ рабочихъ Бельгіи, Италіи, Франціи и Швейцаріи ясно сознавали, что уничтоженіе рабства, эксплуатаціи, наемнаго труда и классовыхъ раздѣленій невозможно безъ революціоннаго разрушенія всего буржуазнаго строя. Уже тогда рабочіе смотрѣли на парламентаризмъ, какъ на средство, способное продолжить господство буржуазіи, и они видѣли въ немъ большую опасность для соціализма. „Со дня, когда рабочій классъ займется парламентаризмомъ, онъ втянется въ механизмъ такъ называемой прогрессивной политики, которая состоитъ лишь въ томъ, чтобы продолжить существованіе стараго общества и его партій, заставляя ихъ ввести нѣкоторыя реформы тамъ, гдѣ необходимо только разрушеніе. Дѣло идетъ о созданіи новаго строя, а не объ улучшеніи стараго, въ особенности тогда, когда онъ начинаетъ уже разлагаться... Соціалисты не принимаютъ на себя никакой роли, никакой функціи въ правительствѣ, основанномъ на эксплуатаціи“ — писала въ 69 году бельгійская рабочая газета «Liberté».

Надѣяться, что, благодаря политическимъ „свободамъ“, возможно будетъ уничтожить мало по малу привилегіи и водворить соціалистическій строй, надѣяться, что благодаря парламентаризму, возможно будетъ избѣжать революціи, казалось рабочимъ Юрской Федераціи какою-то наивно дѣтской утопіей. Отвѣчая на аргументы нѣмецкихъ соц.-демократовъ и теоретика государственнаго капитализма (коллективизма), К. Маркса, внесшаго въ Интернаціоналъ идею „захвата власти“ и политической борьбы, рабочая швейцарская газета „Solidarité“, говорила 30 апр. 70 г.: „Допустимъ даже, что буржуазія позволитъ рабочему классу наполнить Парламентъ и Сенатъ рабочими депутатами; допустимъ, что эти депутаты останутся вѣрными соціализму, но тогда, если вы такъ многочисленны и сильны, чтобы сдѣлать это, къ чему же сохранять эти правительственныя формы, созданныя буржуазіей? Уничтожьте правительство, которое не имѣетъ смысла въ соціалистическомъ обществѣ и дѣлайте революцію. Но вы хотите избѣжать ея? — Хорошо. „Допустимъ, что правительство въ вашихъ рукахъ, и что одинъ изъ васъ будетъ военнымъ министромъ. Что долженъ онъ дѣлать? Сохранить существующій порядокъ вещей, реформируя его только то здѣсь, то тамъ? Нѣтъ, это программа буржуазнаго либерализма. Соціалистъ долженъ отмѣнить армію вполнѣ, — а это революція. Одинъ изъ васъ будетъ министромъ юстиціи и полиціи. Что онъ долженъ дѣлать? Обновить судебную процедуру, замѣнить однихъ судей другими, очистить полицію? Нѣтъ, это программа буржуазныхъ либеральныхъ партій. Соціалистъ долженъ отмѣнить все, что называлось до сихъ поръ Правосудіемъ, — а это революція. — Одинъ изъ васъ — министръ вѣроисповѣданій. Что долженъ онъ дѣлать? Отдѣлить церковь отъ государства, защищать общество отъ духовенства? — Нѣтъ, это буржуазная программа. Соціалистъ долженъ сказать: нѣтъ больше министра религій, нѣтъ больше общественныхъ культовъ — есть только свобода. А это революція. — Одинъ изъ васъ будетъ министромъ финансовъ; что долженъ онъ дѣлать? Уменьшить налоги, облегчить бюджетъ, погасить государственные долги? — Нѣтъ, это программа либеральныхъ партій. Соціалистъ долженъ уничтожить бюджетъ, отмѣнить налоги и оставить обществу полную свободу организоваться, какъ ему будетъ угодно. А это революція“.

Но больше того. Не только соціалистъ, входя въ буржуазныя учрежденія, не можетъ дѣлать ничего другого, какъ сотрудничать съ буржуазными партіями и сознательно или безсознательно способствовать продолженію государственно-экономическаго рабства, но еще въ силу вліянія среды, онъ не останется соціалистомъ, отброситъ свои убѣжденія и станетъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь либеральнымъ буржуемъ.

„Если есть фактъ неоспоримый и тысячу разъ подтвержденный опытомъ, такъ это тотъ, что власть портитъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ она находится. Абсолютно невозможно остаться моральнымъ человѣкомъ тому, кто господствуетъ надъ другими людьми“ — говорили рабочіе-делегаты Сонвильскаго конгресса въ своемъ циркулярѣ ко всѣмъ федераціямъ Интернаціонала. И годомъ раньше въ своей критикѣ „захвата власти“ «Solidarité» писала: „Эти рабочіе, ставши депутатами, останутся-ли вѣрными соціализму? Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что власть вскружитъ имъ голову, испортитъ ихъ, и, какъ только они займутъ это новое и чисто буржуазное положеніе, они отбросятъ свои старыя убѣжденія. Исторія насъ учитъ, что такъ было всегда“.

Такъ было всегда и такъ есть. Правительственная среда оказываетъ свое могучее растлѣвающее вліяніе на людей, живущихъ въ этой средѣ; и, каковъ бы ни былъ человѣкъ, каковы бы ни были его чувства и идеи, становясь правителемъ господиномъ, этотъ человѣкъ, подъ вліяніемъ власти, становится фатально защитникомъ буржуазныхъ привилегій, — врагомъ рабочихъ и крестьянъ. Такъ было всегда и современное французское правительство еще разъ подтверждаетъ справедливость этой идеи.

Соц.-рев. Бріанъ, соц.-дем. Вивіани, ставши правителями, разстрѣливаютъ сообща съ рад.-соц. Клемансо мирныхъ рабочихъ и крестьянъ и, дѣлая это, они слѣдуютъ лишь примѣру бывшаго министра-соціальдемократа Мильерана. Жоресъ и другіе объединенные соціалисты вотировали во время министерства Вальдека поруганіе своимъ же собственнымъ теоріямъ. Городской голова Марселя с.-д. Флесьеръ требовалъ въ 1900 году у правительства солдатъ для замѣны ими забастовавшихъ булочниковъ. Рабочій депутатъ с.-д. Руане одобрилъ въ 1904 г. избіеніе стачечниковъ въ Геньбонѣ и Армантьерѣ „такъ какъ тамъ непричастные къ забастовкѣ набросились на городъ Армантьеръ и, несмотря на запрещеніе городского головы и предупрежденія нашихъ друзей произвели безпорядки“ (Jornal Off. 14 мая 07 г.). Марксистъ Зеваэсъ, „народный представитель“, находитъ, что одинъ изъ солдатъ, посланныхъ для усмиренія рабочихъ въ Греноблѣ (1906), который былъ случайно тамъ убитъ „палъ на своемъ посту“. Соц.-демократическія идеи Оганьера не помѣшали ему стать деспотическимъ губернаторомъ Мадагаскара и революціонность марксиста Девилля ужилась хорошо съ должностью посланника въ Абиссиніи. „Объединенный“ соціалистъ Нэль, будучи городскимъ головой Лорьяна счелъ возможнымъ въ 1906 г. быть почетнымъ президентомъ конгресса федераціи полицейскихъ агентовъ. С.-д. Фрибуръ, членъ парижской думы нашелъ необходимымъ потребовать увеличенія жалованія служащимъ въ тайной полиціи и т. д. и т. д. Нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы соціалистъ, захватившій хотя бы маленькую часть „общественной власти“, не дѣйствовалъ бы въ интересахъ господствующаго класса. И эта эволюція различныхъ соціалистовъ, отбрасывающихъ свои мнѣнія по мѣрѣ того, какъ они приближаются къ власти, и разстрѣливающихъ „пролетаріевъ“, когда правительственная власть въ ихъ рукахъ, не является чѣмъ-то случайнымъ, непредвидѣннымъ. Она не является результатомъ „людской слабости“, плохого выбора, измѣны, — нѣтъ. Эта эволюція фатальна, неизбѣжна, такъ какъ ея причина заключается въ самомъ фактѣ правленія. Какая бы партія ни властвовала, она не можетъ дѣйствовать иначе, какъ того требуетъ сама функція власти. Какая бы партія ни господствовала, она должна править, господствовать; и править всегда означаетъ: запрещать, осуждать, наказывать, убивать и для этого нанимать полицейскихъ и судей, содержать чиновниковъ и солдатъ и для этого собирать налоги, грабить и эксплуатировать рабочія массы.

Какова бы ни была правительственная партія, она прежде всего должна обезпечить свое собственное существованіе и для этого бороться свойственными ей средствами противъ всѣхъ, кто возстаетъ противъ власти и эксплуатаціи, кто стремится къ свободной жизни безъ господъ и хозяевъ. Каковы бы ни были личности, стоящія у власти, ихъ правительственная дѣятельность не опредѣляется ихъ идеями, философскими взглядами или гуманными стремленіями, но совокупностью всѣхъ общественныхъ учрежденій, всѣми соціальными отношеніями, всею жизнью буржуазнаго строя.

Правительственная власть есть лишь одно изъ проявленій государственно-экономической власти и эта власть, создавая правителей, собственниковъ, эксплуататоровъ, господъ, опредѣляетъ тѣмъ самымъ ихъ идеи, чувства, стремленія. Буржуазныя идеи, буржуазные способы дѣйствія являются результатомъ буржуазной жизни. Вся эта жизнь основана на власти, на господствѣ и нѣтъ болѣе буржуазной среды, какъ такъ называемыя „правительственныя сферы“. И по мѣрѣ того, какъ соціалисты становятся депутатами,

чиновниками, законодателями, „государственными дѣятелями“,— по мѣрѣ того, какъ они входятъ въ „высшія сферы“ они мѣняются и становятся врагами рабочихъ и крестьянъ. Такъ какъ „трудно-ли понять, что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также и ихъ представленія, ихъ воззрѣнія, ихъ понятія, словомъ, все ихъ сознаніе“—повторяли Марксъ и Энгельсъ истину, извѣстную всѣмъ мыслителямъ задолго до появленія „Манифеста“. И по мѣрѣ того, какъ, въ погонѣ за захватомъ власти, соціалисты принимаютъ всѣ буржуазныя функціи, они становятся, въ силу этихъ же функцій, обыденными буржуа, не лучше и, быть можетъ, не хуже всѣхъ прочихъ. Избиратели, рабочіе и крестьяне, кричатъ объ измѣнѣ, выбираютъ другихъ; вновь кричатъ, выбираютъ еще, еще протестуютъ, не замѣчая того, что своими же выборами они поддерживаютъ капиталистическій строй и создаютъ лишь новыхъ и алчныхъ паразитовъ-буржуа. „Этотъ фактъ, обыкновенно, объясняютъ измѣной, — писалъ нѣкогда Бакунинъ, — но это ошибка. Главная причина этой, такъ называемой, измѣны заключается въ перемѣнѣ положенія и перспекивы. Не забудемъ, что положенія и вытекающія изъ нихъ необходимости болѣе могущественны, чѣмъ ненависть или добросовѣстность индивидовъ... И, если завтра все правительство будетъ наполнено рабочими, эти рабочіе, сегодняшніе сознательные соціальдемократы, станутъ послѣзавтра аристократами, болѣе или менѣе явными обожателями принципа власти, эксплуататорами и господами“.

И политика французскаго правительства съ его обожаніемъ принципа власти, съ его грознымъ заявленіемъ „необходимости дисциплины, порядка, и тишины“ (Бріанъ), съ его избіеніями и арестами рабочихъ во имя принципа власти еще разъ подтверждаютъ всю справедливость этихъ идей.

Все современное общество основано на власти и собственности. Все современное общество разбито на два враждебные лагеря, гдѣ одни правятъ другими, гдѣ одни грабятъ другихъ. Это общество не уничтожится тѣмъ, что такой-то сегодняшній рабъ станетъ завтра правителемъ; оно не исчезнетъ потому, что такой то рабочій станетъ хозяиномъ; оно не преобразуется потому, что такой-то политикъ-соціалистъ станетъ завтра государственнымъ мужемъ, фабрикантомъ законовъ: оно не будетъ соціалистическимъ потому, что хозяева, чиновники, правители объявятъ себя соціалистами, революціонерами, марксистами и будутъ именоваться „администраторами вещей“. Важны не личности, не ихъ идеи и чувства; важны учрежденія и соціальныя отношенія. Зло не въ томъ, что одни правятъ и грабятъ на мѣсто другихъ. Зло въ самомъ фактѣ правленія и грабежа, собственности и власти. И освобожденіе рабочихъ и крестьянъ не заключается въ той или иной формѣ правленія, въ той или другой политической партіи, въ той или другой системѣ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, но въ полномъ и окончательномъ разрушеніи всей современной государственно-экономической эксплуатаціи. Освобожденіе рабочихъ и крестьянъ невозможно безъ революціи т. е. безъ постояннаго, самостоятельнаго, безжалостнаго уничтоженія въ принципахъ и фактахъ всѣхъ формъ власти-господства во имя свободы и равенства, Коммунизма-Анархіи.

А. Н.

ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕССЪ Анархистовъ въ Амстердамѣ.

(отчетъ).

Послѣ раскола въ „Международномъ Обществѣ Рабочихъ“ и выхода изъ его состава „Юрской Федераціи“ и цѣлаго ряда рабочихъ организацій, преимущественно романскихъ странъ (Франціи, Испаніи, Италіи) анархисты созывали въ Швейцаріи нѣсколько конгрессовъ, на которыхъ обсуждались вопросы теоріи и практики анархическаго соціализма.

Такимъ образомъ жизнь, вырывъ глубокую пропасть между соціалистами-анархистами и, такъ называемыми, авторитарными соціалистами, разъ навсегда отмежевала ихъ другъ отъ друга.

Правда, впослѣдствіи они встрѣчались еще на международныхъ „соціалистическихъ“ когрессахъ — но это были уже послѣднія встрѣчи. Дѣло въ томъ, что соціальдемократія, вздумавъ монополизировать имя соціализма, созвала интернаціональный „соціалистическій — рабочій“ конгрессъ.

Анархисты также явились на него, *какъ соціалисты и представители рабочихъ организацій* — съ цѣлью пропаганды своихъ идей и заявленія протеста по поводу узурпаторской политики Соціалъ-Демократіи.

Здѣсь (на конгрессахъ 93 г. въ Цюрихѣ и 96 г. въ Лондонѣ) повторилось тоже, что и на знаменитомъ конгрессѣ „Интернаціонала“ въ Гаагѣ, гдѣ подвергли отлученію Михаила Бакунина и Джемса Гильома; на этихъ же конгрессахъ ихъ участи подверглись всѣ рабочія организаціи *отрицающія политическую борьбу*. А что такое, на языкѣ соціалдемократовъ, политическая борьба — какъ не парламентаризмъ, этотъ ядъ, которымъ буржуазные демократы въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ систематически отравляютъ западно-европейскій пролетаріатъ.

Итакъ, изгнавъ изъ своей среды рабочихъ анти-парламентаристовъ, (анархистовъ, свободныхъ соціалистовъ и синдикалистовъ) — международная соціалдемократія окончательно порвала со всѣми революціонными элементами рабочаго класса. Съ этого момента доступъ въ ея ряды опортюнизму и парламентскому реформизму былъ широко открытъ.

Въ концѣ концовъ на „соціалистическихъ“ конгрессахъ восторжествовали буржуазно-демократическіе элементы и, благодаря этому, подобные конгрессы окончательно утратили всякое значеніе для революціоннаго рабочаго движенія.

Еще въ 93 и 96 г. г. анархисты, совмѣстно съ революціонными соціалистами, которыхъ отталкивало доктринерство и деспотизмъ соціалдемократіи, устраивали, параллельно съ обще-соціалистическими конгрессами, свои собранія, на которыхъ обсуждались различные вопросы революціонной тактики (напр., анти-милитаризмъ и возстаніе, всеобщая стачка и др.), исключенные или извращенные соціалистами-государственниками. Такъ какъ анархистовъ не удовлетворили эти частичныя собранія — то нѣкоторые изъ нихъ взяли на себя инициативу подготовленія интернаціональнаго конгресса въ Парижѣ, пріурочивъ его ко дню международной выставки 1900 года. Но увы! этому конгрессу не удалось состояться: оказавшись не по нутру радикально соціалистическому министерству Вальдека Руссо-Мильерана, онъ былъ разогнанъ. Тогда пріѣхавшіе анархисты ограничились лишь рядомъ небольшихъ тайныхъ собраній, на которыхъ были прочитаны присланные доклады. Такова въ нѣсколькихъ словахъ исторія предшествовавшихъ конгрессовъ.

Прошли годы... за то время анархическое движеніе разрослось въ ширь и въ глубь, принявъ массовой характеръ. Мы не говоримъ уже объ Испаніи, Юж. Америкѣ, Франціи, Италіи, Голландіи, Романской Швейцаріи — гдѣ анархизмъ въ рабочемъ движеніи давно уже занимаетъ видное мѣсто, но даже такіе оплоты соціалъ-демократіи, какъ Австро-Венгрія и Германія, мало по малу охватываются анархической пропагандой.

Всюду, растворяясь въ рабочихъ массахъ, анархизмъ прививаетъ имъ бунтовской духъ и самодѣятельность; всюду организуются рабочія группы и союзы, ставящіе себѣ цѣлью *полное разрушеніе государства* и *насильственную экспропріацію* всѣхъ орудій и продуктовъ производства.

Вполнѣ понятно, что съ измѣненіемъ идей, вдохновлявшихъ рабочій народъ въ его борьбѣ съ вѣковыми притѣснителями — измѣняются и самые *методы воздѣйствія;* такъ пассивное сопротивленіе, въ видѣ выступленій со скрещенными на груди руками, и участіе въ избирательной борьбѣ, во имя парламентаризма, мало по малу отходитъ на задній планъ. Все чаще и чаще пролетаріатъ селъ и городовъ, прибѣгаетъ къ бурнымъ всеобщимъ стачкамъ, охватывающимъ цѣлыя отрасли производства и сопровождающимися примѣненіемъ action directe (прямого воздѣйствія) въ формѣ бойкота, саботажа, экономическаго террора и пр.

Однимъ словомъ, всякій безпристрастный наблюдатель жизни рабочаго класса не можетъ не констатировать, за послѣднее десятилѣтіе, возрожденія революціоннаго духа, охватывающаго дотолѣ пассивные слои трудящихся массъ.

Пролетаріатъ, параллельно съ освобожденіемъ отъ гипноза, навѣяннаго соціалистами политиканами, эмансипируется и отъ мирнаго экономизма профессіональныхъ союзовъ (тредъ-юніоновъ) съ ихъ парализующей классовую борьбу тактикой сдѣлокъ и третейскихъ судовъ. Всюду, въ Голландіи, Германіи, Англіи, С. Америкѣ, Италіи, Бельгіи, Франціи рабочее движеніе принимаетъ новыя формы анархо-соціализма и революціоннаго синдикализма, которые создаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ анархической пропаганды.

Молодому движенію недостаетъ только широты и революціоннаго размаха — той *революціонной дерзости*, которая такъ присуща анархистамъ дѣйствія. Въ эту то эпоху возрожденія рабочаго движенія и зародилась у анархистовъ мысль реставрировать свой „Интернаціоналъ“, будущее котораго будетъ зависѣть отъ солидарности и энергіи самихъ товарищей.

Христіанъ Корнелиссенъ, голландскій анархистъ, въ своемъ воззваніи „объ анархическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ“, — вполнѣ ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ: „Какая должна быть бли-

кійшая задача у конгресса? въ какія отношенія должны стать анархисты-коммунисты къ возрождающемуся революціонному движенію?"

Обращаясь къ синдикалистамъ, онъ говоритъ: „не нуждаются ли они, для сохраненія пріобрѣтеннаго ими вліянія, въ поддержкѣ общаго анархическаго движенія, которое постоянно доставляло бы рабочимъ союзамъ революціонные элементы. Спросимъ у нихъ, не грозитъ ли мелкія побѣды, одерживаемыя рабочими союзами, нѣкоторой опасностью — увлечь рабочихъ, попавшихъ въ привиллегированное положеніе, на путь консервативнаго, парламентскаго опортюнизма, на путь реформаторства? и не нужно ли, для предотвращенія этой опасности — чтобы мы — революціонеры и анархисты, сплотились тѣснѣе и тѣснѣе завязали между собою международныя отношенія?"

Жизнь выдвинула передъ нами новыя задачи — и мы должны дать на нихъ одинъ, либо другой отвѣтъ. Въ рабочемъ движеніи мы имѣемъ богатые революціонные элементы, — которые необходимо использовать для великой соціальной революціи, разрушающей одновременно Церковь, Государство и Капитализмъ. Мы анархисты-коммунисты одни только можемъ дать массамъ примѣръ, *какъ можно дѣйствовать*. Въ теченіе своего 30 лѣтняго существованія анархическій соціализмъ, проходя суровую школу борьбы, закалялъ себя для этой трудной обязанности. Акты Равашоля, Вальяна, Казеріо, Брещи, Рейнсдорфа и многихъ другихъ дали наглядный примѣръ, какъ можно *дѣйствовать индивидуально*; но теперь время индивидуальныхъ выступленій отходитъ въ область исторіи, настаетъ новая эпоха, *коллективнаго дѣйствія*. Рабочія массы готовятся, мобилизуются къ великой революціи... Нужно, чтобы она насъ не застала врасплохъ, нужно, чтобы мы были *организованы* и, въ моментъ возстанія крестьянскихъ и рабочихъ массъ всего міра, — явились не только рядовыми борцами, — но и борцами піонерами, застрѣльщиками революціонныхъ выступленій. Практическіе и теоретическіе вопросы, выдвинутые жизнью за послѣдніе годы, потребовали у товарищей анархистовъ совмѣстнаго обсужденія на интернаціональномъ конгрессѣ, главною задачею котораго было возстановленіе *Анархическаго Интернаціонала*.

Этимъ вопросамъ были посвящены засѣданія конгресса 26—31 августа 1907 года въ Амстердамѣ. Заканчивая это введеніе, мы должны предупредить нашихъ товарищей, — чтобы они не разсчитывали получить полный, все исчерпывающій очеркъ анархическаго конгресса. Для этого у насъ недостаетъ ни времени, ни необходимыхъ документовъ.

Все, что мы въ состояніи сдѣлать пока — это дать отчетъ о ходѣ конгресса; что же касается до полнаго, подробнаго освѣщенія его — то постараемся сдѣлать это впослѣдствіи, въ отдѣльной брошюрѣ, вмѣстѣ со всѣми резолюціями и докладами анархическихъ группъ и федерацій. Покончивъ съ предисловіемъ, переходимъ теперь къ самому конгрессу.

I.

Анархическій конгрессъ въ Амстердамѣ былъ созванъ по иниціативѣ „Анархической Федераціи Голландіи" („Federatie van Vrijheidlievende Kommunisten") и „Группъ Анархистовъ-Коммунистовъ Бельгіи", („Groupment Communiste Libertaire"). Программа его, внесенная для принятія интернаціональнымъ товарищамъ была выработана на 3мъ. очередномъ конгрессѣ голландскихъ анархистовъ, происходившемъ весною 1907 въ г. Гарлемѣ.

Впослѣдствіи были опубликованы во всѣхъ анархистскихъ газетахъ воззваніе къ товарищамъ разныхъ странъ: i) отъ имени Голландцевъ за подписью Х. Корнелисена и ii) коллективное, за подписями секретарей: I. Людевика („Анархической Голландской Федераціи) Г. Томара („Анархо-Коммунист. группъ Бельгіи) Фраубезе („Германской Анархической Федераціи") В. Кнотека и Вогрыжека („Анархической Федер. Богеміи"), А. Шапиро („Еврейской Анархической Федераціи Лондона").

Для подготовки же конгресса, бельгійскіе анархисты въ Льежѣ стали издавать „Bulletin de L'Internationale Libertaire", въ которомъ публиковались различныя письма и заявленія анархическихъ группъ и отдѣльныхъ лицъ, съ выраженіемъ ихъ мнѣній по поводу предстоящаго съѣзда.

Въ теченіе полугода, протекшихъ со дня напечатанія воззванія иниціаторовъ конгресса, они получили цѣлый рядъ писемъ съ выраженіемъ симпатіи ихъ начинанію, со всѣхъ концовъ земного шара.

Письма эти получались отъ отдѣльныхъ товарищей, цѣлыхъ группъ, федерацій, анархическихъ редакцій и, наконецъ, коммунистическихъ колоній.

Въ виду того, что русскимъ товарищамъ интересно знать, гдѣ существуютъ наши группы и приверженцы Анархизма, мы помѣщаемъ списокъ странъ, которыя такъ или иначе отозвались и выразили свою солидарность конгрессистамъ.

1) ПОРТУГАЛІЯ (Города: Фероль, Порто, Норталегро, группа „Nucleo" изъ Лиссабона, редакція газеты: „Conquista do Pao").

2) РЕСП.-АРГЕНТИНА. (Тандилла и Буэносъ Айросъ).

3) АЛЖИРЪ. (Константина и Филиппвилль).

4) ТУНИСЪ. (Форривилль).

5) ГЕРМАНІЯ. (Берлинъ, Мюнхенъ, Гамбургъ, Саксонія и др.)

6) АВСТРІЯ. (Вѣна).

7) БУКОВИНА. (Сезотинъ).

8) БОЛГАРІЯ. (Разградъ).

9) БРАЗИЛІЯ. (Ріо-Грандо-до Соль и редакція „Terra Livre").

10) БЕЛЬГІЯ. (Группы 14 секцій: Морланвельца, Жэмонта и др.)

11) БОГЕМІЯ. (Прага, Брюннъ, редакціи „Коммуна" и „Matice Svobody", наконецъ „Чешская секція Анархическаго Интернаціонала".

12) КАНАДА. (Нотръ-дамъ-де Лурдъ (Монатоба) и Виннипегъ).

13) С.-ШТАТЫ. (Сен.-Франциско, Нью Іоркъ, Санди Гоокъ и другіе).

14) ФРАНЦІЯ. (болѣе 30 городовъ).

15) ГРЕЦІЯ. (Островъ Критъ и Аоины).

16) ВЕНГРІЯ. (Будапештъ, Боготъ и ред. „Révolution Sociale").

17) РОССІЯ. (С.-Петербургъ, Бѣлостокъ, Екатеринославъ, Грузія)

18) РУМЫНІЯ (Бухарестъ).

19) ИТАЛІЯ. (Римъ, Чіети, Венеція, Неаполь, Пріодена и редакціи: „Gioventi Libertario" и „Il Pensiero")

20) ГОЛЛАНДІЯ. (Гаага, Ротердамъ, Гильверзумъ и др.)

Какъ мы уже говорили выше, идея созыва анархическаго конгресса — идея далеко не новая. Не смотря на это, она вызвала различные толки и обсужденія, изъ которыхъ можно заключить, что еще многіе товарищи не представляютъ правильно, каковъ долженъ и можетъ быть анархистическій конгрессъ. *)

Нѣкоторые товарищи пожимали плечами и выражали удивленіе, зачѣмъ анархистамъ у себя понадобилось устраивать „маленькій парламентъ"?.

Другіе критиковали, только частности, разбирая практическія стороны конгресса: Что такое организація „Анархическаго Интернаціонала?" Зачѣмъ будутъ „голосовать" резолюціи? Какіе могутъ быть у анархистовъ „делегаты"? И проч., прочее!

Возникновеніе подобныхъ вопросовъ доказываетъ наглядно, что многихъ товарищей пугаютъ просто слова, такъ часто фигурирующіе въ лексиконѣ нашихъ недруговъ-авторитарныхъ соціалистовъ. Но слова важны намъ постольку, поскольку въ нихъ вкладывается опредѣленный смыслъ и содержаніе. Возьмемъ наиболѣе затасканное слово „организація". Если понимать его по марксистски, въ видѣ строгой централизаціи, съ партійной бюрократіей и желѣзной дисциплиной для рядовыхъ партіи — то понятно, мы анархисты, — противъ такой организаціи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы вообще *противъ всякой организаціи*, и что поэтому должны даже выбросить изъ употребленія это слово. Нѣтъ, конечно.

Очень нелогично избѣгать слова только потому, что соціалъ-демократія пыталась его монополизировать, придавъ ему узкое, одностороннее толкованіе.

Не пришлось ли бы намъ тогда отказаться отъ слова: „соціализмъ" и мн. др.?

Наоборотъ, мы должны отстаивать эти понятія, указывая на тѣ извращенія, которыя навязываютъ имъ различные буржуазные демократы и соціалисты.

Мы открыто заявляемъ — *что мы соціалисты и революціонеры*. Соціалисты, потому что стремимся къ экспропріаціи всѣхъ орудій и продуктовъ труда и обобществленію производства; — революціонеры — ибо надѣемся только на насильственный переворотъ, разрушающій одновременно Государство и Капитализмъ.

---

*) Мы здѣсь не говоримъ о тѣхъ товарищахъ, которые вообще отрицательно относятся ко всякому конгрессу, тѣмъ болѣе анархическому, считая его „[illegible]". Такихъ скептиковъ довольно много среди французскихъ товарищей. Укажемъ среди нихъ такого извѣстнаго анархиста — какъ Ж. Гравъ. Онъ находитъ анархическіе конгрессы искусственными и не видитъ въ нихъ никакого смысла. Другое дѣло, нѣкоторые анархисты-синдикалисты (Э. Пуже и др.), они, уйдя съ головой въ „автономное рабочее движеніе", становятся мало по малу чистыми синдикалистами, — а таковымъ, по ихъ собственнымъ словамъ, нечего дѣлать „ни въ Амстердамѣ у анархистовъ — ни въ Штутгартѣ у соціалдемократовъ".

Н. Р.

Мы также сторонники *организаціи*, потому что хотимъ организовать рабочій классъ въ автономные, свободные союзы, которые, заключая между собой федеративный договоръ — являются фундаментомъ для будущаго *анархическаго общества*, безъ бога, безъ хозяина, безъ власти.

Если мы „голосуемъ", то отнюдь не для подавленія меньшинства большинствомъ! Если мы посылаемъ „делегатовъ", и устраиваемъ „конгрессы" — то это далеко не значитъ, что мы играемъ въ парламентъ.

У анархизма нѣтъ и не можетъ быть ни декретовъ, ни навязыванія чужой воли однихъ другимъ, ни обязательныхъ постановленій и отлученій.

Таковъ былъ и Амстердамскій Конгрессъ. Анархисты сдѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы придать ему форму свойственную обыкновеннымъ научнымъ съѣздамъ, на которыхъ всѣ вопросы обсуждаются совершенно свободно, и не существуетъ никакихъ безапелляціонныхъ рѣшеній".

Если и были у насъ делегаты группъ и федерацій, то они занимали одинаковое положеніе съ явившимися лично товарищами; что же касается до „голосованія", то оно было ничѣмъ инымъ, какъ простымъ подсчетомъ мнѣній, чтобы знать, какіе взгляды преобладаютъ среди товарищей по тому либо другому вопросу теоріи и практики анархизма. Если придирчивые соціалъ-демократы, могутъ подтрунивать надъ нами, играя отдѣльными словами и фразами — то это естественно и въ порядкѣ вещей.

Мы имъ умѣемъ отвѣтить и ручаемся, что у насъ не было и не могло быть того, что происходило между „тов. Плехановымъ" и „тов. Рубановичемъ" на Штуттгартскомъ конгрессѣ, или же на Лондонскомъ съѣздѣ россійской соціальдемократіи, гдѣ „представители пролетаріата" декретировали „большинствомъ голосовъ" распущеніе въ Россіи боевыхъ дружинъ соц.-рев. и соц.-демокр., и принимали іезуитскія резолюціи для борьбы съ партизанскими выступленіями, экспропріаціями, наконецъ идеей рабочаго съѣзда.

Гдѣ по словамъ одного участника съѣзда (Г. Хрусталева) партійная дисциплина была настолько сурова, что нѣкоторые рабочіе делегаты, изъ боязни передъ шефами партіи, *голосовали противъ своей воли* (о рабочемъ съѣздѣ) противоположныя резолюціи, и гдѣ всѣ революціонные вопросы разбирались со скоростью „военно-полевой юстиціи".*)

Другое дѣло, когда враждебную позицію занимаютъ нѣкоторые товарищи и бросаютъ намъ упреки, которые дотолѣ мы привыкли выслушивать только отъ нашихъ политическихъ противниковъ. Что сказать этимъ товарищамъ? Въ свое время, на всѣ возникавшіе „недоразумѣнія" бельгійскій анархистъ Фюсъ-Аморе отвѣтилъ въ одномъ изъ № „Temps Nouveaux".

Въ нашемъ сжатомъ очеркѣ, нѣтъ возможности подробнѣе останавливаться на всѣхъ мнѣніяхъ, высказываемыхъ pro и contra конгресса, поэтому мы отсылаемъ болѣе любознательныхъ товарищей къ анархической прессѣ, въ частности французскимъ газетамъ, „Temps Nouveaux" „L'Anarchie" и пяти №№ „Bulletin de L'Internationale Libertaire", выходившимъ до конгресса въ Бельгіи.

II.

Открытіе анархическаго конгресса состоялось 26-го Августа утромъ въ залѣ „Plancius". Наканунѣ, въ воскресенье, въ саду состоялся въ присутствіи около 400 прибывшихъ делегатовъ — интернаціональный митингъ, на который явилось болѣе полуторы тысячи голландскихъ рабочихъ.

Полиція не принимала никакихъ мѣръ и только наводнила окрестныя кофейни, и кулуары залъ, гдѣ происходили засѣданія конгресса — своими шпіонами.

Мы не будемъ подробно останавливаться на описаніи самого митинга. Объ этомъ достаточно много писалось уже и въ буржуазной и въ анархической интернаціональной прессѣ.

На митингѣ говорили слѣдующіе ораторы:

Д-ръ Фридебергъ и Павелъ Фраубѣзе (Германія) Энрико Малатеста (Италія) Мармандъ (Франція) Георгъ Тонаръ и Эмиль Шапелье (Бельгія) Николай Рогдаевъ (Россія) Петръ Муничь (Сербія) Карлъ Вогрыжекъ (Богемія) Эмма Гольдманъ (Соед. Штаты), Петръ Рамусъ (Англія) и Христіанъ Корнэлисенъ (Голландія).

Всѣ эти рѣчи ораторовъ потомъ были переведены для голландскихъ рабочихъ и въ сжатомъ видѣ напечатаны въ соціалъ-демократическихъ, анархическихъ и синдикалистскихъ газетахъ Голландіи.

На митингѣ, въ качествѣ ораторовъ, были приглашены еще Торида-дель-Мармоль и Валина (Испанія) Таюминъ (Китай) Гансъ Пэтеръ (Австрія) и Джонъ Тэрнеръ (Англія), а также ожидалась португальская делегація, съ тов. Андрэ Коста — но всѣ эти лица по разнымъ обстоятельствамъ пріѣхать не могли и ограничились присылкой письменныхъ привѣтствій. Также отсутствовали на конгрессѣ, ожидаемыя въ качествѣ докладчиковъ по разнымъ вопросамъ: Леонъ Клэментъ, (Парижъ) Марицiусъ и Е. Армандъ (Парижъ) [послѣдній между прочимъ незадолго до конгресса арестованъ въ Бильанкурѣ (Франція)] и Ландлауэръ (Германія).

Привѣтствія конгрессъ получилъ со всѣхъ концовъ міра; среди нихъ были изъ Испаніи, Египта, Португаліи, Лемберга (Галиціи), острова Кубы (г. Санто-Фэй), отъ русской группы „Буревѣстникъ", изъ тюрьмы Клерво (Франція), отъ заключенныхъ членовъ „Конфедераціи Труда" Пито (на 4 года) и Марка (на 1 г.) [осуждены въ Нантѣ (Бретани) за агитаціонныя рѣчи во время стачки доковыхъ рабочихъ] и мн. другія письма и телеграммы.

Делегаты на конгрессъ явились отъ слѣдующихъ странъ:

ГОЛЛАНДІЯ: Христіанъ Корнэлиссенъ, Лодэвикъ изъ редакціи: „Vrije Communiste", I. Самсонъ (изъ Гааги), Петтеръ, Клейнъ, Домела Ньювенгейсъ, редакторъ „Vrije Socialiste", Круалэ (Амстердамъ), Риндэрсъ, Марэнсъ, Ванъ-Рэсъ и мн. др.

БЕЛЬГІЯ. Георгъ Тонаръ, ред. „Emansipateur", Эмиль Шапелье, изъ коммунистической колоніи въ Буатефортѣ, Фюсъ-Аморэ (Льежъ) Гамбургеръ и Самсонъ (Антверпэнъ), Шутеттеръ (Брюссель), Виллъэмсъ, Гэймонъ и др.

БОЛГАРІЯ. Велевъ.

СЕРБІЯ. Петръ Муничь (Бѣлградъ).

РОССІЯ. Н. Рогдаевъ, Каминскій, Софья Воднёва, Марголинъ и В. Забрежневъ.

БОГЕМІЯ. Владиславъ Кнотэкъ, редакторъ „Коммуны" и Вогрыжекъ (Прага).

ИТАЛІЯ. Э. Малатеста, Коріо, Фриджеріо, Лучи Фаббри, редакторъ: „Il Pensiero" (Римъ) и мн др.

С.-ШТАТЫ. (С.-Америка). Эмма Гольдманъ (Нью-Іоркъ) и Максъ Баглинскій, редакторъ: „Fraicheit".

АРГЕНТИНА (Южн. Америка). Чикарелли (Буэносъ-Айросъ).

ПОЛЬША. Іосифъ Швэберъ и Н. Зелинская.

ФРАНЦІЯ. Цибальнъ, Брутчу, делегатъ рудокоповъ изъ Ланса (Па-де-Калэ); Мармандъ (Парижъ); Петръ Монатъ, членъ „Конфедераціи Труда" и др.

ШВЕЙЦАРІЯ. Амедэй Дюнуа, сотрудникъ „Reveil'a". (Женева).

АНГЛІЯ. Кэль (Лондонъ), Карлъ Вальтеръ изъ ред. „Fridom", Шрейборъ, Зигфридъ Нахтъ (австріецъ, изъ Галиціи), Пьеръ Рамусъ (изъ Австріи), Флаттъ, А. Шапиро (Лондонъ, Еврейская Федерація), Маргулисъ изъ „Jerminal", редакторъ „Arbeiter Freind" Рудольфъ Рокэръ и др.

ГЕРМАНІЯ. Фридебергъ (Берлинъ), Вагнэръ (Саксонія), Любертиг (Гамбургъ), Павелъ Фраубѣзе (Берлинъ), Рудольфъ Ланге, редакторъ „der Anarchist", Сэнъ-Эртеръ, редакторъ: „Freie Arbeiter" и многіе другіе.

Закончивъ этотъ необходимый, хотя можетъ быть и скучный, отчетъ о внѣшней части конгресса, мы можемъ уже перейти къ разсмотрѣнію разбиравшихся теоретическихъ и практическихъ вопросовъ.

Первый день (26-го Августа) — дебаты объ отношеніи къ Антимилитаристскому конгрессу и доклады объ анархическомъ движеніи разныхъ странъ; второй и третій 27 и 28-го) *Организація и Анархизмъ*, четвертый — (29-го) *Синдикализмъ и всеобщая стачка*, пятый (30-го) *Антимилитаризмъ*, шестой (31-го) *остальные вопросы*, какъ то русская революція, междун. языкъ „Эсперанто", Интегральное воспитаніе, Алкоголизмъ, Религія и проч. Вечеромъ, конгрессъ закончился митингомъ для голландскихъ рабочихъ.

Всѣ эти засѣданія велись открыто въ присутствіи многочисленной публики и представителей прессы — 28-го же днемъ и 31-го утромъ состоялись еще два приватныхъ, закрытыхъ засѣданія, съ участіемъ только товарищей — для обсужденія вопроса объ организаціи: „Анархическаго Интернаціонала" и Международнаго Бюллетеня Корреспонденцій.

Мы опускаемъ первый день, въ который читались различные доклады о движеніи; нѣкоторые изъ этихъ докладовъ будутъ впослѣдствіи опубликованы цѣликомъ, какъ то: Эммы Гольдманъ: „объ Анархическомъ движеніи въ Соединен. Штатахъ"; Амедея Дюнуа: „объ Анархизмѣ въ Швейцаріи"; Николая Рогдаева: „О различныхъ теченіяхъ въ Русскомъ Анархизмѣ", другіе же будутъ напечатаны въ сокращенномъ видѣ, ибо, къ сожалѣнію, товарищи не представили письменныхъ докладовъ, а ограничивались устными сообщеніями.

---

*) Это вполнѣ понятно — ибо конгрессъ авторитарныхъ соціалистовъ — парламентъ, гдѣ съѣхавшіеся делегаты-депутаты выражаютъ „волю народа". (т. е. своихъ избирателей). Депутаты же могутъ только декретировать.

Н. Р.

Были сдѣланы интересные доклады о движеніи въ Богеміи (Вогрыжека), объ Италіи (Малатеста), о Сербіи, Болгаріи и Македоніи (П. Мунича) о Германіи (Р. Ланге), объ Австріи (П. Рамуса), Англіи (Роккера и Вальтера), Бельгіи (Фюсъ-Аморе), Франціи (Моната).

Что же касается до дебатовъ объ отношеніи къ Антимилитаристскому конгрессу — то о нихъ мы будемъ говорить въ главѣ, разбирающей вопросъ о Милитаризмѣ.

Организація — вотъ вопросъ, по которому анархисты-коммунисты давно уже ведутъ упорную полемику на два фронта.

Съ одной стороны, имъ приходится отвѣчать соціалъ-демократамъ, приносящимъ личность въ жертву обществу, этому новому кумиру современнаго человѣчества, съ другой, отражать нападки „чистыхъ индивидуалистовъ" (т. е. послѣдователи Ницше, Дюринга и т. п. индивидуалистическаго анархизма), упрекающихъ ихъ въ не вполнѣ послѣдовательной защитѣ правъ „суверенкаго индивида".

Амстердамскому конгрессу пришлось дебатировать вопросъ объ отношеніи Личности къ Обществу и Авторитета къ Свободной иниціативѣ — возбужденный голландцемъ Круако, представителемъ индивидуалистическаго анархизма.

Круако сторонникъ девиза: „все для личности — ничего для общества". Индивидъ долженъ быть независимъ и автономенъ.

Всякая организація подавляетъ личность, она въ самомъ зародышѣ своемъ носитъ духъ авторитета.

Поэтому Круако, являясь противникомъ принципа организаціи, возставалъ также и противъ „Анархическаго Интернаціонала".

Такимъ образомъ, борясь съ организаціей, Круако думаетъ, что онъ борется съ авторитетомъ.

Аргументы, выставленные имъ однако никого не убѣдили, и всѣ говорившіе впослѣдствіи ораторы высказывались въ пользу организаціи.

Такъ, бельгiецъ Эмиль Шапелье, отвѣчая Круако, заявилъ, что боязнь авторитета во всякой организаціи умѣстна только тамъ, гдѣ отсутствуютъ свободные и независимые индивиды, безъ личной иниціативы, а не въ рядахъ товарищей — анархистовъ. Зигфридъ Нахтъ говорилъ въ защиту анархическаго соціализма и организаціи.

Хр. Корнелиссенъ доказывалъ значеніе для международнаго рабочаго движенія организованнаго „Анархическаго Интернаціонала" Его поддерживалъ М. Бегинскій, также сторонникъ организаціи.

Георгъ Тонаръ, возражая Круако, доказывалъ, что анархическая организація вовсе не идетъ на помочахъ у государственнаго соціализма; онъ предполагаетъ, что можно быть одновременно индивидуалистомъ и „общинникомъ", организуясь въ автономныя группы и федераціи для подготовки къ моменту Соціальной Революціи.

Богемецъ Вогрыжекъ также высказывается въ пользу организаціи, заявляя, что анархисты входя въ федераціи, группы и союзы, остаются вполнѣ свободными въ своихъ дѣйствіяхъ. Организаціи осуждаетъ только нечистые пріемы борьбы, идущіе въ разрѣзъ съ принципами анархизма. Эмма Гольдманъ и Зигфридъ Нахтъ просятъ Вогрыжека разъяснить, что онъ подразумѣваетъ подъ этими словами. Они говорятъ о тактикѣ „экспропріацій", практикуемой въ Россіи анархистами.

Вогрыжекъ отвѣчаетъ, что онъ вовсе и не думаетъ осуждать русскихъ товарищей, отрицательно относится только къ тѣмъ „экспропріаціямъ"*, которыя идутъ на личныя нужды, принимая въ то же время нежелательныя формы воровства, вымогательства и т. п.

Далѣе въ защиту организаціи говоритъ Энрико Малатеста. Онъ поразительно ясно доказываетъ, что всѣ, даже самые крайніе индивидуалисты, въ своихъ дѣйствіяхъ всегда коммунистичны, и что индивидъ одинъ никогда не можетъ быть свободенъ.

Возьмите Ибсеновскаго героя, д-ра Штокмана, — даже этотъ непримиримый индивидуалистъ далеко не вполнѣ былъ изолированъ отъ окружающаго общества.

Всякое *революціонное дѣйствіе* требуетъ коллективнаго сотрудничества, а слѣдовательно и *организаціи*, ибо соединеніе нѣсколькихъ индивидовъ по солидарности есть уже организація.

Мы вполнѣ согласны съ доводами Э. Малатесты — мы не можемъ сказать, того же объ аргументаціи „индивидуалиста" Круако.

Мы не знаемъ, совершенно не представляемъ себѣ „чисто индивидуалистическихъ" дѣйствій и выступленій.

Даже самые оторванные, съ внѣшней стороны, акты „*безмотивнаго террора*" — являются по причинамъ вызвавшимъ ихъ, дѣломъ глубоко-коммунистическимъ.

И на самомъ дѣлѣ, кто такой возставшій, какъ не продуктъ окружающей „соціальной среды"? Во имя чего онъ поражаетъ сытое, паразитическое общество?

Во имя ли одного эгоистическаго удовлетворенія своего „Я"? Нѣтъ — конечно!

Тогда излишними были бы протесты противъ привилегированной буржуазіи, во имя свободной личности угнетеннаго работника!

Итакъ, мы не знаемъ въ исторіи анархическихъ движеній никакихъ „чисто-индивидуальныхъ" дѣйствій.

Что же касается самой философіи „индивидуалистовъ" анархистовъ, то она хороша только до тѣхъ поръ, пока остается въ области чистой теоріи. Суровая же дѣйствительность разбиваетъ всѣ ея иллюзіи, одну за другой.

Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ буржуазный индивидуализмъ школы Ницше или Дюринга.

Онъ послѣдователенъ и прямолинеенъ, ибо порвалъ всякую связь съ „соціальностью," — и является одновременно хищнически-деспотическимъ индивидуализмомъ цезарей.

Не даромъ „ницшеанцы" нашихъ дней такъ восторгаются рыцарями-феодалами и римскими диктаторами; героическими образами Наполеона или великаго деспота „всея Россіи". Не даромъ они съ такой злобной ненавистью говорятъ о насъ, революціонерахъ, величая насъ не иначе, какъ „тарантулами" и „анархистскими собаками". Проклиная въ то же время мятежный пролетаріатъ, они вспоминаютъ съ сожалѣніемъ тѣ блаженныя времена средневѣковья и античнаго міра, когда рабочій классъ, забитый и покорный, такъ походилъ на китайскаго „кули" или „парія" современной Индіи.

Индивидуализмъ ницшеанцевъ — индивидуализмъ аристократическій; поэтому онъ вызываетъ у насъ такое же отвращеніе, какъ и его антиподъ — всесильная въ наши дни — Демократія.

Мы думаемъ, что разногласіе у насъ съ анархическими „индивидуалистами", только въ субъективной постановкѣ вопроса, и что мы одинаково съ ними цѣнимъ и уважаемъ „свободную личность", отстаивая ея права отъ посягательства общества.

Въ бюро конгресса были представлены два доклада Луиджи Фабри и В. Забрежнева. 1) Объ организаціи; 2) Объ индивидуализмѣ, гдѣ обстоятельно разобранъ данный вопросъ.

Эти доклады будутъ впослѣдствіи опубликованы въ отдѣльной брошюрѣ, дастъ возможность ознакомиться съ ними всѣмъ товарищамъ.

Выше мы уже упомянули, что среди съѣхавшихся въ Амстердамѣ анархистовъ не оказалось никого, кромѣ Круако, кто бы являлся принципіальнымъ противникамъ организаціи.

Послѣ прочтенія доклада Амедеемъ Дюнуа, и его дополненія, сдѣланнаго Георгомъ Тонаромъ, всѣ товарищи приступили къ выработкѣ резолюціи, которая и была формулирована слѣдующимъ образомъ:

„Анархисты, собравшіеся въ Амстердамѣ заявляютъ:

1) что идеи анархизма съ одной стороны и понятіе объ организаціи съ другой, не только не противорѣчатъ другъ другу, какъ иногда думаютъ, а наоборотъ, взаимно пополняютъ и поясняютъ другъ друга т. к. принципъ анархизма лежитъ въ самой основѣ свободной организаціи производителей.

2) что *личное* воздѣйствіе, какъ велико бы ни было его значеніе, не можетъ никоимъ образомъ замѣнить воздѣйствія *коллективнаго*, и обратно,

3) что организація активныхъ силъ значительно усилитъ пропаганду и ускоритъ процессъ проникновенія въ рабочія массы идей федерализма и революціи

4) что рабочая организація, построенная по *сходству интересовъ* совершенно не исключаетъ организаціи, въ основѣ которой лежитъ *сходство стремленій и идей*.

Принимая все это во вниманіе, конгрессъ предлагаетъ товарищамъ всѣхъ странъ поставить на очередь вопросъ о созиданіи анархическихъ группъ и федерацій группъ, уже существующихъ".

Богемецъ К. Вогрыжекъ дополняетъ эту резолюцію слѣдующей припиской:

„Анархическая Федерація представляетъ собою ассоціацію интересовъ личностей либо группъ, которая, по отношенію къ современному обществу, не можетъ имѣть никакой *исполнительной власти*.

> Она имѣетъ своей цѣлью, измѣненіе всѣхъ моральнѣхъ и экономическихъ отношеній, и въ этомъ направленіи ведетъ борьбу всѣми средствами, вытекающими изъ анархическаго идеала.
>
> Анархическая Федерація, это организація группъ и личностей, въ которой никто не можетъ управлять другими и парализовать чью бы то ни было волю".

Раньше мы уже упоминали страны, гдѣ организованы и существуютъ анархическія федераціи — теперь остается сказать нѣсколько словъ о Франціи и Россіи, гдѣ таковыя отсутствуютъ.

Въ Россіи, въ переживаемую нами революціонную эпоху, съ молодымъ еще анархическимъ движеніемъ, до настоящаго времени невозможно было подготовить съѣздъ всѣхъ существующихъ группъ и организацій, на которомъ было бы положено основаніе первой Русской Анархической Федераціи.

Но сколько намъ извѣстно, среди работающихъ въ Россіи товарищей — эта идея имѣетъ много горячихъ приверженцевъ; даже больше, всѣ усилія практическихъ работниковъ въ настоящее время направлены въ сторону сплоченія и организаціи разрозненныхъ анархическихъ группъ и приданія ихъ дѣятельности болѣе планомѣрнаго характера.

Такимъ образомъ, россійскіе товарищи ведутъ уже ту подготовительную работу, которая будетъ способствовать созыву анархическаго съѣзда.

Недалекое будущее покажетъ, какъ анархисты разрѣшатъ этотъ выдвинутый самой жизнью вопросъ.

Если мы видимъ, что образованію Федераціи въ Россіи препятствовали до настоящаго времени чисто внѣшнія причины, то совершенно обратное происходило во Франціи.

Здѣсь это дѣло (созданія федераціи и объединенія группъ) тормозилось и тормозится, благодаря самимъ анархистамъ, которые съ одной стороны ушли цѣликомъ въ автономное синдикальное движеніе и мало способствовали организаціи чисто анархическихъ группъ и кружковъ, съ другой, раздробивъ анархизмъ на части, направляли свою дѣятельность на Анти-Милитаризмъ, Анти-Клерикализмъ, а то и просто культуръ-трегерскую работу, выражающуюся въ образованіи микроскопическихъ коммунъ, на подобіе толстовскихъ колоній; организацію университетовъ и школъ интегральнаго воспитанія дѣтей, проповѣдь нео-мальтузіанства и пр. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ французскіе товарищи очень мало занимались *боевыми вопросами* анархизма и почти ничего не сдѣлали для организаціи и объединенія уже существующихъ анархическихъ группъ.

Только недавно, послѣ Амстердамскаго конгресса — состоялся небольшой съѣздъ французскихъ анархистовъ въ районѣ Па-де-Калэ и товарищи рѣшили созвать въ Туркуэнѣ въ декабрѣ 1907 года первый анархическій конгрессъ, на которомъ и будетъ разрѣшенъ вопросъ объ изданіи органа и образованіе „Анархической Федераціи" Сѣвера Франціи и Па-де-Калэ.

Выражаемъ надежду, что и другіе районы Франціи послѣдуютъ этому примѣру и всюду объединятся въ федераціи, которыя придадутъ движенію больше стройности, планомѣрности и наконецъ революціоннаго активизма.

Анархическая Федерація, въ которую войдутъ всѣ дѣйствующія группы — можетъ служить хорошимъ подспорьемъ для широкаго рабочаго синдикальнаго движенія, которое пока страдаетъ многими недостатками и главнымъ изъ нихъ, неумѣньемъ организовывать открытыя революціонныя выступленія.

Являясь партизанами организованности, мы указываемъ на примѣръ совершенно молодой еще „Анархической Федераціи Богеміи", объединившей въ своихъ рядахъ не только издательскія группы и редакціи, но и цѣлую сѣть союзовъ и синдикатовъ (преимущественно горнорабочихъ), съ чисто анархической программой и тактикой.

Благодаря этому, за короткое время богемцы успѣли сдѣлать для пропаганды анархизма неизмѣримо больше, чѣмъ товарищи другихъ странъ, работающіе сепаратно и неорганизованно.

Изъ другихъ мѣстъ, гдѣ анархисты еще мало организованы и представляютъ небольшіе группки, зачастую оторванныя отъ рабочихъ массъ, мы укажемъ Румынію, Галицію, Сербію, Болгарію, Грецію и даже Герцеговину-Боснію.

Но здѣсь движеніе совершенно еще молодое и едва пережило первичный фазисъ своего развитія.

Анархическій Интернаціоналъ. Естественно, кто является приверженцемъ объединенія національныхъ группъ—тотъ ничего не будетъ имѣть противъ международнаго союза федерацій, объединяющихся въ „Анархическій Интернаціоналъ".

Иниціаторами этой идеи явились голландцы и бельгійцы, созвавшіе и подготовившіе Амстердамскій конгрессъ.

Сначала эта идея встрѣтила нѣкоторую оппозицію.

Такъ, „небольшія разногласія" возникли съ французскими товарищами (см. „Temps Nouveaux" ст. Амедея Дюнуа), которые отрицательно смотрѣли на *практическую часть* конгресса (а именно, предложеніе иниціаторовъ образовать „Интернаціоналъ" изъ существующихъ уже федерацій Германіи, Бельгіи, Голландіи, Ром. Швейцаріи, Богеміи и другихъ странъ) и представляли его, какъ простое собраніе для „обмѣна идей, свѣдѣній и соображеній".

Португальская группа „Terra Livre„ не видѣла смысла въ образованіи „Интернаціонала„ *безъ опредѣленнаго, конкретнаго дѣла*, поэтому она внесла предложеніе объединиться пока для изданія „Международнаго Бюллетеня", посвященнаго анархическому движенію разныхъ странъ.

Русскіе товарищи до настоящаго времени мало высказались по этому вопросу.

То либо иное отношеніе съ ихъ стороны необходимо теперь, въ виду образованія „Анархическаго Интернаціонала".

Мы пока имѣемъ два документа, характеризующихъ это отношеніе, первый — письмо „Екатеринославской Рабочей Организаціи Анархистовъ-Коммунистовъ", которая высказывается за организацію „Анархическаго Интернаціонала" второй — это замѣтка (подъ иниціалами *Н. Кр.*) въ № 17 Листковъ „Хлѣбъ и Воля", гласящая слѣдующее: „такъ какъ самый вопросъ объ организаціи Анархическаго Интернаціонала *оказывается еще крайне спорнымъ* (курсивъ вездѣ нашъ), то такое предрѣшеніе его, предлагаемое голландскими товарищами, *едва ли будетъ допущено конгрессомъ*, который несомнѣнно захочетъ самъ выслушать *доводы за и противъ*, раньше чѣмъ высказаться въ ту или другую сторону".

На засѣданіе, которое происходило безъ посторонней публики и гдѣ дебатировали вопросъ объ организаціи „Интернаціонала", были приглашены всѣ анархисты т. е. какъ противники, такъ и партизаны этой идеи. Во избѣжаніе присутствія правительственныхъ агентовъ, была произведена перекличка по націямъ всѣхъ явившихся делегатовъ.

Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, не подлежащихъ опубликованію, было принято и напечатано слѣдующее заявленіе:

> Анархисты (федераціи, группы и отдѣльныя лица) собравшіеся въ Амстердамѣ, объявляютъ объ учрежденіи *Анархическаго Интернаціонала*.
>
> Онъ состоитъ изъ организацій уже существующихъ, изъ группъ и даже отдѣльныхъ лицъ, которыя впослѣдствіи примкнутъ къ нему.
>
> Индивиды, группы и федераціи остаются автономными.
>
> Учреждено Интернаціональное Бюро, которое состоитъ изъ пяти членовъ; задачей этого бюро будетъ созданіе международнаго анархическаго архива, доступнаго всѣмъ товарищамъ.
>
> Оно входитъ въ сношеніе съ анархистами всѣхъ странъ, или непосредственно, или при помощи трехъ товарищей, избранныхъ федераціями или группами заинтересованныхъ странъ.
>
> Отдѣльныя лица, желающія примкнуть къ Интернаціоналу, должны быть рекомендованы либо организаціей, либо самимъ бюро, либо извѣстнымъ ему товарищемъ.
>
> Расходы по бюро и архиву будутъ покрываться федераціями, группами и примыкающими отдѣльно лицами".

Синдикализмъ и всеобщая стачка — вопросъ, который вызвалъ на конгрессѣ особенно оживленные дебаты.

Докладчиками на эту тему были Пьеръ-Монаттъ, Д-ръ Фридебергъ и Э. Малатеста, а также Н. Рогдаевъ и І. Сансонъ, которые говорили о профессіональномъ движеніи своей родины (Россіи и Голландіи).

Э. Малатеста критикуетъ съ одной стороны *чистый синдикализмъ*, съ другой мирную всеобщую стачку.

Онъ доказываетъ, что синдикатъ является лишь однимъ изъ средствъ для подготовки соціальной революціи и что одностороние и опасно сводить всю нашу работу къ одному синдикализму.

Прежде всего, мы должны помнить, — *что мы анархисты*.

Находя полезнымъ вести въ синдикатахъ пропаганду бунта и возмущенія, Малатеста настойчиво совѣтуетъ анархистамъ избѣгать всякихъ административныхъ функцій въ синдикализмѣ. Тогда пришлось бы мало по малу отказаться отъ анархизма.

Малатеста критикуетъ чиновничество, которое неизбѣжно появляется во всякомъ профессіональномъ движеніи. Всеобщую стачку со скрещенными руками онъ не признаетъ, также относится отрицательно къ частичной, мирной забастовкѣ.

Не сопровождаемыя массовыми экспропріаціями и вооруженными возстаніями, изолированныя отъ другихъ мѣстъ, подобныя стачки неизбѣжно терпятъ фіаско. Рабочіе — забастовщики будутъ разстрѣляны, либо вынуждены покориться и итти на работу.

Указывая на примѣры Миланской и Барселонской стачекъ, Малатеста высказываетъ мысль, что онѣ погибли такъ трагически, благодаря недостаточной революціонной энергіи, которую проявили тогда рабочія массы.

Всякая стачка, которую вызываютъ и берутся провести анархисты, должна считаться съ этими опасностями. Начавъ ее, нужно помнить, что она должна вылиться въ открытое вооруженное нападеніе на современный государственно-капиталистическій строй, поэтому анархисты должны воспользоваться заранѣе всѣми средствами, которыя даетъ въ ихъ распоряженіе современная наука (физика, химія и прочее) для самой энергичной и рѣшительной борьбы.

Положенія, выставленныя Малатестой, поддерживаетъ делегатъ рудокоповъ Съв. Франціи — Брутчу, указывая на примѣръ недавней революціонной стачки, вспыхнувшей въ угольномъ районѣ Па-де-Кало, вслѣдъ за Курьерской катастрофой и поддержанной анархистами.

Онъ стоитъ за энергичную борьбу „всѣми средствами" и осуждаетъ тактику революціоннаго синдикализма, способнаго „дѣйствовать заднимъ числомъ". Практика показала, что синдикаты *не умѣютъ или не хотятъ* производить аттаку съ революціонными цѣлями.

Малатеста вноситъ на обсужденіе резолюцію, которую поддерживаютъ Мармандъ, (Франція) Вильсъ (Голландія), Рогдаевъ (Россія) Вогрыжекъ, (Богемія) Тонаръ (Бельгія), Корнелисенъ (Голландія) и мн. другіе.

Резолюція эта принята 33 делегатами, при 10 высказавшихся противъ нея. Вотъ ее текстъ:

> Анархическій интернаціональный конгрессъ разсматриваетъ синдикаты, какъ боевыя организаціи рабочаго класса въ его борьбѣ за улучшеніе условій труда и какъ союзы производителей, могущіе способствовать измѣненію капиталистическаго общества въ общество анархо-коммунистическое.
>
> Поэтому, допуская необходимость созданія, въ случаѣ надобности, отдѣльныхъ синдикально-революціонныхъ группъ, конгрессъ совѣтуетъ товарищамъ поддерживать и всѣ тѣ общія синдикальныя организаціи, въ которыя имѣютъ доступъ всѣ рабочіе одного ремесла.
>
> Но конгрессъ думаетъ, что задача анархистовъ состоитъ только въ выработкѣ въ этихъ общихъ организаціяхъ революціонныхъ элементовъ, въ распространеніи и поддержкѣ лишь тѣхъ формъ и проявленій action directe (прямое воздѣйствіе) рабочихъ (стачки, бойкотъ, саботажъ и т. д.), которыя имѣютъ явно революціонный характеръ, въ смыслѣ измѣненія современнаго общества.
>
> Разсматривая синдикальное движеніе и всеобщую стачку только, какъ могучіе способы революціонной борьбы *но не, какъ явно замѣняющее революцію*, анархисты полагаютъ, что уничтоженіе капиталистическаго и авторитарнаго общества можетъ произойти только при помощи вооруженнаго возстанія и насильственной экспропріаціи, полной или неполной, и что всеобщая стачка, какъ и синдикальное движеніе, не должны привести къ отказу отъ *непосредственныхъ способовъ борьбы*, противъ военныхъ и правительственныхъ силъ".

Пьеръ Монаттъ, членъ Парижской „Биржи Труда", говоритъ объ успѣхахъ французскаго революціоннаго синдикализма и критикуетъ положенія отстаиваемыя Э. Малатестой и его приверженцами.

Онъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ реакціонную политику по отношенію къ синдикатамъ, современнаго правительства республики соціалистовъ и радикаловъ Клемансо, Вивіани, Бріана и К°, выражающуюся въ репрессіяхъ противъ „биржъ труда", въ примѣненіи оружія къ стачечникамъ и арестахъ наиболѣе видныхъ синдикалистовъ Пато, Леви, Марка и др. Пьеръ Монаттъ предлагаетъ конгрессу принять слѣдующую резолюцію, поддержанную делегатами: Дюнуа (Швейцарія), Фюсъ-Аморъ (Бельгія), Зиг. Нахтъ (Австрія), Зелинская (Польша), Л. Фаббри (Италія), Вальтеръ (Англія) и другіе.

> „Принимая во вниманіе, что современный экономическій и правовой режимъ характеризуется эксплуатаціей и порабощеніемъ производящихъ массъ, что онъ порождаетъ между этими массами и привилегированными слоями общества абсолютно непреодолимый антагонизмъ интересовъ, являющійся причиной классовой борьбы; что синдикальная организація, объединяя всѣ силы сопротивленія рабочихъ на экономической почвѣ и отбрасывая всѣ доктринерскія рамки, представляетъ собою специфическій и фундаментальный органъ классовой борьбы пролетеріата противъ буржуазіи и всѣхъ буржуазныхъ институтовъ; что желательно, чтобы все болѣе и болѣе растущій революціонный духъ направлялъ синдикальную организацію на путь капиталистической экспропріаціи и уничтоженія всякой власти; что экспропріація и коллективный захватъ орудій и продуктовъ труда будетъ дѣломъ самихъ рабочихъ и что, поэтому, синдикатъ призванъ измѣниться въ производительную группу и, уже въ современномъ обществѣ представляетъ собою живой зачатокъ грядущаго;
>
> принимая во вниманіе все это, анархисты собравшіеся на конгрессѣ, приглашаютъ анархистовъ-коммунистовъ всѣхъ странъ, не теряя изъ виду, что вся анархистская дѣятельность не можетъ быть заключена въ рамки синдиката, принять активное участіе въ автономномъ движеніи рабочаго класса и развивать въ синдикальныхъ организаціяхъ бунтовской духъ, личную инициативу и солидарность, которые и составляютъ сущность анархизма".

Эта резолюція была принята 28 анархистами, при 7 голосовавшихъ противъ нея.

Вторая резолюція, предложенная П. Монаттомъ и А. Дюнуа и принятая 26 делегатами, при отсутствіи голосовъ противъ нея, была формулирована слѣдующимъ образомъ, по вопросу *о всеобщей стачкѣ*.

> „Собравшіеся въ Амстердамѣ анархисты разсматриваютъ всеобщую экспропріаторскую стачку, какъ замѣчательный стимулъ къ организаціи и развитію бунтарскаго духа въ нѣдрахъ современнаго общества, какъ мѣру, способную содѣйствовать полному освобожденію пролетаріата.
>
> Всеобщая стачка не должна быть смѣшана съ всеобщей *политической* стачкой, которая представляетъ собою ничто иное, какъ попытку политикановъ лишить всеобщую стачку ея революціонныхъ и экономическихъ цѣлей.
>
> Стачками, распространяющимися на цѣлыя мѣстности и районы, охватывающими цѣлыя профессіи можно будетъ поднять постепенно весь рабочій классъ и вовлечь его во всеобщую *стачку сопровождаемую экспропріаціей*, которая приведетъ къ уничтоженію современнаго общества и къ насильственному захвату всѣхъ продуктовъ и орудій производства".

Эмма Гольдманъ говорила о значеніи актовъ возмущенія, выливающихся въ форму индивидуальныхъ покушеній и пополняющихъ собою обще-революціонную борьбу пролетаріата.—Такъ напримѣръ убійство президента Макъ-Кинлея въ Соед.-Штатахъ, совершенное анархистомъ Чолгашомъ, имѣло громадное агитаціонное значеніе для рабочаго движенія, давъ ему примѣръ action directe и революціонной самодѣятельности.

Н. Рогдаевъ характеризуетъ борьбу рабочаго класса въ Россіи, указывая на тотъ фактъ, что рабочіе и крестьяне, еще задолго до появленія въ ихъ рядахъ чистыхъ анархистовъ — примѣняли *анархистскую тактику*, въ формѣ экономическихъ всеобщихъ стачекъ, сопровождаемыхъ саботажемъ и терроромъ, убійствъ фабрикантовъ, насильственныхъ захватовъ земель и пр. и пр., все это, какъ нельзя ярче иллюстрируетъ жизненность нашей тактики, обѣщая ей въ недалекомъ будущемъ полное преобладаніе надъ одностороннимъ и половинчатымъ революціонаризмомъ русскихъ государственныхъ соціалистовъ! Далѣе, характеризуя формы, которыя принимаетъ за послѣдніе годы профессіональное движеніе въ Россіи, Н. Рогдаевъ указалъ на новую струю, все болѣе и болѣе пробивающуюся въ рабочихъ союзахъ С.-Петербурга, Владиміро-Московскаго района, Урала и отчасти Польши. Это ростъ *безпартійнаго рабочаго движенія*, одинаково враждебно относящагося къ сомнительной „чисто экономической" борьбѣ нашихъ „независимцевъ" (этихъ новоявленныхъ адептовъ гапоновско-зубатовской тактики „политическаго нейтралитета") и узкому политиканству соціалистическихъ партій.

Докладчикъ выражаетъ надежду, что предстоящій всероссійскій съѣздъ рабочихъ союзовъ окончательно рѣшитъ вопросъ, какое теченіе въ нашемъ профессіональномъ движеніи наиболѣе преобладаетъ и наиболѣе жизненно, отвѣчая русской дѣйствительности. Голландецъ І. Самсонъ говорилъ о безпартійномъ синдикальномъ движеніи съ анархическими тенденціями, которое за послѣдніе годы растетъ въ Нидерландахъ и предсказываетъ ему богатое будущее. Онъ указываетъ на примѣръ профессіональныхъ союзовъ Гааги, которые открыто уже порвали всякую связь съ политиканами-соціалистами.

Аналогичное рабочее движеніе, какъ выяснилось изъ дебатовъ, растетъ послѣдніе годы и въ Германіи, гдѣ организуются „свободные синдикаты", враждебные, какъ соціалъ-демократіи, такъ и гиршъ-дункеровскимъ союзамъ.

Тактика этихъ синдикатовъ та же, что у революціонныхъ синдикалистовъ Франціи, Италіи и Р. Швейцаріи.

Даже оплотъ трэдъ-юніонизма Англія не осталась чужда этому новому вѣянію; тамъ въ настоящее время подъ вліяніемъ анархистовъ (Джона Тэрнэра и др.) возникаютъ революціонные профессіональные союзы и выходитъ синдикалистская газета „Голосъ Рабочаго", ведущая энергичную пропаганду всеобщей стачки и action directe.

Заканчивая нашъ бѣглый обзоръ дебатовъ о синдикализмѣ и его развитіи въ разныхъ странахъ, — мы должны еще привести резолюцію, предложенную д-ромъ Фридебергомъ и принятую 36 делегатами конгресса, при 6 голосовавшихъ противъ нея:

„Борьба классовъ и экономическое освобожденіе пролетаріата — это еще не идеалъ анархизма и не все его стремленіе.

Анархизмъ имѣетъ цѣлью полное экономическое и духовное освобожденіе человѣческой личности. Анархизмъ стремится къ созданію общества безъ власти, а не къ установленію новой власти: власти большинства надъ меньшинствомъ.

Анархизмъ видитъ въ уничтоженіи классового господства и въ исчезновеніи экономическаго неравенства первое и абсолютно необходимое условіе осуществленія своего конечнаго идеала; но анархисты не могутъ одобрить тѣхъ, предложенныхъ для освобожденія пролетаріата средствъ, которыя, противорѣчатъ анархической идеѣ и неизбѣжно должны скрыть истинную цѣль анархизма.

Вотъ почему мы отвергаемъ методы борьбы соціалистовъ-марксистовъ, парламентаризмъ и представительство, а также и всякое синдикальное движеніе, носящее исключительно профессіональный характеръ, и имѣющей исключительной цѣлью — улучшеніе жизни пролетаріата; ибо средства эти могутъ привести только къ появленію новой бюрократіи, новой умственной власти, дипломированной или нѣтъ — къ угнетенію меньшинства большинствомъ. Конгрессъ анархистовъ-коммунистовъ отвергаетъ всеобщую стачку для завоеванія власти, но признаетъ всеобщую стачку экономическую и революціонную, какъ средство для разрушенія существующаго экономическаго строя и освобожденія пролетаріата отъ системы наемнаго труда.

Для осуществленія этой всеобщей стачки необходимо, чтобы синдикальныя организаціи были вдоохушевлены идеями анархизма, стремящагося, путемъ всеобщей революціонной стачки, къ уничтоженію классового господства и къ осуществленію своего идеала — *„общества безъ власти"*.

Антимилитаризмъ. На первомъ еще засѣданіи конгресса вопросъ о милитаризмѣ явился причиной крупныхъ разногласій.

Дѣло въ томъ, что Домела-Ньювенгейсъ, и его партизаны созвали на 30 и 31-ое августа антимилитаристскій конгрессъ въ Амстердамѣ и внесли предложеніе анархистамъ соединить оба засѣданія (анти-милитаристовъ и анархистовъ) въ одно, гдѣ и будутъ дебатировать этотъ вопросъ. Э. Малатеста протестовалъ противъ такой постановки и настаивалъ на переходѣ къ порядку дня, говоря, что вопросъ объ анти-милитаризмѣ назначенъ на опредѣленный день и тогда будетъ разрѣшенъ въ ту или иную сторону.

Предложеніе Э. Малатесты поддерживала бельгійская, французская и итальянская фракціи, часть голландцевъ съ Корнэлиссеномъ во главѣ и русскій делегатъ (Н. Рогдаевъ).

Всѣ они приблизительно такъ формулировали свои взгляды: у насъ будетъ засѣданіе объ анти-милитаризмѣ, на него мы и приглашаемъ явиться докладчикомъ т. Домелу-Ньювенгейса. Теперь это обсужденіе вопроса преждевременно. Кромѣ того, мы анархисты, не видимъ необходимости выдѣлить въ отдѣльный вопросъ Антимилитаризмъ. Не представляетъ ли онъ *только часть* нашей анархической программы?

Если конгрессъ анти-милитаристовъ будетъ состоять изъ однихъ анархистовъ — тогда зачѣмъ понадобилось его отдѣльное и самостоятельное существованіе? Если же онъ смѣшанный (что и было на самомъ дѣлѣ) — то зачѣмъ намъ его соединять съ нашимъ? Не логичнѣе ли, выработать сначала на анархистскомъ собраніи свои резолюціи, съ изложеніемъ нашихъ принциповъ и уже потомъ итти къ анти-милитаристамъ для защиты и пропаганды ихъ.

Предложеніе Домелы-Ньювенгейса энергично отстаивали Эмма Гольдманъ, Фридебергъ, Вогрыжэкъ и присоединившіеся къ нимъ нѣмцы, русскіе (кромѣ Рогдаева) и англичане. Благодаря горячности голландцевъ, не было никакой физической возможности продолжать дебаты. Мнѣнія раздѣлились: Зала была разбита на двѣ части.

Нѣмецкій делегатъ Рудольфъ Лайте, редакторъ „der Anarchist" предложилъ „голосованіе, какъ единственно логичный выходъ" *), чтобы узнать сколько товар. стоитъ за переходъ къ порядку дня.

При подсчетѣ голосовъ оказалось, что за порядокъ дня 37 делегатовъ, за обсужденіе теперь вопроса о милитаризмѣ 33 при 15 воздержавшихся.

Засѣданіе Анти-милитаристовъ происходило 30 августа, докладчикомъ на немъ былъ Домела Ньювенгейсъ, кромѣ того отъ имени анархистовъ говорили объ антимилитарномъ движеніи на своей родинѣ: Фридебергъ (Швейцарія и Германія) Рогдаевъ (Россія), Вогрыжэкъ (Богемія), Мармандъ (Франція), Тэн-Вольдэ (Нидерланды) — наконецъ „независимые соціалисты" Швеціи, Норвегіи, Венгріи, Италіи и др. странъ.

По предложенію Э. Малатесты, Г. Тонара и Марманда была принята слѣдующая резолюція:

„Стремясь къ полному освобожденію человѣчества и къ полной свободѣ личности, анархисты естественно являются непримиримыми врагами всякой государственной силы: военной, жандармской, полицейской или судебной.

Сообразно обстоятельствамъ, сообразно темпераменту каждаго, они зовутъ товарищей къ личному бунту, къ борьбѣ, не останавливающейся ни передъ какими мѣрами: къ отказу отъ военной службы, личному или коллективному; къ отказу отъ повиновенія, пассивному или активному, къ военной стачкѣ, къ уничтоженію всѣхъ орудій порабощенія.

Они питаютъ надежду, что заинтересованные народы на всякое объявленіе войны отвѣтятъ возстаніемъ. Они думаютъ, что этотъ примѣръ подадутъ анархисты".

Здѣсь нѣтъ возможности подробно разбирать всѣ вопросы, обсуждавшіеся на послѣдующихъ засѣданіяхъ анти-милитаристовъ и части присоединившихся къ нимъ анархистовъ.

Укажемъ только на предложенія, подлежавшія разсмотрѣнію:

1) Внесенное комитетомъ Анти-милит. Лиги Швейцаріи, объ отказѣ въ поддержкѣ военщины, во всѣхъ ея видахъ и формахъ.

2) Предложеніе соціалистовъ-революціонеровъ Буда-Пешта (Венгріи) — объ изданіи интернаціональнаго манифеста для пропаганды среди рекрутовъ.

3) Докладъ Эриха Мюхзама изъ Мюнхена (Баваріи), о поведеніи анти-милитаристовъ *въ мирное время* (среди солдатъ, рабочихъ и крестьянъ) и *въ военное время* (пропаганда дезертирства, отказа, всеоб. стачки солдатъ).

4) Аналогичное предложеніе Федераціи Союза Антимилитаристовъ Франціи.

5) Голландская Федерація вноситъ проэктъ организаціи Анти-милитаристскаго Интернаціонала и предлагаетъ назначить годъ и число для слѣдующаго конгресса.

Это предложеніе принимаютъ и поддерживаютъ делегаты Италіи, Скандинавіи, Швейцаріи, Венгріи, Богеміи, Германіи и др. странъ.

*) Это голосованіе — вызвало протесты русскихъ товарищей, а также Г. Тонара. Сторонники „голосованія" доказывали имъ, что въ немъ не было ничего противуанархическаго. Меньшинство не подавляется большинствомъ и само голосованіе есть ничто иное, какъ простой подсчетъ мнѣній, (по заявленію французскихъ анархистовъ П. Моната и Марманда) его часто практикуютъ революціонные синдикалисты, ничуть не парализуя чьей бы то ни было воли.

Н. Р.

Для насъ, русскихъ анархистовъ, особенно важна, въ настоящее время, широкая пропаганда идей Анти-милитаризма. Военные бунты черноморскихъ броненосцевъ, возстанія саперовъ въ Кіевѣ, крѣпостныхъ гарнизоновъ Севастополя, Кронштадта и Свеаборга — все это показываетъ, что духъ революціи и возмущенія проникъ уже и въ русскую армію.

Нашему анти-милит. движенію недостаетъ только большей инициативы и рѣшительности, которыя могутъ внести въ него анархисты-коммунисты, какъ единственные разрушители всякихъ армій (вплоть до народной милиціи) и самого принципа милитаризма.

Во время стачекъ рабочихъ, вооруженныхъ возстаній и аграрныхъ бунтовъ — мы должны призывать солдатъ и матросовъ, не только къ пассивному протесту, но и къ открытому неповиновенію — бунту, къ переходу на сторону народа, къ распущенію арміи, сопровождаемому разстрѣломъ болѣе исполнительныхъ полководцевъ и офицеровъ, а также порчѣ крѣпостей, военныхъ орудій, запасовъ — всего того, что однимъ ударомъ можетъ способствовать полной дезорганизаціи милитаризма.

Это уже практиковали по личному почину наши солдаты на Дальнемъ Востокѣ — это нужно повторить теперь, въ эпоху революціи — въ болѣе громадномъ масштабѣ.

Нашъ девизъ, какъ и девизъ Анти-милитаристскаго Интернаціонала: *„Ни одной копейки, ни одного человека въ жертву милитаризму"!*

Русская революція и другіе вопросы были назначены на послѣдній день конгресса. Такъ какъ времени было мало — то пришлось ограничиться принятіемъ докладовъ и нѣкоторыхъ резолюцій.

Такъ резолюція L. Самсона о кооперативныхъ обществахъ и ихъ самостоятельномъ значеніи для рабочихъ, особенно во время стачекъ, была отвергнута.

Также было поступлено съ предложеніемъ итальянца делегата, предложившаго принять резолюцію по поводу иммиграціи въ Аргентину. Послѣ небольшихъ дебатовъ онъ самъ взялъ назадъ свою декларацію.

Конгрессъ принялъ еще двѣ резолюціи:

1) По поводу репрессій республиканскаго правительства Франціи съ выраженіемъ симпатіи политическимъ узникамъ всего міра и 2) объ отношеніи къ русской революціи, внесенную русскими анархистами-коммунистами Н. Рогдаевымъ и В. Забрѣжневымъ.

Вотъ текстъ ея:

„По мѣрѣ своего развитія русская революція все болѣе и болѣе показываетъ, что русскій народъ, городской и сельскій пролетаріатъ, не удовлетворится завоеваніемъ призрачной политической свободы. Онъ властно выдвигаетъ требованіе полнаго уничтоженія политическаго и экономическаго рабства и примѣняетъ тѣ самые методы борьбы, которые давно уже проповѣдуются анархистами, какъ единственно цѣлесообразные. Онъ ничего не ждетъ сверху, а стремится осуществить свои требованія action directe (захватнымъ порядкомъ).

Временное затишье въ движеніи вовсе не свидѣтельствуетъ о подавленіи его. Это затишье передъ новымъ, еще болѣе мощнымъ и грознымъ взрывомъ народнаго негодованія. Это — затишье передъ бурей во время котораго борцы собираются съ силами и организуются!

Русская революція имѣетъ не только мѣстное, національное значеніе. Отъ исхода ея зависитъ ближайшее будущее міроваго пролетаріата. Буржуазія стараго и новаго свѣта дружно сплотилась, чтобы соединенными силами отстоять свои привилегіи и отодвинуть часъ своего крушенія. Она оказываетъ всевозможную матеріальную и духовную поддержку послѣднему оплоту реакціи — царскому правительству. За счетъ русскаго народа она снабжаетъ его деньгами и боевыми припасами. Въ критическую минуту она готова (въ лицѣ правительствъ Австріи и Германіи) оказать ему активную поддержку своей арміей.

Духовная поддержка выражается въ замалчиваніи и затушевываніи борьбы русскаго народа и звѣрствъ царизма. Въ отвѣтъ на эти агрессивныя дѣйствія „желтаго интернаціонала" — объединеннаго капитала всѣхъ странъ и его вѣрныхъ прислужниковъ правительствъ конституціонныхъ монархій и демократическихъ республикъ — международный пролетаріатъ противопоставитъ энергичныя дѣйствія *Анархической Рабочей Интернаціонали.*

Онъ долженъ на дѣлѣ доказать свою солидарность съ возставшимъ пролетаріатомъ Россіи.

Въ своихъ собственныхъ интересахъ, во время русскихъ всеобщихъ стачекъ и возстаній, онъ долженъ категорически отказаться отъ всякой помощи и содѣйствія въ подавленіи ихъ. Пролетаріатъ, одѣтый въ мундиры, долженъ отказаться выступать противъ своихъ русскихъ братьевъ.

Пролетаріатъ промышленный, въ случаѣ невозможности по мѣстнымъ условіямъ объявленія всеобщей стачки по симпатіи, въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ производства и транспорта, долженъ прибѣгнуть къ саботажу; къ порчѣ посылаемыхъ въ Россію продуктовъ, а также способовъ перевозки (какъ напр. желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и проч.).

Конгрессъ настоятельно рекомендуетъ всѣмъ, раздѣляющимъ его воззрѣнія, вести самую широкую пропаганду *для подготовки такого рода реагированія міроваго пролетаріата на событія русской революціи* и всѣми силами способствовать правильному освѣщенію ихъ".

Эта резолюція была подписана:

Н. Рогдаевымъ и *В. Забрѣжневымъ,*	(Россія)
Эммой Гольдманъ и *М. Багинскимъ,*	(С. Америка)
Х. Корнелиссеномъ,	(Голландія)
Луиджи Фаббри и *Э. Малатестой,*	(Италія)
Петръ Мункичъ	(Сербія).

При голосованіи она принята 28 делегатами, при 3 голосовавшихъ противъ, которые оказались голландцами, представителями такъ называемаго „гуманитарнаго анархизма (?)" Послѣ передачи всѣхъ документовъ въ бюро, конгрессъ былъ объявленъ закрытымъ. Делегаты разошлись съ возгласами: „Vive l'Anarchie!" и пѣніемъ: „Интернаціонала".

—

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ этому „первому конгрессу" Анархистовъ-Коммунистовъ соціалистической и буржуазной прессы.

Интернаціональная соціалдемократія обошла его полнымъ молчаніемъ; она, наполняющая свои газеты цѣлыми столбцами отчетовъ о различныхъ конгрессахъ: ученыхъ обществъ, свободомыслящихъ, сіонистовъ — не нашла удобнымъ сказать что нибудь о послѣднемъ конгрессѣ въ Амстердамѣ. Что же касается до буржуазной прессы, то послѣдняя, особенно въ Англіи и Америкѣ не перестаетъ пускать въ оборотъ различные нелѣпыя и сенсаціонные слухи „объ эрѣ покушеній и демонстраціи бомбъ", которыя *намѣревались* анархисты произвести во всѣхъ концахъ міра.

Эти лавры соблазнили очевидно и нашу конституціонно-демократическую „Рѣчь", которая разрѣшилась о конгрессѣ анархистовъ, цѣлымъ рядомъ лживыхъ и ни на чемъ не основанныхъ сообщеній. На этомъ фонѣ какъ то выдѣлялись буржуазныя газеты Франціи: „Matin" и „Journal", которыя, не прибѣгая къ инсинуаціямъ и извращеніямъ, — напечатали, цѣльные и обстоятельные отчеты о засѣданіяхъ конгресса.

Этимъ мы заканчиваемъ и безъ того затянувшійся очеркъ. Болѣе всестороннее освѣщеніе конгресса, товарищи найдутъ въ статьяхъ Э. Малатесты въ „Temps Nouveaux" и А. Дюнуа въ „Reveil'ѣ".

Н. Рогдаевъ.

ПИСЬМО

АМСТЕРДАМСКОМУ КОНГРЕССУ

(посланное товарищу И. Рогдаеву для прочтенія на конгрессѣ).

Анархизмъ возрождается въ Европѣ!

Какъ будто понявъ, наконецъ, необходимость спуститься съ высей чистой теоріи, гдѣ онъ обрѣтался въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ стремится отнынѣ осуществиться въ жизни, перейти къ практикѣ, превратиться изъ абстрактнаго понятія въ живое и животворящее дѣйствіе. Но этому новому направленію въ анархизмѣ должно соотвѣтствовать болѣе точное знаніе условій жизни трудящихся массъ, болѣе ясное и болѣе глубокое пониманіе многочисленныхъ и безконечно разнообразныхъ формъ, въ которыя облекается въ разныхъ странахъ соціальная борьба. И какъ попытку подобнаго рода мы разсматриваемъ Амстердамскій конгрессъ и привѣтствуемъ собравшихся здѣсь товарищей не только, какъ носителей высокой и славной *идеи* анархизма, но и какъ работниковъ, призванныхъ намѣтить широкіе пути для будущаго анархистскаго *дѣйствія*.

Уже умираетъ иллюзія „мирныхъ завоеваній", которая такъ долго разслабляла всякую энергію, подрывала всякую способность революціоннаго сопротивленія. Эксплуатируемыя массы, какъ будто начинаютъ пробуждаться отъ оцѣпенѣнія, въ которое погрузили ихъ политиканы всѣхъ мастей. Онѣ устали ждать осуществленія тѣхъ заманчивыхъ обѣщаній, которыя съ такимъ великодушіемъ расточали имъ втеченіе полувѣка сторонники „мирной революціи"; онѣ не хотятъ больше обѣщаній, онѣ поняли, наконецъ, что воздѣйствіе, и только революціонное, разрушительное воздѣйствіе, одно можетъ положить конецъ существующему строю. Съ точки зрѣнія грядущей революціи это пробужденіе пролетарскаго сознанія представляетъ уже, конечно, большой шагъ впередъ; но это далеко не все. *Понять* необходимость дѣйствія еще не значитъ *дѣйствовать*; и для того, чтобы рабочій классъ извлекъ пользу изъ истинъ, купленныхъ имъ цѣною столькихъ жертвъ и разочарованій, нужно, чтобы онъ *дѣйствовалъ*; но для этого необходимо раньше всего воскресить въ немъ революціонный духъ и революціонное настроеніе, которые, благодаря его научнымъ „друзьямъ", почти умерли... Вотъ наша роль, вотъ предстоящая намъ великая задача: революціонное воспитаніе пролетаріата.

Духъ возмущенія носится теперь надъ старой Европой. Повсючу трудовой міръ волнуется, пытается стряхнуть вѣковое ярмо, которое давитъ и душитъ его; и повсюду привиллигированные классы оказываютъ отчаянное сопротивленіе стремленіямъ наемныхъ рабовъ. Между господами и рабами столкновенія становится все чаще. Но тогда какъ господа, для своего торжества, не останавливаются ни передъ какимъ насиліемъ, рабы размышляютъ, взвѣшиваютъ — и это въ то время, когда надо дѣйствовать!.. Мы, анархисты, должны научить ихъ дѣйствовать, чтобы разбить ихъ цѣпи, чтобы на развалинахъ прошлаго построить новый міръ!...

Но для этого, для того, чтобы достойно выполнить свою задачу, чтобы дѣйствительно всегда и вездѣ играть роль революціоннаго фермента, будемъ революціонерами сами! Будемъ разрушителями всего того, что унижаетъ человѣческое достоинство, что стѣсняетъ человѣческую свободу.

Пусть грохотъ русской революціи пробудитъ энергію всѣхъ, возбудитъ во всѣхъ смѣлость; пусть весь анархическій міръ слѣдуетъ примѣру русскихъ товарищей. Они революціонеры! они сильны не только словомъ, но и дѣломъ; и это дѣло наводитъ ужасъ на всѣхъ хищниковъ современнаго строя.

Да здравствуетъ же анархическое *дѣйствіе!*...

Группа анархистовъ-коммунистовъ „*Буревѣстникъ*".

26 августа 1907 года.

Анархическій конгрессъ во Франціи.

Ко всѣмъ товарищамъ. Ко всѣмъ группамъ Франціи.

Въ виду огромнѣйшаго успѣха анархистской пропаганды и все болѣе распространяющихся анархистскихъ идей въ Сѣверномъ и Па-де-Калейскомъ районахъ, анархисты Рубе, Туркуана и Лиля, собравшись 15 сентября, съ цѣлью придать еще больше силы и сплоченности анархистскимъ теоріямъ, рѣшили созвать французскій анархистскій конгрессъ, который откроется въ Туркуанѣ 15 декабря 1907 года.

Организаторы приглашаютъ всѣхъ анархистовъ, какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и группы, присутствовать на этомъ конгрессѣ, вѣсть о которомъ была принята многими товарищами съ радостью.

Вотъ нѣкоторые вопросы, поставленные на очередь:

1) Организація анархистской федераціи Сѣвера и Па-де-Калэ.

2) Синдикализмъ и анархисты.

3) Кооператизмъ и анархизмъ.

4) Районное соглашеніе въ виду изданія федеративнаго органа.

БУНТУЕТЪ КРОВЬ....*)

Бунтуетъ кровь; бунтуетъ и стихія,
Въ груди кипятъ желанья роковыя,
И умъ младой восторгомъ возбужденъ,
„Довольно словъ... Мой путь опредѣленъ!...

Иду къ тебѣ, страдальная Россія
И къ вамъ, возставшіе рабы!...
„Да сгинетъ зло, трепещетъ тираннія,
И звонъ оковъ смѣняетъ громъ борьбы.

Реветъ гроза, и мрачный призракъ мщенья
Поднялся изъ крови, какъ вѣстникъ избавленья,
И рвется духъ. Желаетъ бури онъ!
„Довольно словъ... Мой путь опредѣленъ!

Костя Т.

ИЗЪ РОССІИ.

Анархистская Конференція Литвы и Польши.

„Духъ разрушающій — духъ созидающій.

М. Бакунинъ.

ОТЪ АНАРХИЧЕСКИ-КОММУНИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ.

КО ВСѢМЪ РАБОЧИМЪ!

„Революція ведетъ къ полной анархіи" въ испугѣ кричатъ русское правительство и разноцвѣтныя политическія партіи, „обновители" русской жизни, споря между собою и называя другъ друга ея виновникомъ, причемъ, какъ истыя дѣти буржуазнаго общества, эти господа разумѣютъ подъ анархіей хаосъ, доходящій до послѣднихъ предѣловъ, безпорядокъ и неорганизованность.

Мы, русскіе анархисты-коммунисты, говоримъ то же самое: русская революція, развиваясь, приближается все болѣе и болѣе къ анархистически-соціальной революціи, къ полной Анархіи.

Русская революція должна логическимъ путемъ придти къ анархіи. Гарантіей въ этомъ служитъ цѣлый рядъ предшествовавшихъ ей революцій, изъ которыхъ рабочій классъ черпалъ революціонное сознаніе, навыкъ и опытъ.

Мы, анархисты, понимаемъ подъ анархіей, конечно не то, что наши противники, т. е. не разрушеніе, а нѣчто другое. Но мы не боимся даже и этого понятія анархіи, ибо куда лучше было бы,

*) Стихотвореніе это прислано намъ изъ Болгаріи съ слѣдующей замѣткой объ авторѣ его:

Онъ, полный силъ и энергіи, вѣрилъ въ свой идеалъ. Онъ не былъ русскимъ, не жилъ даже въ Россіи, но горе и страданія порабощеннаго народа находили откликъ въ его молодомъ и отзывчивомъ сердцѣ. Въ 1903 году онъ ходилъ, какъ повстанецъ въ многострадальную Македонію, которая уже болѣе пятисотъ лѣтъ стонетъ подъ игомъ кровожадныхъ турецкихъ султановъ. Въ концѣ 1905 года К. Т. отправился въ Россію. Онъ жаждалъ встрѣчи съ людьми, которые понимали бы его чувства, его стремленія и съ которыми онъ могъ бы работать. Послѣ долгихъ поисковъ знакомится онъ съ Одесской группой а.-к. и долгое время энергично работаетъ съ нею. Случайно въ его квартирѣ сдѣланъ обыскъ, при которомъ найдены прокламаціи, револьверы и бомбы. Онъ взятъ...

еслибъ современный общественный строй былъ разрушенъ, еслибъ системы были всѣ существующіе институты и учрежденія, построенные на человѣческихъ трупахъ и цементированные кровью и слезами.

Буржуазія хорошо понимаетъ, чѣмъ грозитъ существующему строю распространеніе въ народныхъ массахъ идеи анархизма, этого страшнаго, какъ сама смерть опаснаго для нея, врага. Отсюда понятны тѣ дикіе крики и злобная ненависть, съ которой она набрасывается на него, тѣ грязныя мѣры, которыя она принимаетъ чтобы раздавить и уничтожить эту новую, еще молодую революціонную силу. Во всей этой предсмертной агоніи чувствуется скрытый ужасъ и страхъ передъ грядущей революціей, несущей смерть и разрушеніе буржуазіи и всѣмъ ея институтамъ, передъ порядкомъ, который принесетъ эта революція и который мы называемъ анархіей. Да, въ этомъ новомъ строѣ не будетъ мѣста властолюбцамъ, не будетъ мѣста той дьявольской игрѣ въ эксплуатацію, рабство и власть.

Наши противники великолѣпно знаютъ, что въ общественной жизни, какъ и въ природѣ, нѣтъ разрушенія безъ созиданія, что каждая критическая, негативная сторона, содержитъ еще въ себѣ прямую, позитивную сторону, что разрушая — созидаемъ.

Они также, какъ и мы, убѣждены въ созидающей силѣ революціи, которой они страшно боятся. Они знаютъ, что революція и анархія составляютъ одно органическое цѣлое. Они знаютъ, что революція, будучи критической стороной общественной жизни, дезорганизуя старый, обветшалый общественный механизмъ, разрушая прежній мертвый, окоченѣлый строй, уничтожая вредное наслѣдство многолѣтняго общественнаго роста — Государство, втиснувшее общественную жизнь въ рамки законности, милитаризма и нравственнаго рабства, создаетъ тѣмъ самымъ позитивную сторону — анархію, которая рождаетъ энергію и свободу, будитъ смѣлость, самодѣятельность и личную инициативу, превращаетъ забитаго, послушнаго раба въ протестующаго, энергичнаго революціонера, котораго ничто не можетъ остановить отъ наложенія его разрушающей, святотатственной руки на всѣ запылѣнныя цѣнности, на институты и учрежденія, которые были святы и дороги.

Свободныя децентралистическія тенденціи каждой революціи — основные анархистическіе принципы; поэтому каждая революція вноситъ ихъ въ рабочія массы. Рабочій классъ, объединенный одинаковыми экономическими и духовными интересами, представляетъ изъ себя соціальный организмъ. Каждая революція укрѣпляетъ его, развиваетъ его революціонное сознаніе, углубляетъ пропасть между классами имущихъ и неимущихъ, взыхаетъ здоровые классовые инстинкты, и все это даетъ ему возможность узнать его истиннаго врага — буржуазію, задрапировавшуюся въ красивый плащъ демократіи.

Безсознательны были первые шаги пролетаріата, когда онъ выступилъ вмѣстѣ съ буржуазіей въ „третьемъ сословіи". Съ тѣхъ поръ классовые интересы сильно обострились; онъ больше не повѣритъ фразамъ „его друзей". Русская революція для него послѣдній урокъ. Онъ видитъ, какъ ея измѣняютъ на каждомъ шагу; онъ видитъ, какъ продаютъ революцію, заплатившую у него десятки тысячъ жертвъ, за грязные Столыпинскіе бюллетени. Онъ видитъ, какъ всѣ тѣ, которые еще такъ недавно кричали: „да здравствуетъ революція", испугались ея анархическаго характера и начали, подобно куропаткинской арміи, отступать назадъ и разбрасывать по дорогѣ оружіе, не будучи даже въ состояніи завоевать то, что считали своими элементарными, насущными потребностями...

Да, благодаря революціямъ рабочіе узнали демократію...

И наканунѣ русской революціи начала зарождаться новая революціонная сила, началъ крѣпнуть и развиваться анархизмъ. Будучи явленіемъ общественной жизни, онъ скоро занялъ въ ней опредѣленную позицію и выработалъ извѣстныя отношенія къ различнымъ общественнымъ явленіямъ. Но въ слишкомъ юное движеніе вкрались нѣкоторыя ошибки, которыя практика послѣ вскрыла. Указать эти ошибки и еще глубже пустить корни анархизма въ рабочія массы — была цѣль конференціи. Она обдумала и дебатировала слѣдующіе пункты, которые раньше дискуссированы были во всѣхъ группахъ и приняты были единогласно:

1) Принимая во вниманіе разрозненность и изолированность анархическихъ группъ, конференція указываетъ на этотъ существенный недостатокъ анархическаго движенія и для болѣе плодотворной и планомѣрной дѣятельности зоветъ къ федераціи всѣхъ группъ.

2) Принимая во вниманіе, что всѣ экспропріаціи, совершавшіяся до сихъ поръ анархическими группами для организаціонныхъ цѣлей, были мелки, часты и страдали плохой организаціей, что приводило къ совершенно лишней растратѣ матеріальныхъ и моральныхъ силъ, конференція отвергаетъ подобнаго рода экспропріаціи и высказывается за крупныя, организованныя „федераціей всѣхъ группъ", экспропріаціи въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Только такая федерація группъ способна организовать крупныя экспропріаціи для нуждъ всего анархическаго движенія; и только она можетъ цѣлесообразно и экономно израсходовать денежныя средства, добываемыя на „эксахъ".

3) Разбирая отношенія и пріемы борьбы демократически-соціалистическихъ партій съ нами, анархистами, конференція нашла, что вышеназванныя партіи, не имѣя возможности бороться съ анархизмомъ идейно и думая, что имѣютъ дѣло съ отдѣльными личностями, прибѣгаютъ къ провокаторскимъ мѣрамъ борьбы. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, конференція предлагаетъ всѣмъ группамъ бороться съ этимъ зломъ путемъ пропаганды и разъясненія массамъ ихъ образа дѣйствій, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ принимать мѣры, какъ противъ провокаторовъ.*)

4) Обсуждая тактическіе пріемы анархистовъ и другихъ партій, конференція предлагаетъ группамъ самымъ энергичнымъ образомъ бороться путемъ пропаганды противъ профессіональныхъ союзовъ, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, какъ противъ опаснаго и хитраго средства буржуазіи для совращенія рабочаго съ его революціоннаго пути на путь компромиссовъ и сдѣлокъ, затемняющихъ его классовое революціонное сознаніе.

5) Конференція высказывается за экспропріацію продуктовъ только въ слѣдующей формѣ:

Массовыя организованныя экспропріаціи продуктовъ при всеобщей стачкѣ, локаутахъ, безработицѣ и т. д. и отвергаетъ филантропическую помощь буржуазіи и др. политическихъ партій, которая учреждается обыкновенно при общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ-то: дешевыя кухни, кассы для безработныхъ и т. п. учрежденія, развивающія нищенскую психологію и убивающія революціонную активную борьбу.

6) Конспиративный.

Федеративныя группы анархистовъ-коммунистовъ Литвы и Польши.

Іюль 1907 г.

Типографія Анархическ. Коммунистическихъ группъ Литвы и Польши.

РЕЗОЛЮЦІИ:

принятыя на конференціи Уральскихъ группъ Анархистовъ-Коммунистовъ 27-го Апрѣля 1907-го года.

—

О Синдикализмѣ.

Въ виду необходимости реагировать на политическій и экономическій ходъ вещей въ Россіи, мы считаемъ Синдикаты организаціей для борьбы.

Мы считаемъ, что организація по союзамъ есть идея анархическая;

И находимъ, что нужно не пренебрегать борьбой за мелкія улучшенія, тамъ, гдѣ она является борьбой прямой, революціонной; указывая при томъ на необходимости мелкихъ улучшеній вплоть до полнаго освобожденія. Мы считаемъ нашей главной задачей организовать нелегальные интерпартійные союзы между рабочими, крестьянами, солдатами и въ другихъ слояхъ населенія на почвѣ элементарныхъ интересовъ этихъ слоевъ, стремясь при томъ, переходя отъ частнаго къ общему, привести синдикатъ къ пониманію необходимости полнаго освобожденія экономическаго, политическаго и моральнаго. Мы считаемъ возможнымъ участвовать и въ существующихъ синдикатахъ, работая въ нихъ нелегально и стремясь побѣдить существующій въ нихъ оппортунизмъ. Мы считаемъ нужнымъ, чтобы союзы были безпартійными и всюду, гдѣ политическія партіи будутъ стремиться сдѣлать изъ союза орудіе ихъ политической борьбы будемъ раскрывать ложь этой тактики. Задачей всякаго синдиката должно явиться полное экономическое, политическое и интеллектуальное освобожденіе.

—

Объ Экспропріаціи.

Экспропріаціи, какія дѣлаются теперь различными партіями, не являются тѣмъ актомъ, который мы въ нашей литературѣ пропагандируемъ подъ именемъ экспропріація и не признаемъ таковыя методомъ анархической борьбы и результатомъ анархической теоріи. Подъ экспропріаціей мы понимаемъ нападенія на существующій строй, на всевозможныя учрежденія, поддерживающія власть

*) Этотъ пунктъ неясно формулированъ. Ред.

и собственость и пропогандируемъ это. Мы считаемъ возможнымъ для нуждъ партійной борьбы, для вооруженія, пропаганды и т. д., прибѣгать къ открытому, демонстративному нападенію на крупныхъ собственниковъ и государственныя учрежденія.

Абсолютно невозможнымъ и актомъ не анархическимъ, мы объявляемъ грабежи у рабочихъ, крестьянъ, мелкихъ собственниковъ даже въ томъ случаѣ, если у этихъ слоевъ населенія имѣются сбереженія.

Экспропріаціи не совершаются для личныхъ нуждъ отдѣльныхъ членовъ группы или всей группы, а исключительно для нуждъ анархическаго дѣла.

Экспропріаціи совершаются группами или федераціями группъ.

Лица, совершившія экспропріацію, не распоряжаются сами экспропріируемой суммой; она поступаетъ въ распоряженіе всей группы или федераціи группъ. Воровство, шантажъ, шулерство пріемы, принимаемые собственниками для обогащенія, мы отвергаемъ, признаемъ только прямой захватъ. Мы отказываемся отъ помощи обыкновенныхъ воровъ, обкрадывающихъ собственниковъ, обкрадывающихъ всѣхъ. Экспропріаціи совершаются исключительно для цѣлей анархическаго дѣла, а не съ цѣлью пропоганды. Экспропріаціи, совершаемыя для личныхъ цѣлей именемъ анархистовъ-коммунистовъ будутъ преслѣдоваться всѣми силами.

Организація Группъ.

Мы признаемъ два типа организацій: Групповую и Синдикальную.

Группа есть организація активныхъ работниковъ, объединенныхъ на почвѣ добровольнаго соглашенія, для проведенія въ жизнь анархическихъ идей.

Синдикальная организація есть союзъ активныхъ работниковъ изъ различныхъ организованныхъ слоевъ населенія.

Та или другая форма организаціи принимается сообразно съ мѣстными условіями. Мы считаемъ необходимымъ составить общую федерацію анархическихъ группъ. Организація сношеній между отдѣльными группами можетъ вестись путемъ корреспонденціи, общаго органа и совѣщанія делегатовъ отъ группъ.

Органъ.

Федерація группъ издаетъ федеративный органъ для разбора тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ. Для веденія его считаемъ нужнымъ три коммиссіи: редакціонную, техническую и экспедиціонную. Задачи редакціонной коммиссіи: собирать матеріалъ, корреспонденціи, составлять по тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ, а также исправлять матеріалъ орѳографически, грамматически и литературно, сокращая статьи по соглашенію съ авторами. Каждая группа посылаетъ делегата въ редакціонную коммиссію.

Задача технической коммиссіи: корректура и печатаніе. Задача экспедиціонной коммиссіи: транспортъ.

Временно предоставляется одной изъ группъ издавать междугрупповый органъ „Солидарность."

Печатаемъ полученное нами ЗАЯВЛЕНІЕ:

Членами Летучаго Боевого Отряда анархистовъ-коммунистовъ „Бунтарь" было совершено 28-го августа въ городѣ Гроднѣ въ Европейской гостинницѣ покушеніе на жизнь бывшаго полиціймейстера Мацевича, руководившаго разстрѣломъ множества рабочихъ 30-го іюля 1905 года и стоявшимъ также во главѣ хулигановъ Бѣлостокскаго погрома.

Сентябрь.

Боевой Летучій Отрядъ Анархистовъ-Коммунистовъ.

„Бунтарь"

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Екатеринославъ. Екатеринославская группа стоитъ *внѣ всякой фракціонности* русскихъ анарх.-ком. и по вопросу объ организаціи анархистской активной массы приняла слѣдующіе принципы: она организуется на совершенно новыхъ началахъ, раздѣляя работу на двѣ крупныхъ категоріи: *боевую и организаціонную*, признавая, что только лишь такой типъ организаціи (федераціи боевыхъ и организаціонныхъ силъ отдѣльно) сможетъ дать возможность каждой личности принести на алтарь классовой борьбы рабочаго съ буржуазіей *максимумъ своихъ способностей* и увеличить ряды дѣйствительно активно борющихся пролетаріевъ-анархистовъ, возставшихъ за свои классовые интересы противъ современнаго общества.

Въ годъ съ лишнимъ существованія организаціи рабочихъ А.-К. въ Екатеринославѣ намъ удалось заложить прочныя основанія анархизма въ рабочемъ движеніи и привлечь на свою сторону широкія симпатіи здѣшняго пролетаріата, среди котораго въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ мы создали Анархическія Федераціи 1) На Трубномъ заводѣ, 2) Въ Желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и 3) въ мелкихъ предпріятіяхъ; — федераціи цеховъ: а) портныхъ б) заготовщиковъ д) хлѣбопековъ и кромѣ того, районныя федераціи: Амурскую, Н.-Днѣпровскую, Екатеринославскую и Койдакскую. За годъ съ лишнимъ работы „организаціей" было совершенно около 70-ти террористическихъ актовъ, кромѣ вооруженныхъ сопротивленій, побѣговъ и экспропріацій, — также закупалось оружіе, и было распространено много литературы и прокламацій.

Группа.

Екатеринославъ. 5/VIII 1907 г.

Это заявленіе было прислано при вопросахъ, которые группа предлагала обсуждать въ Амстердамѣ, и которые она послала товарищу, предлагавшему ѣхать отъ ея имени на конгрессъ.

Памяти Владимира Ушакова.

(некрологъ.)

Телеграфъ отъ 23-го іюня принесъ намъ печальную вѣсть о гибели товарища Владимира Константиновича Ушакова. Мартирологъ погибшихъ въ борьбѣ за Анархическій Коммунизмъ пополнился новымъ именемъ... По конспиративнымъ соображеніямъ мы не сообщаемъ полной біографіи покойнаго и ограничимся бѣглыми свѣдѣніями изъ его жизни.

Владиміръ Ушаковъ родился въ дворянской семьѣ, отецъ его былъ земскимъ начальникомъ Гдовскаго уѣзда, СПБ.-ской губ. Раннее дѣтство Владиміръ провелъ въ имѣніи отца, въ Псковской губ. Потомъ его отдали въ гимназію въ Царское Село, по окончаніи которой онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ. Здѣсь онъ пробылъ недолго: замѣшанный въ какую-то „студенческую исторію", Владиміръ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Потомъ его выслали подъ „гласный надзоръ" въ Новгородъ. По окончаніи надзора Владиміръ уѣзжаетъ заграницу и поступаетъ въ Сорбонну. Но чистая наука мало интересуетъ его... Онъ живо интересуется политическими вопросами и большинство времени посвящаетъ чтенію соціально-экономическихъ книгъ, рефератамъ и собраніямъ. Въ этотъ же періодъ времени онъ вступилъ членомъ въ кружокъ соціалистовъ-революціонеровъ, группировавшійся вокругъ извѣстной въ революціонной средѣ „бабушки". Но недолго пробылъ тамъ Владиміръ. Вскорѣ онъ знакомится на анархическихъ собраніяхъ, гдѣ выступаютъ ораторы: С. Форъ, Ш. Малато, А. Либертадъ и др., съ новой идеей; она его цѣликомъ захватываетъ и Владиміръ становится убѣжденнымъ анархистомъ-коммунистомъ. Онъ дѣятельно посѣщаетъ рабочія собранія „Конфедераціи Труда", библіотеки и особенно „соціальный музей". Здѣсь его любимымъ занятіемъ было изученіе эпохи 92—95 гг. во Франціи. Онъ перечиталъ всю литературу, касающуюся этого времени. Всѣ его симпатіи были прикованы къ героическимъ фигурамъ анархистовъ-террористовъ: Равашоля, Вальяна, Анри...

Владиміръ переводитъ Ѳ. Мерика: „Десять лѣтъ спустя" (статью изъ Libertaire'а, посвященную этой эпохѣ, называемой „эрой динамита") и помѣщаетъ этотъ переводъ въ одномъ изъ №№ „Хлѣба и Воли".

Однажды, во время бойни въ „Биржѣ Труда", учиненной „аргусами" Г. Лепина, Владиміръ былъ помятъ полицейскими и чуть не изрубленъ шашкой.

Здѣсь онъ былъ очевидцемъ дикой жестокости республиканскихъ полицейскихъ, мало чѣмъ отличающихся отъ нашихъ отечественныхъ казаковъ. Въ слѣдующій разъ Владиміръ съ другими товарищами помогаетъ одному анархисту вырваться, во время демонстраціи по поводу изгнанія Бурцева, изъ рукъ жандармовъ. Товарищу удалось благополучно скрыться вмѣстѣ съ Владиміромъ.

Сонная жизнь въ Европѣ мало удовлетворяла Ушакова. Ему хотѣлось бороться, работать... И онъ уѣзжаетъ на родину, побывавъ дорогой въ Швейцаріи. Вернувшись въ С.-Петербургъ, Владиміръ принялся за пропаганду: заводилъ связи, организовывалъ кружки. Весь 1905-й годъ онъ прожилъ здѣсь, переживъ кровавые „январскіе дни". Былъ онъ очевидцемъ 9-го января... Видѣлъ первые баррикады, трупы убитыхъ... Слышалъ, какъ вчерашніе еще „вѣрноподанные" царя, рабочіе, сегодня посылали проклятія ему — „народоубійцѣ"!

Горячее было время, въ воздухѣ нависла буря... Всѣ ждали ея. Но она миновала... Переживъ эти ужасные дни, Владиміръ впослѣдствіи любилъ вспоминать о нихъ, какъ о самыхъ любопытныхъ, самыхъ захватывающихъ событіяхъ въ его жизни. Къ это-

му періоду относится пріѣздъ въ С.-Петербургъ анархистовъ „безначальцевъ". Хотя Ушаковъ и считалъ себя всегда „безфракціоннымъ",—но онъ примыкаетъ къ нимъ и соглашается работать въ новообразовавшейся группѣ „анархистовъ-общинниковъ". Среди рабочихъ его знали подъ кличкой „Адмирала". Группа очень цѣнила Владимира, какъ дѣятельнаго сотрудника и особенно, какъ опытнаго организатора тайныхъ типографій. Когда настали „дни свободъ", въ Петербургѣ начались грандіозные митинги. Владиміръ принялъ въ нихъ участіе... Впервые онъ говорилъ объ анархизмѣ передъ громадной аудиторіей. Вскорѣ начались репрессіи... Обрушились онѣ и на анархистовъ; выданные провокаторомъ, всѣ они попали въ Петропавловскую крѣпость. Владиміръ на этотъ разъ уцѣлѣлъ, но онъ былъ сильно „скомпрометированъ"... Его ищетъ всюду полиція, подозрѣвая въ соучастіи въ динамитномъ покушеніи. Оставшись безъ связей съ другими городами, онъ достаетъ паспортъ и ѣдетъ заграницу. Слѣдующіе мѣсяцы ему пришлось прожить во Львовѣ (Галиція), вращаясь всё время въ кругу товарищей-эмигрантовъ. Ему очень тяжело живется безъ „активной работы". Чтобы какъ-нибудь убить время, онъ пѣшкомъ отправляется съ однимъ товарищемъ „бродяжничать" по деревнямъ. Они изучаютъ жизнь галиційскихъ крестьянъ, которые такъ близки къ нашимъ украинцамъ. Имъ пришлось побывать на большомъ митингѣ протеста, съ котораго крестьяне расходились, распѣвая „Червонный Штандаръ". Полиція замѣчаетъ ихъ и въ м. Перемышлянахъ арестовываетъ. Только счастливая случайность спасаетъ товарищей отъ непріятнаго путешествія въ австрійскую „криминалку".

Живя во Львовѣ, Владиміръ знакомится съ польской молодежью и эмигрантами. Онъ достаетъ у одного изъ нихъ анархистскую литературу и усердно занимается чтеніемъ. Но дальше оставаться нѣтъ силъ. Боевая жизнь въ Россіи такъ и манитъ къ себѣ... И вотъ, съ транспортомъ литературы Владиміръ возвращается на родину. Границу пришлось „брать" съ трудомъ: шелъ дождь; промокшій, онъ цѣлый день просидѣлъ въ какомъ-то оврагѣ. Переправой занимался нашъ товарищъ, опытный контрабандистъ — *) также трагически погибшій. Весну Владиміръ провелъ въ Новороссіи,—работая въ типографіи „группы рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ" въ Екатеринославѣ. Послѣ взрыва въ казармахъ и цѣлаго ряда террористическихъ актовъ начинаются въ этомъ городѣ репрессіи. Группа устраиваетъ свою типографію въ Крыму, куда ѣдетъ и Ушаковъ. Съ нѣсколькими товарищами онъ организуетъ эту типографію около Ялты, въ пещерѣ царскаго имѣнія „Ореанда".

Типографія эта энергично работаетъ, печатая массу листковъ. Въ ней же издана брошюра [illegible]: „Временное правительство и анархизмъ". Всѣ эти изданія расходятся по югу Россіи. Но вотъ осенью типографію выдаетъ провокаторъ. Владиміра арестовываютъ въ банкѣ при экспропріаціи. Остальные товарищи (Мудровъ, Липовскій **) захвачены врасплохъ въ пещерѣ. Ихъ обезоруживаютъ. Полиція находитъ брошюры, шрифтъ, наборъ „некролога Гольмана" и № 1 „Бунтаря", а также нѣсколько браунинговъ. Арестованныхъ увозятъ въ Симферополь. Здѣсь Владиміръ и его товарищи просидѣли около года въ ожиданіи приговора. Затѣмъ ихъ дѣло передается военно-окружному суду и заключенные переводятся Севастопольскую гражданскую тюрьму. Судебный слѣдователь предъявляетъ статьи, грозящія смертной казнью. Владиміръ обвиняется: 1) въ храненіи и приготовленіи бомбъ, 2) въ принадлежности къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ, 3) въ организаціи типографіи и печатаніи террористической литературы и, наконецъ, 4) въ „экспропріаціи".

Но вотъ, неожиданно для начальства, на тюрьму произведено нападеніе. Въ тюремномъ дворѣ, гдѣ гуляли политическіе заключенные, взорвана адской машиной стѣна. Заранѣе вооруженные револьверами, стрѣляя въ часовыхъ, 21 политическій заключенный бѣгутъ къ пролому, образовавшемуся послѣ взрыва. Среди нихъ былъ и Владиміръ. Но увы! не суждено ему было воспользоваться этой свободой.

Потомъ, когда въ городѣ началась тревога и полиція оцѣпила всѣ кварталы, Владиміръ былъ настигнутъ полицейскимъ отрядомъ.

Не желая живымъ отдаться въ плѣнъ палачамъ, онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. Царскіе опричники захватили только холодный трупъ его.

Такъ безвременно погибъ нашъ Владиміръ!

Память о немъ навсегда сохранится у тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ жилъ и боролся во имя анархизма!

Н. Рогдаевъ.

*) Михаилъ Рыбакъ впослѣдствіи оказавшій возлѣ Каменецъ-Подольска упорное вооруженное сопротивленіе полиціи и покончившій самоубійствомъ.

**) Владиміръ вмѣстѣ съ другимъ тов. ранили часового въ тюрьмѣ.

Н. Р.

Казни анархистовъ въ Ниж.-Новгородѣ.

„Съ другомъ надежнымъ сойдись,
Острый клинокъ отточи,
Надо не плакать, а мстить,
Мстить за погибшихъ въ ночи".

∴

Конецъ 1906 и начало 1907 года роковое для нашего молодого движенія время. Всюду оно несетъ громадный уронъ... Всюду висѣлицы и разстрѣлы... „Такъ мало прожито, такъ много пережито"—невольно скажетъ каждый анархистъ-коммунистъ, вспоминая пережитое въ эти нѣсколько мѣсяцевъ. Мартирологъ борцовъ за Анархическій Соціализмъ пополняется новымъ рядомъ именъ казненныхъ товарищей. Въ Нижнемъ Новгородѣ молодая „группа", едва только порвавшая съ политическими партіями и сформировавшаяся подъ Чернымъ Знаменемъ анархизма, полная вѣры въ начатое дѣло, дѣло непримиримой борьбы съ служителями Государства и Капитала гибнетъ, не успѣвши проявить себя, сколько-нибудь широко въ анархической работѣ. Таковы уже роковыя условія проклятой дѣйствительности! Дорогою цѣною приходится расплачиваться рабочему люду за свое дѣло—дѣло соціальнаго освобожденія... Но ни висѣлицы, ни разстрѣлы, ни пулеметы, которые выдвигаются противъ анархизма холопами Государственности, ничто не устрашитъ рабочихъ. Лозунгъ: „Да здравствуетъ Анархическій Коммунизмъ"!—брошенный казненными у самаго эшафота не заглохнетъ безслѣдно.

Вызовъ брошенъ. Соціальная борьба массъ началась и не вамъ, палачамъ, остановить ея бурный натискъ. Рано или поздно, но побѣда будетъ на сторонѣ революціи. Пусть же первые піонеры, погибшіе на висѣлицѣ, зовутъ васъ, сормовскіе рабочіе, къ новой борьбѣ, неустанной, рѣшительной... Пусть будутъ они вамъ примѣромъ, какъ нужно умирать, просто и смѣло за великое дѣло рабочаго освобожденія! Представители власти понимали это, когда крадучись, точно шакалы въ ночной тишинѣ, подъ покровомъ мрака, вѣшали рабочихъ, анархистовъ-коммунистовъ, во дворѣ 1-го корпуса нижегородской тюрьмы. Это была вторая казнь въ Нижнемъ... Годъ тому назадъ, въ томъ же дворѣ презрѣннымъ надзирателемъ-палачемъ, былъ повѣшенъ соціалистъ-революціонеръ Никифоровъ за убійство начальника охраннаго отдѣленія.

Казнило правительство анархистовъ въ два пріема—21-го января повѣшено 7 человѣкъ: рабочіе Н. П. Денисовъ, А. Ф. Исаковъ, А. А. Юрьевъ, братья Цвѣтковы, Н. А. Хизовъ и Иванъ А. Кирюшинъ. 22-го марта одинъ, Леонидъ Спиридоновъ, арестованный 2-го ноября. Военно-окружной судъ приговорилъ его еще 17-го января, но подлые палачи заставили осужденнаго два мѣсяца и нѣсколько дней сидѣть въ ожиданіи казни и пережить повѣшеніе товарищей. Всѣ казненные были рабочіе. Они, недавніе соціалисты-государственники, перешли въ ряды анархистовъ, познакомившись съ послѣдними либо на „групповкахъ", либо въ тюрьмѣ, въ заключеніи. Такъ Леонидъ Спиридоновъ вмѣстѣ съ убитымъ при сопротивленіи Филипповымъ Рогожниковымъ—были соціалъ-демократами, (одинъ изъ нихъ участвовалъ въ декабрьской революціи) но сидя въ тюрьмѣ, стали знакомиться съ анархистами и потомъ ушли къ нимъ. На волѣ группа „анархистовъ-коммунистовъ" проявила себя въ анархической пропагандѣ и въ цѣломъ рядѣ вооруженныхъ нападеній. Для нуждъ революціонной борьбы совершена была экспропріація... Анархисты тяжелымъ опытомъ узнали, какъ трудно и рисковано начинать вооруженное возстаніе, когда широкія массы безоружны. Ихъ задачей было поставить технику, заготовить запасы динамита и бомбъ. Нужны были средства, а по грошамъ у безработнаго, голодающаго рабочаго ихъ не соберешь. Во время одного нападенія анархистовъ преслѣдовала полиція, и они убили гнавшагося за ними городового.

На заводѣ (Сормово) былъ кризисъ, полный застой... Директоръ Пріемскій, лицемѣрный холопъ капиталистовъ, всячески притѣсняетъ рабочихъ, стараясь „урвать" всѣ завоеванія, которыя отняли они въ бурное, революціонное время. И вотъ у „группы" зрѣетъ мысль убрать этого нахала. Планъ уже наканунѣ исполненія...

Но счастливая случайность спасаетъ Пріемскаго, а вскорѣ онъ уѣзжаетъ въ Крымъ и находится внѣ предѣла досягаемости...

Въ это же самое время анархисты-коммунисты распространяютъ среди заводскихъ рабочихъ большое количество брошюрокъ, екатеринославскіе листки „Памяти Гольмана", „Буревѣстникъ."

Новая идея встрѣчаетъ всюду живой интересъ. Ведутся групповки, рефераты...

„Боевая дружина" анархистовъ совершаетъ и крупный актъ, имѣвшій въ нашемъ околоткѣ большое значеніе—это убійство завѣдующаго сормовской сыскной полиціей Кемаева. Онъ былъ убитъ въ вагонѣ поѣзда. Вмѣстѣ съ нимъ былъ убитъ полиц.

урядникъ Гладышевъ. Анархисты, покончивъ съ нимъ, затормозили вагонъ, остановили поѣздъ и на глазахъ у многочисленной публики, онѣмѣвшей отъ страха, безнаказанно скрылись въ лѣсу. Погоня, посланная часъ спустя изъ Кунавина, вернулась безуспѣшно. Убитые „слуги" государства были съ помпой похоронены.

На ихъ могилахъ говорились рѣчи, сыпались проклятія „крамолѣ". Рабочее населеніе Сормова радостно приняло вѣсть объ убійствѣ лейбъ-сыщика Кемаева. „Молодцы", говорили кругомъ, „убрали наконецъ эту гадину". Кемаевъ былъ не заурядный негодяй; онъ завелъ при полиціи застѣнокъ, гдѣ пыталъ арестованныхъ и издѣвался надъ ними. Это искусство „допрашивать съ пристрастіемъ" онъ перенялъ у своего начальника, жандармскаго ротмистра Терещенко. Послѣднее выступленіе „группы" произошло 2-го ноября. Полиція, узнавъ нѣсколькихъ анархистовъ, пыталась арестовать ихъ на вокзалѣ, они отстрѣливались... Одинъ былъ убитъ (Рогожниковъ) — второй, Леонидъ Спиридоновъ, раненый взятъ жандармами. Сообщаю подробности казни, которую всѣ перенесли съ удивительнымъ мужествомъ.

Казнь семи осужденныхъ происходила глубокой ночью, въ три часа, во дворѣ перваго корпуса. Для этого былъ привезенъ изъ Москвы спеціальный палачъ. Боялись волненій среди заключенныхъ тюрьмы, осужденныхъ вечеромъ препроводили во вторую Кремлевскую часть, пустивъ слухъ, что ихъ увозятъ въ Москву.

Ночью привели обратно. Товарищей сопровождала громадная орава жандармовъ и конной полиціи. Тюрьма охранялась ротой солдатъ, а вокругъ тюрьмы гарцовали конные стражники.

Въѣзжая во дворъ, Денисовъ спросилъ: „А гдѣ-же нашъ эшафотъ?" Вслѣдъ за тѣмъ изъ кареты, гдѣ сидѣли остальные шесть осужденныхъ, раздалось пѣніе похороннаго революціоннаго марша:

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой"... Всѣ осужденные держались бодро и казались веселыми. Во время казни присутствовали чины полиціи, прокуроръ, врачъ г. Родзевичъ и попъ.

Вскорѣ на четырехъ висѣлицахъ повисли тѣла осужденныхъ: Одинъ изъ нихъ, прежде чѣмъ вложить голову въ петлю, крикнулъ.

„Смотрите, какъ умираютъ анархисты-коммунисты!" Спустя нѣкоторое время были повѣшены трое остальныхъ. Тѣла казненныхъ были сложены въ сани и погребены тайкомъ на Петропавловскомъ кладбищѣ. Когда казнь уже была совершена, изъ С.П.Б пришелъ запросъ: „не послѣдовала-ли отмѣна смертной казни осужденнаго крестьянина Ивана Кирюшина?" Но было уже поздно; мать узнала, что ея сына уже повѣсили. Также мужественно умеръ и Леонидъ Спиридоновъ. Его казнили 22 Марта. Онъ прогналъ попа, отказался слушать смертный приговоръ, сказавъ: „Зачѣмъ? я знаю, что меня ожидаетъ" и указалъ на висѣлицу. Самъ подошелъ къ эшафоту и накинулъ себѣ на шею петлю. Черезъ нѣсколько минутъ его не стало... Казнь восьми рабочихъ-анархистовъ произвела сильное впечатлѣніе на рабочее населеніе Кунавина и Сормово. Всѣ поняли, что холопы царскаго правительства новыми висѣлицами хотятъ запугать революціонеровъ. Но это имъ врядъ-ли удастся!

Анархизмъ уже не разъ подвергался гильотинированію и разстрѣламъ. Мученики его гибли на эшафотѣ, но идея не умерла.

Она безсмертна. Переходя въ рабочихъ массахъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, она закаляетъ ихъ, приучаетъ къ суровой классовой борьбѣ и воспитываетъ въ нихъ идею разрушенія, какъ Капитала, такъ и Государства. „Вы пугаете насъ висѣлицами, мы будемъ отвѣчать вамъ динамитными бомбами" — вотъ слова, которыя получили въ отвѣтъ палачи-судьи во время процесса анарх.-коммун. въ Чикаго. Русскій рабочій, воспитанный революціонной эпохой, видѣвшій баррикады и массовые разстрѣлы и висѣлицы своихъ братьевъ — никогда не забудетъ ихъ. Посылая послѣднее прости памяти казненныхъ, мы призываемъ рабочій людъ къ новой, неустанной борьбѣ подъ Чернымъ Знаменемъ. Пусть же будетъ нашимъ боевымъ кличемъ: „Смерть буржуа! Да здравствуетъ Соціальная Революція!".

Н. Рогдаевъ.

21 Ноября

Дѣло семи анархистовъ въ Одессѣ.

14 марта 1907 г. одесскій военно-окружной судъ вынесъ приговоръ анархистамъ-коммунистамъ: Хаиму Молчанскому (Хаимъ — столяръ) — 12 лѣтъ каторжныхъ работъ; М. Вейсману 10 лѣтъ, Б. Рублеву и Ш. Фельдману по 6 лѣтъ, Ц. Полизову — 4 г. И. Чеботареву и В. Розенблату, первому — 4 г., а второму — 3 г. тюремнаго заключенія. Товарищи обвинялись въ храненіи взрывчатыхъ веществъ и оружія и въ принадлежности къ одесской группѣ анархистовъ-коммунистовъ. Товарищъ Хаимъ Молчанскій произнесъ на судѣ рѣчь, изъ которой мы приводимъ слѣдующее мѣсто: „Мнѣ задали вопросъ, считаю ли я себя виновнымъ. Нѣтъ, отвѣчаю я. Я, какъ анархистъ-коммунистъ, не считаю преступленіемъ то, что я проповѣдывалъ анархистскія идеи въ самыхъ широкихъ слояхъ угнетеннаго класса. Я не считаю преступленіемъ своего призыва къ насильственнымъ мѣрамъ противъ существующаго строя.

Я убѣжденъ, что только путемъ разрушенія частной собственности и уничтоженія всякой власти угнетенный классъ сможетъ освободиться отъ многовѣковаго рабства и гнета. И поэтому я считалъ бы себя виновнымъ въ томъ случаѣ, если бы я, зная причины зла, не указывалъ бы на нихъ угнетеннымъ. Виновнымъ же я считаю себя въ томъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи складъ оружія и взрывчатыхъ веществъ, я не сумѣлъ направить ихъ противъ васъ, противъ угнетателей и поработителей рабочаго класса". Товарищъ дважды, въ началѣ и въ концѣ рѣчи, заявилъ, что всѣ остальные 6 подсудимыхъ не имѣли ничего общаго съ его квартирой и найденнымъ въ ней складомъ. Но, судя по приговору, судьи не обратили никакого вниманія на это заявленіе.

Симферополь.

Петръ Васинъ.

20 іюля т. г. два товарища, Петръ Васинъ и Владиміръ Вашкевичъ, оказали вооруженное сопротивленіе при попыткѣ задержать ихъ. Преслѣдуемые полиціей и ингушами они скрылись на Мало-Базарной улицѣ въ домѣ Качера. Въ помощь пытавшимся ихъ задержать были вызваны пѣхота и артиллерія. Домъ, въ которомъ скрылись товарищи былъ оцѣпленъ. На предложеніе губернатора сдаться — они отвѣчали: „Анархисты не сдаются". Рядомъ залповъ — между ними и пушечные — одинъ тов. былъ убитъ, другой покончилъ съ собой послѣднимъ зарядомъ.

Я близко зналъ только одного изъ погибшихъ — Петра. Попытаюсь передать кое-что изъ воспоминаній о его жизни и борьбѣ — такой же стойкой, прекрасной и искренней, какъ и его смерть.

Сынъ крестьянина, близко знавшій и глубоко любившій обездоленную массу, онъ всегда, въ самые острые моменты своей жизни носилъ съ собой ея вѣковѣчную тоску по землѣ, ея маленькія, повседневныя, сѣренькія нужды. Глядя на него, порой начинало казаться, что въ душѣ его сложились — близко и неразрывно — двѣ стихіи: непримиримая ненависть къ угнетателямъ и безгранично нѣжная любовь къ угнетеннымъ...

Помню — однажды — на родинѣ Петра насъ стражники пытались арестовать. Отстрѣливаясь, мы догнали проѣзжавшій неподалеку крестьянскій возъ съ житомъ — опорожнили его и поскакали. По дорогѣ къ лѣсу, гдѣ мы могли скрыться, пришлось проѣзжать деревнями. Встрѣчные крестьяне кинулись задерживать насъ. И тутъ-то могучая сила вліянія на крестьянскую душу, которой обладалъ Петръ, сказалась во всей своей величинѣ. Стоя на возу, съ „маузеромъ" въ рукахъ, онъ глубокимъ, задушевнымъ голосомъ говорилъ, окружившимъ насъ крестьянамъ, объ ужасномъ гнетѣ насильниковъ современнаго строя, о безгранично-жестокихъ расправахъ съ борцами за народное освобожденіе, о невѣжествѣ и темнотѣ, въ которыхъ намѣренно держатъ народъ, чтобъ онъ не зналъ, кто врагъ, и кто другъ его.

Прекрасная и сильная рѣчь его произвела потрясающее впечатлѣніе. Крестьяне разступались, бабы навзрыдъ плакали. А едва добрались мы до лѣсу, едва перестали раздаваться выстрѣлы преслѣдовавшихъ насъ стражниковъ, какъ Петръ сталъ уже раздумывать, гдѣ бы достать денегъ, чтобъ заплатить крестьянину за лошадь и жито, которыя мы отняли у него для нашего спасенія.

Такъ жилъ онъ одной только мыслью объ освобожденіи подневольной, вѣчно-голодной, вѣчно нуждающейся народной массы, мыслью никогда, нигдѣ его не покидавшей.

Солдатская пуля безсознательныхъ палачей строя неволи отняла его у насъ.

Но его имя, его ненависть къ блаженствующимъ поработителямъ, его любовь къ порабощеннымъ и жажда ихъ освобожденія — остались съ нами. И сама смерть его только удвоитъ нашу борьбу местью, безграничной местью тираніи капитала и государства за новую жертву во имя свободы и счастья.

Циркуляръ

„Департамента Полиціи.

[illegible] 1907 года.

„Предполагается арестовать на границѣ проживающихъ подъ слѣдующими подложными паспортами:

1) Франца Петрова Левандовскаго, 2) Альмуда Зельмановa Миллерфера, 3) подъ австрійскимъ внутреннимъ и заграничнымъ паспортомъ на имя галицкаго подданнаго Х. (фамилія и имя не указаны), 4) Нахима-Мовшева Матлина".

„Слѣдующія лица намѣрены въ скоромъ времени поѣхать въ Россію; принять къ руководству и арестовать: Энгельсонъ, Веньяминъ Штумперъ, Н. Музиль, Марія (Марина) Рубинштейнъ и Лазарь Пенесъ".

Въ виду того, что она не [illegible] [illegible] лица, мы её [illegible].

Свѣдѣнія эти, до напечатанія въ нашемъ журналѣ мы послали во французскія газеты для опубликованія.

ЗАЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ

АНАРХИЧЕСКАГО АЛЬМАНАХА.

Товарищи! Едва ли приходится говорить о томъ значеніи, какое имѣло бы для насъ опубликованіе всѣхъ матеріаловъ, касающихся анархическаго движенія въ Россіи за 1904 — 1907 г. г.? Несмотря на такой короткій промежутокъ, оно уже имѣетъ богатый мартирологъ; слова: „такъ мало прожито, такъ много пережито" къ нему вполнѣ примѣнимы. И вотъ теперь, когда революціонная буря на время затихла, группа товарищей, анархистовъ - коммунистовъ, участвовавшихъ въ активномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ, рѣшила приступить къ изданію „Анархическаго Альманаха". Изданіе будетъ вполнѣ *внѣфракціонное*; поэтому мы обращаемся ко всѣмъ лицамъ и группамъ съ просьбою не отказать нашему предпріятію, *какъ денежной помощью, такъ и присылкой имѣющихся матеріаловъ*. Очень важно приступить къ изданію именно теперь, когда еще свѣжи воспоминанія пережитого и самимъ очевидцамъ можно подвести его итоги. Пройдутъ года, и будетъ поздно: многое будетъ забыто, многое утеряно... Поэтому спѣшите, товарищи, оказаніемъ намъ активной помощи!

Нужны намъ главнымъ образомъ слѣдующіе матеріалы:

1) Фотографическія карточки убитыхъ, казненныхъ и осужденныхъ на каторгу анархистовъ.

2) Копіи или оригиналы листковъ, бюллетеней и прокламацій, издаваемыхъ по разнымъ поводамъ нашими группами въ Россіи и за границей.

3) Хроники движеній, исторіи группъ, очерки, замѣтки, вообще всякія воспоминанія, касающіяся анархизма въ Россіи.

4) Указатель анархической литературы, изданной нашими группами и различными издательствами.

5) Некрологи погибшихъ товарищей, воспоминанія о нихъ и проч.

Просимъ товарищей, которые будутъ присылать фотографіи, надписывать на каждой имя и фамилію лица, которому она принадлежитъ и, хотябы краткія біографическія свѣдѣнія. Матеріалы товарищи могутъ посылать въ самомъ необработанномъ видѣ на русскомъ, польскомъ или еврейскомъ языкѣ; нами все будетъ использовано, какъ самыя лаконическія письма, такъ и пространныя съ мельчайшими подробностями. Присылайте также вырѣзки газетъ, касающіяся анархическаго движенія въ Россіи. Всѣ матеріалы, какъ рукописи, такъ и фотографіи, по использованіи будутъ переданы нами въ лондонскій архивъ анархистовъ - коммунистовъ.

Всякую корреспонденцію, заказныя письма, деньги направляйте черезъ анархическія группы или же знакомыхъ заграницей по слѣдующему адресу:

L. Avenier. 24. Avenue Soret, 24.
Genève (Suisse).

На внутреннемъ конвертѣ надписывать: для редакціи „Анархическаго Альманаха".

Просимъ редакціи анархическихъ газетъ перепечатывать настоящее заявленіе.

За группу издателей „Анархическаго Альманаха"
Н. Рогдаевъ.

1907 г. 9 сентября Парижъ.

Анархическій Интернаціоналъ.

Заявленіе.

Въ цѣляхъ облегченія сношеній между товарищами разныхъ странъ Анархическій Интернаціональный конгрессъ счелъ полезнымъ создать Международное Бюро.

Назначеніе этого бюро — облегчить сношенія между товарищами, не имѣющими возможности сноситься непосредственно и передача всѣмъ заинтересованнымъ свѣдѣній и предложеній присланныхъ для нихъ въ бюро.

Бюро также уполномочено составить архивы, анархическаго движенія, которыми смогутъ пользоваться всѣ товарищи.

Для выполненія этой задачи Международное Бюро обращается ко всѣмъ анархистамъ и проситъ ихъ пересылать ему по крайней мѣрѣ, по два экземпляра всѣхъ изданій, касающихся анархистскаго движенія.

Международное Бюро открываетъ также подписку для покрытія дефицита, оставленнаго конгрессомъ и для обезпеченія своего собственнаго существованія.

Бюро вскорѣ выпуститъ въ свѣтъ резолюціи, принятыя конгрессомъ и проситъ всѣ группы и федераціи сообщить ему по возможности скорѣе число экземпляровъ, которые онѣ желаютъ получить.

Секретарь *А. Шапиро.*

Адресъ для сношеній:

Mr. A. Schapiro
163 Jubilée Str. 163
London E. Англія.

Заявленія.

Товарищи изъ Россіи предупреждаютъ насъ о провокаторахъ: Болеславъ Бродскомъ и Петрѣ Лернерѣ. Послѣдній въ бытность свою въ Одессѣ 902 — 904 г. состоялъ корреспондентомъ „Искры" (псевдонимъ: „Флора изъ Од."). Если кто либо изъ товарищей имѣетъ фотографіи этихъ лицъ, либо біограф. свѣдѣнія о нихъ — будемъ очень благодарны, если намъ пришлютъ ихъ для опубликованія.

Ред.

Кишиневская группа анархистовъ-комунистовъ извѣщаетъ, что 29-го іюня рукою товарища Бориса Беркова по рѣшенію группы убитъ въ кишиневской тюрьмѣ бывшій анархистъ, провокаторъ Лейба Гофманъ. Онъ организовалъ нѣсколько актовъ и, испугавшись ареста, завязалъ сношенія съ полиціей и охраннымъ отдѣленіемъ. Фактъ сношеній его съ полиціей подтверждался имъ самимъ и данными товарищей. Въ тюрьмѣ онъ продолжалъ свои сношенія съ приставомъ Хаджиколи и написалъ ему письмо съ требованіемъ вознагражденія за оказанныя услуги. Товарищъ Берковъ, убившій его, преданъ одесскому военно-окружному суду.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

НАНСИ. Получили 125 fr.; спасибо. Отъ Бориса Лондонскаго получено за литературу 64 fr.

ЮРЬЕВЪ. Литература послана. Пишите часто обо всемъ.

ТАШКЕНТЪ. Статьи пошлемъ; ждемъ писемъ.

Прямкѣ и Бородатому. Пришлите фотографіи Ушакова, погибшаго съ тов. Васильевымъ, Федосея Зубари и всѣхъ тѣхъ, кто погибъ вмѣстѣ съ нимъ.

Просятъ агитаторовъ и пропагандистовъ въ Баку, Бѣлостокъ, Екатеринославъ.

„Южно-Русскій анархистъ" проситъ сообщить что изъ присланныхъ ему Екатеринославской организацией д.-к. 40 fr., 25 переданы въ бюро Амстердамскаго Конгресса, 15 же истрачены на путевыя издержки.

Въ то же бюро переданы 10 fr. отъ товарища М. Д. изъ Парижа.

За недостаткомъ мѣста намъ пришлось отложить корреспонденціи изъ Одессы, Бѣлостока и Варшавы, а также корреспонденціи о Ялтинской типографіи и Севастопольскомъ побѣгѣ до слѣдующаго номера.

Письма и деньги просятъ направлять въ:
Paris. Rédaction du « Libertaire » rue d'Orsel 15.
L. Avenier 24. Avenue Soret 24. Genève.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись для „Буревѣстника".

Типографія „Буревѣстника".